

И. И. Вернеръ.

**О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ
ОБРАЗОВАНІЯ
МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.**

МОСКВА.

Университетская типограф., Страстной бульварь.

1907.

И. И. Вернеръ.

О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ

ОБРАЗОВАНІЯ

МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.

М О С К В А.

Университетская типограф., Страстной бульваръ.

1907.

О времени и причинах образования Московскихъ приказовъ.

Изъ того, что въ настоящее время наша логика несходна съ логикой нашихъ предковъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе жили по законамъ одной необходимости, безъ всякихъ теоретическихъ изображеній.

Градовскій.

(Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи).

В В Е Д Е Н І Е.

Прежде чѣмъ приступить къ вопросу о времени и причинахъ происхожденія Московскихъ приказовъ, мы должны выяснить въ нѣсколькихъ словахъ самое понятіе «приказнаго управленія» и указать на первые его зачатки еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи.

Понятіе «приказнаго человѣка» не имѣетъ опредѣленнаго матеріальнаго содержанія: оно можетъ означать всякаго человѣка, которому что нибудь поручено, «приказано» въ интересахъ другого лица; этимъ послѣднимъ могъ быть князь, его намѣстникъ, обыкновенный кормленщикъ, наконецъ—всякій частный человѣкъ свободнаго происхожденія, даже учрежденіе—монастырь. Самое порученіе, «приказъ», тоже могло носить различный характеръ: оно могло относиться къ частному хозяйству князя или намѣстника, но могло касаться и его публичныхъ правъ и обязанностей. Лицо, облеченное властью, могло поручить ей осуществленіе въ томъ или другомъ случаѣ—отъ *своею* имени и въ *своемъ* интересѣ—какъ своимъ слугамъ, холопамъ, такъ и свободнымъ лицамъ незнатнаго происхожденія, не имѣвшимъ самостоятельнаго права на участіе въ управленіи и на пользованіе его доходами.

Необходимо различать два значенія термина «приказное управленіе»—древнѣйшее, болѣе обширное, и позднѣйшее, болѣе тѣс-

ное. Въ первоначальномъ своемъ значеніи приказное управленіе есть вѣданіе личными слугами князя—свободными и несвободными— всего, что князь имъ прикажетъ, поручитъ вѣдати, — сначала его частныхъ доходовъ, а затѣмъ и государственныхъ (напр. судебныхъ), но тѣмъ-же способомъ, какъ и частныхъ¹⁾. Приказное управленіе въ этомъ древнѣйшемъ смыслѣ было чисто личнымъ, не вызывало къ жизни никакихъ учрежденій; мало того: не существовало въ эту эпоху и должностей въ смыслѣ государственныхъ органовъ съ строго опредѣленнымъ кругомъ вѣдательства и предѣлами власти. Одному и тому же лицу князь могъ давать самыя различныя порученія, смотря по обстоятельствамъ, хотя, конечно, каждому приказному человѣку поручались преимущественно дѣла опредѣленнаго характера: отъ нихъ эти приказные люди и получали наименованія мытниковъ, тамошниковъ, дащниковъ, доводчиковъ, казначеевъ, чашниковъ, столыльниковъ, печатниковъ и т. д. Только въ XV в. въ Москвѣ появляются приказныя должности съ довольно точно опредѣленною сферой дѣятельности, хотя нельзя сказать этого про всѣ должности—напр. про должность казначея. Такое личное приказное управленіе продолжало существовать и въ Москвѣ XVI—XVII вв., въ лицѣ «прикащиковъ»—городовыхъ и дворцовыхъ,—и не только съ частно-хозяйственнымъ характеромъ, такъ какъ городовыя приказниці были органами государственнаго управленія.

Во второмъ смыслѣ, позднѣйшемъ, болѣе тѣсномъ, приказное управленіе существовало начиная только съ XVI в. въ Москвѣ. Это было управленіе дѣлами государственными или дворцовыми на пространство всего государства или известной опредѣленной части его, посредствомъ специальныхъ центральныхъ учрежденій съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и кругомъ вѣдомства и съ нѣкоторыми установленными формами дѣлопроизводства.

Наша задача рассмотреть, по мѣрѣ возможности, обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе приказныхъ органовъ центрального управленія во второмъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ этого термина, въ смыслѣ управленія посредствомъ центральныхъ *учрежденій*, организованныхъ по приказной системѣ. Новое приказное управленіе основывалось не на политическихъ правахъ органовъ государственной власти, какъ управленіе старыхъ посадниковъ кievскаго періода, — не на договорѣ между княземъ и служилымъ человѣкомъ, какъ управленіе кормленщиковъ—на-

¹⁾ Различіе между государственными и частновладельческими доходами князя существовало и въ XII в., можетъ и раньше, но не было, да и не могло еще быть различія въ способѣ ихъ полученія, ихъ вѣданія.

мѣстниковъ удѣльнаго періода, но на началѣ порученія съ придружительнымъ, обязательнымъ характеромъ. На такой характеръ обязательности службы органовъ приказнаго управленія своему князю указываетъ уже самое слово «приказъ»—порученіе съ отѣткою обязательности, но еще болѣе—общественное положеніе приказныхъ органовъ. Несомнѣнно, что прежде, чѣмъ стать къ князю въ публично правовыя отношенія, какъ къ носителю верховной власти, эти органы уже стояли къ нему въ частно-правовыхъ отношеніяхъ, какъ холопы къ своему господину или какъ лично-обязанные должники къ своему кредитору. Но врядъ ли можно настаивать на вотчинномъ происхожденіи системы приказнаго управленія, на происхожденіи органовъ этой системы изъ органовъ частнаго и именно вотчиннаго хозяйства князя. Зависимость первоначальныхъ органовъ приказнаго управленія отъ князя была чисто *личной*, а не поземельной, не вотчинной зависимостью. Самая власть князя по отношенію къ землѣ и ея населенію никогда не имѣла вотчиннаго характера, а всегда была властью государственной. Этому нисколько не мѣшало то обстоятельство, что къ подчиненнымъ органамъ, осуществлявшимъ нѣкоторыя функціи этой власти, князь стоялъ еще въ частно-правовыхъ отношеніяхъ. Южно-русскій князь не былъ «вотчинникомъ» своего княженія, не имѣлъ въ немъ частновладѣльческихъ правъ на землю, а только государственныя права суда и дани.

Второе изъ этихъ правъ было древнѣе и происходило прямо изъ факта «населенчества», насильственнаго или мирнаго водворенія въ волости вооруженной дружины. Право суда указывало уже на нѣкоторую внутреннюю связь, возникавшую между «землею» и населеніями. По мѣрѣ усложненія обязанностей князя, перехода въ его руки суда и неизвѣстныхъ ему ранѣе заботъ объ «устроеніи земля», князю стало скоро не подъ силу справляться одному съ дѣлами управленія, хотя бы и съ помощью старшей дружины.

Дружина только думала съ княземъ о дѣлахъ, творила съ нимъ вмѣстѣ судъ, но изъ ея состава еще не выдѣлялось постоянныхъ органовъ, которымъ можно было бы поручить всецѣло—безъ непосредственнаго участія князя—какую нибудь отрасль суда или управленія. Своихъ «вольныхъ слугъ», какими являлись старшіе дружинники, князь не могъ заставить дѣлать что нибудь за себя, не поступаясь въ ихъ пользу и доходами отъ отправленія данной правительственной функціи. Но кромѣ этихъ вольныхъ слугъ были у князя и слуги подневольные, холопы или полусвободные люди, зависѣвшіе отъ него экономически и юридически, по началамъ частнаго права: вотъ этимъ то слугамъ князя еще въ

XI вѣкѣ начинаютъ поручать отправленіе суда въ стольномъ городѣ, такъ какъ это была пока его единственная обязанность по внутреннему управленію, требовавшая много силъ и времени. Поручить судъ и въ стольномъ городѣ своимъ «*мушамъ*» изъ разряда возныхъ слугъ, какъ это давно уже (со временъ Рюрика) князья стали дѣлать по отношенію къ пригородамъ, значило бы лишиться и тѣхъ доходовъ, которые еще оставались въ рукахъ князей за раздачей пригородовъ посадникамъ. Этого князья не могли допустить и естественно додумались до новой системы управленія въ своемъ стольномъ городѣ¹⁾, тѣмъ болѣе, что додуматься до нея было гораздо легче, чѣмъ дойти до мысли поручить этимъ же людямъ, стоявшимъ въ лично зависимыхъ отношеніяхъ къ князю, управленіе цѣлыми пригородами или областями, удаленными отъ стольнаго города: здѣсь они были на глазахъ у князя, подъ его надзоромъ, не имѣли никакой самостоятельности (по крайней мѣрѣ—*de jure*), исполняли одно какое нибудь порученіе князя, которое завтра же могло быть смѣнено другимъ. Въ области же, на намѣстничествѣ, вдали отъ стольнаго города, они поневолѣ сдѣлались бы самостоятельными до известной степени, такъ какъ должны были замѣнять князя: но замѣнять его могъ только свободный человекъ, воинъ, который самъ, какъ членъ дружины, имѣлъ право на участіе въ пользованіи верховной властью, но ипакъ не слуга, подневольный человекъ, не имѣющій никакихъ политическихъ правъ и даже по общественному своему положенію стоящій ниже обыкновенныхъ свободныхъ людей.

Эти князья тѣхъ XI—XII вв., судившіе по порученію князя, были предшественниками позднѣйшихъ «*приказныхъ людей*», самыми типическими представителями которыхъ явились впоследствии московскіе дьяки XVI—XVII вв. Какъ уже сказано, тѣхъ — эти «*приказные люди*» удѣльно-вѣчевого періода — не имѣли никакой самостоятельной власти, почему мы и не можемъ считать ихъ органами центрального управленія. Единственнымъ центральнымъ органомъ власти на всей территоріи княжества былъ въ этотъ періодъ самъ князь и въ его лицѣ органъ центрального управленія совпадалъ съ носителемъ верховной власти въ княжествѣ. Другихъ центральныхъ органовъ еще не было. Всѣ непосредственные помощники князя—какъ по волчанскому, такъ и по государственному управленію (дворецкій, казначей, оруженничій, печатникъ),—не имѣя самостоятельной власти, являлись чѣмъ то въ родѣ личныхъ секретарей князя. Сколько нибудь строгаго разгра-

¹⁾ Что она была подо Д, свидѣтельствуетъ то недовольство, съ какою отнеслось къ ней тоглашнее общество и даже болѣе консервативные и строгіе къ себѣ князья, какъ Мономахи.

иченія предѣловъ вѣдомства различныхъ органовъ приказнаго управления первоначально не существовало, какъ не существовало и «должностей» въ современномъ смыслѣ этого слова. Порученія были чисто личными: предѣлы и характеръ власти дворецкого, казначея и т. д. вполнѣ зависѣли отъ индивидуальныхъ качествъ лица, носившаго въ данное время это званіе. Приказныя «должности» въ нынѣшнемъ значеніи (хотя все еще съ недостаточно установленной компетенціей) появляются въ Москвѣ не раньше XIV вѣка. Что же касается до учрежденій съ болѣе или менѣе определеннымъ составомъ и кругомъ вѣдомства и съ извѣстными формами дѣлопроизводства, то такія учрежденія, основанныя на принципѣ приказнаго управления, появляются въ Москвѣ не раньше начала XVI вѣка. Зародышей позднѣйшаго центрального приказнаго управления по дѣламъ общегосударственнымъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать не въ органахъ, управлявшихъ различными дворцовыми вѣдомствами,—эти органы носили характеръ территориальный и вотчинный,—но въ лицахъ, непосредственно помогавшихъ князю въ осуществленіи его *публичныхъ* функций: дворецкій ¹⁾ (въ качествѣ судьи привилегированныхъ лицъ), казначей ²⁾, печатникъ ³⁾ и дьяки ⁴⁾—являются настоящими зачатками позднѣйшихъ органовъ центрального подчиненнаго управления, тогда какъ появившіеся нѣсколько раньше (съ XI в.) тиуны и сборщики княжескихъ доходовъ разнаго наименованія (вириники, мытники, таможенники и т. д.) являются зародышами позднѣйшихъ органовъ мѣстнаго управления.

¹⁾ Впервые упоминается подъ 1171 г. (Влад. лѣт.).

²⁾ Раньше назывались *кличниками*—Влад. —1184 г., съ XIV в. казначеями — 1356 г. С. Г. Г. и Д., I, № 25.

³⁾ Карамзинъ, т. IV, пр. 20—1241 г.

⁴⁾ С. Г. Г. и Д., I, № 25.

I. Общія причины возникновенія системы приказовъ.

Въ XV—XVI в.в. Московское Государство, еще не усилившее закончить процессъ объединенія восточной Руси, было поставлено лицомъ къ лицу съ тяжелыми внѣшними и внутренними затрудненіями. Окруженная со всѣхъ сторонъ сильными и безпокойными врагами,—Литвой, татарами, шведами,—съ тревогой смотрѣвшими на возникновеніе новаго могучаго государственнаго гѣла,—Москва нуждалась прежде всего въ войсѣ, достаточно сильномъ; чтобы сдерживать ихъ напоръ. Но для того, чтобы содержать войско нужны были деньги. Гдѣ взять денегъ—вотъ первый и, несомнѣнно, самый важный вопросъ, который представлялся Московскимъ Государямъ и ихъ помощникамъ по управленію въ теченіе всего XV—XVI в.в. Вся ихъ внутренняя политика, всѣ реформы въ строѣ управленія сводятся къ неустанному стремленію рѣшить этотъ вопросъ, тяжелый, но неизбѣжный. Но въ своихъ стараніяхъ найти новые источники доходовъ они не руководились какими нибудь теоретическими соображеніями, какъ впоследствии Петръ Великій, не создавали въ цѣляхъ фискальныхъ заранѣе строго обдуманыхъ и регламентированныхъ отношеній; путемъ опыта, часто весьма продолжительнаго и нелегкаго, приходили они дѣлать лучшимъ, то есть простѣйшимъ, удобнѣйшимъ и доходнѣйшимъ способамъ добыванія необходимыхъ финансовыхъ средствъ, такъ что вся почти приказная система, какъ она сложилась къ концу XVI в., вытекла, такъ сказать, сама собой изъ этого главнаго и постояннаго стремленія Московскаго правительства—добыть денегъ для содержанія войска, поскольку это стремленіе должно было сообразоваться съ историческими, экономическими и бытовыми условіями того времени. Не Московское правительство создало приказную систему (въ смыслѣ управленія посредствомъ приказныхъ учрежденій, а не личныхъ приказныхъ органовъ, какъ было раньше): оно очень мало заботилось въ то время о созданіи какой бы то ни было «системы» управленія, какъ мы теперь понимаемъ это слово: системѣ эту создала сама жизнь,—вся совокупность условій тогдашняго

общественнаго быта, но подъ сильнымъ и непрерывнымъ вліаніемъ финансовой полноты Московскаго правительства. Причины, благодаря которымъ московское центральное управленіе получило тотъ характеръ, съ какимъ мы его встрѣчаемъ къ концу XVI в., ясны и понятны: Московскому Государю нужны деньги, а между тѣмъ огромная часть государственной территорія, находясь въ управленіи намѣстниковъ, отдаетъ имъ почти все сборы, такъ что на долю центрального правительства ничего почти не остается. А между тѣмъ—тутъ же, рядомъ съ намѣстниками, есть у Государя другіе правители—«дѣлки», казначеи, всѣмъ «приказные люди», которые правятъ не хуже намѣстниковъ, а все доходы отдаютъ ему—Государю. Естественно, онъ начинаетъ стараться, гдѣ можно, замѣнить намѣстническое управленіе приказнымъ или хотя изъять изъ вѣдѣній намѣстниковъ нѣкоторыя, особо важныя статьи и передать ихъ въ управленіе «приказнымъ людямъ» или, наконецъ, придать этихъ приказныхъ людей намѣстникамъ «въ товарищи», другими словами—подчинить намѣстниковъ ихъ контролю, вообще ограничить такъ или иначе эту невыгодную для него—Государя—систему управленія.

Здѣсь мы касаемся второй важной причины торжества приказной системы въ московскомъ центральномъ управленіи: это была долгая, въ началѣ скрытая, почти незамѣтная борьба Московскихъ Государей съ намѣстническимъ управленіемъ и съ системой кормленій. Въ сущности, борьба эта была лишь частнымъ проявленіемъ многовѣковой борьбы двухъ составныхъ элементовъ нашего стараго управленія—князя и вольнаго служилаго класса, нѣкогда составлявшихъ одно неразрывное цѣлое, а затѣмъ дифференцировавшихся и ставшихъ другъ противъ друга, защищая каждый свои интересы; борьба эта, сначала глухая, выходитъ наружу при Иванѣ III и завершается опричниной и смутнымъ временемъ. Обостренію ея и ускоренію развязки болѣе всего способствовало измѣненіе состава высшихъ слоевъ московскаго служилаго класса: старыхъ московскихъ бояръ, потомковъ дружинниковъ,—все же «службъ», хотя и вольныхъ,—великаго князя,—стали отбѣснять на второй планъ дѣти и внуки удѣльныхъ князей, такихъ же Рюриковичей, какъ и великій князь Московскій.

Московскіе намѣстники XV, начала XVI в. были очень часто прямыми наследниками удѣльныхъ князей. Еще чаще удѣльные князья, потерявъ свои державныя права, сдѣлавшись слугами великаго князя, продолжаютъ владѣть своими бывшими удѣлами въ качествѣ частныхъ собственниковъ, при чемъ обыкновенно пользуются разными привилегіями, какъ остатками своихъ бывшихъ правъ. Естественно,—отношенія этихъ бывшихъ удѣльныхъ князей къ не-

ликому, ихъ взгляды на его власть и на свои права были иные, чѣмъ взгляды старыхъ московскихъ бояръ. Стремленіе московскихъ государей постепенно ограничивать объемъ власти и правъ на-мѣстниковъ обнаруживается очень рано. Въ отношеніи сбора или доходовъ отъ управленія скоро появился цѣлый рядъ ограниченій. Количество этихъ доходовъ и размѣръ «кормовъ» болѣе или менѣе точно опредѣляются правительствомъ заранее въ наказныхъ спискахъ. Правительство велитъ намѣстникамъ ¹⁾ собирать эти доходы, черезъ земскихъ выборныхъ властей, а не черезъ своихъ людей, тиуновъ. Самое время кормленія ограничивается теперь известнымъ срокомъ, чаще всего годичнымъ, который однако можетъ быть продолженъ. Вообще, ограниченія власти намѣстниковъ начались именно въ сферѣ финансоваго управленія, такъ какъ эта область правительственной дѣятельности — собраніе всякаго рода доходовъ — обращала тогда на себя наибольшее вниманіе всякаго правитель-ства, а особенно Московскаго — постоянно вуждавшася въ деньгахъ. Какъ уже сказано выше, изъ числа намѣстническихъ дохо-довъ съ самого начала былъ изъятъ цѣлый рядъ податей — а именно, подати, возникшія изъ татарскаго завоеванія и изъ военныхъ по-требностей, т.-е. дань, ямскія, полонянничныя и стрѣлцкія деньги, и, конечно, всякіе доходы съ дворцовыхъ земель и съ владѣній лицъ, получившихъ тарханныя грамоты. Всѣ эти доходы собирали органы приказнаго управленія. Еще въ XIV в. эти органы (визна-ченъ, дяки) собирали и на *черныхъ* земляхъ денежный оброкъ ²⁾ вмѣсто старыхъ натуральныхъ повинностей — и вели оброчныя книги и за-писи. Въ XVI в. изъятія изъ вѣдѣнія намѣстниковъ разныхъ сбо-ровъ и порученіе ихъ особымъ сборщикамъ, такъ же какъ и выдача духовнымъ и свѣтскимъ владѣльцамъ и цѣлымъ общинамъ и чер-нымъ волостямъ жалованныхъ грамотъ, освобождавшихъ ихъ за известный оброкъ въ пользу князя отъ намѣстничья суда и отъ платежа намѣстничьихъ доходовъ, сдѣлался очень часты. Въ об-ласти *суда* стремленія правительства къ ограниченію власти на-мѣстниковъ ясно выражено въ постановленіяхъ обонхъ судебни-ковъ, особенно при сравненіи соответствующихъ статей ихъ; — напр., ст. 38 Суд. 1497 г. требуетъ присутствія на судѣ кормлен-щиковъ, имѣвшихъ право «боярскаго суда», — «дворскаго, ста-росты и зучныхъ людей», а соответствующая ей ст. 62 Суд. 1550 г. говоритъ о присутствіи дворскаго, — тамъ, гдѣ опъ есть, старосты, лучшихъ людей и цѣловальниковъ ³⁾; ст. 20 и 43 суд. 1497 г. за-

¹⁾ А. А. Э. I, № 6. А. Ю., № 161. С. Г. Гр. и Д., II № 46 Д. въ А. И., I, № 216.

²⁾ А. А. Э., I, №№ 34, 35, 107, 186.

³⁾ Заимѣвшихъ, по мнѣнію пр. Владимірскаго-Буданова, «добрыхъ людей» (суд-ныхъ мужей) эпохи Ивана III.

прещаетъ намѣстникамъ и волостямъ, не имѣющимъ права «боярскаго суда», выдавать безъ доклада грамоты бѣглыя и правыя, а также отпускныя и «тата и душегубца не пустити, и всякого лютого человѣка безъ доклада ни продати, ни казнить, ни отпустить».

Царскій судебникъ еще больше ограничиваетъ объемъ боярскаго суда—ст. 63 Суд. 1550 г. разрѣшаетъ лицамъ, имѣющимъ это право, давать безъ доклада только полныя и докладныя, тогда какъ по Судебнику 1497 г. они очевидно имѣли также право выдачи бѣглыхъ и правыхъ, такъ какъ выдача этихъ послѣднихъ (безъ доклада) запрещается только лицамъ безъ права «боярскаго суда»; ст. 71 суд. 1550 г. распространяетъ дѣйствіе ст. 43 суд. 1497 г. запрещающей безъ доклада казнить, отпустить или «спродати» лютого человѣка, на всѣхъ кормленщиковъ безъ изыятія, какъ «съ судомъ боярскимъ», такъ и безъ него; наконецъ ст. 60 суд. 1550 г. вовсе исключаетъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ разбойныя дѣла («вѣдомыхъ разбойниковъ») и передаетъ ихъ вновь учрежденнымъ губнымъ старостамъ¹⁾. Такимъ образомъ, судебная власть намѣстниковъ ограничилась, какъ замѣчаетъ Градовскій, двумя путями: расширеніемъ случаевъ доклада и усиленіемъ на судѣ земскаго элемента²⁾.

Послѣ цѣлаго ряда частныхъ ограниченій правъ намѣстниковъ въ сферѣ суда и финансоваго управленія,—въ серединѣ XVI столѣтія, въ эпоху самой напряженной борьбы царя съ боярствомъ,—Московское правительство дѣлаетъ нѣсколько попытокъ установить,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—совмѣстное управленіе намѣстниковъ и дьяковъ³⁾, а затѣмъ и вовсе упраздняетъ власть намѣстниковъ въ большей части государства, возлагая ихъ обязанности частью на общины, на выборные земскіе органы, частью на органы приказнаго управленія. Смутное время смело послѣдніе остатки этого отжившаго свой вѣкъ учрежденія. Итакъ, возникновеніе приказной системы центральнаго управленія въ Московскомъ государствѣ надо ставить въ связи,—во-первыхъ—съ усиленіемъ расходовъ на оборону страны, вызванныхъ новымъ международ-

¹⁾ Первая изъ извѣстныхъ намъ губныхъ грамотъ (Волозерская) относится къ 1539 г. окт. 23. (А. А. Э., I, № 187).

²⁾ Исторія мѣстнаго управленія, стр. 343.—(Собр. Соч., 1899, т. II).

³⁾ Въ Новгородѣ—въ 1555—6 г. (А. А. Ш., I, 47 и 49—112); въ 1552 г. дьяки собирали въ Вязскомъ уѣздѣ посеминна деньги, въ 1582 г.—городскіе прикащики собирали тѣ-же деньги въ Ярославѣ, см. пр. Сергѣевича, «Русскія Юридическія древности», т. I, 498—500. Дмитріевъ не точно говоритъ, будто въ Новгородѣ въ 1555 г. все управленіе было отдано дьякамъ. «Исторія судебныхъ инстанцій», 1859 г., стр. 23, Новгородскій намѣстникъ, кн. Паледкой, а затѣмъ кн. М. В. Глинскій, получали только роловинну доходовъ отъ суда, а другая шла царю черезъ его дьяковъ. Нѣкоторые же предметы управленія и доходы были всецѣло отданы дьякамъ.

ныиъ положеніемъ Москвы въ XV—XVI вв.,—и во-вторыхъ—съ постепеннымъ развитіемъ системы мѣстнаго управленія, т. е. ограниченіемъ власти намѣстниковъ и замѣной ихъ самоуправленіемъ общинъ или мѣстными приказными органами. X

Второе явленіе отчасти обуславливалось первымъ, но, главнымъ образомъ, переменой во взаимныхъ отношеніяхъ князя и стараго служилаго класса, которая опять таки въ значительной степени была слѣдствіемъ объединенія удѣловъ подъ властію Москвы; съ другой стороны, и новое международное положеніе Московскаго государства было слѣдствіемъ этого объединенія: итакъ, уже самое уничтоженіе удѣловъ и образованіе единого московскаго государства.—при тогдашнихъ социальнo-экономическихъ и политическихъ условіяхъ, необходимо должно было повести къ развитію приказной системы центрального московскаго управленія. Непосредственной же причиною образованія приказовъ былъ переходъ права участія въ верховномъ управленіи отъ намѣстниковъ къ боярской думѣ, сосредоточеніе въ одномъ мѣстѣ всѣхъ участниковъ верховной власти,—сосредоточеніе, бывшее тоже необходимымъ послѣдствіемъ объединенія Руси. Какъ только вся верховная власть сосредоточилась въ одномъ центральномъ учрежденіи ¹⁾, сейчасъ же явилась необходимость въ центральныхъ органахъ подчиненнаго управленія, явковыми и явились приказы.—Въ вопрое о происхожденіи приказовъ изъ органовъ вотчиннаго княжескаго управленія, о первоначальномъ частномъ характерѣ приказовъ, нельзя смѣшивать приказы дворцовые ²⁾, возникшіе и по времени раньше лѣтъ на 30—40, съ приказами обще-государственнаго характера. Первые, несомнѣнно, произошли изъ органовъ дворцоваго управленія и при своемъ возникновеніи были по преимуществу учрежденіями частнаго характера, да и впоследствии болышею частью сохраняли этотъ характеръ. Но этого нельзя сказать о приказахъ по общему управленію, военному, дипломатическому, судебному и финансовому. Это были учрежденія съ явнымъ выраженнымъ государственнымъ назначеніемъ, учрежденія публичнаго типа, а не частно-правового. Нельзя отрицать, что дворцовые приказы — учрежденія частно-правовыя — оказали сильное вліяніе на ихъ организацію, но и въ этой послѣдней были такіе черты, которыя сразу и рѣзко отличали приказы государственные отъ дворцовыхъ: достаточно указать на преобладаніе (въ XVI в.)

¹⁾ Такъ какъ царь былъ органически связанъ съ Думой, составлялъ съ ней одно неразрывное цѣлое, какъ въ Кіевскій періодъ князь съ дружиной.

²⁾ На которые особенно указываетъ Дмитріевъ: „Приказы не были сначала государственными учрежденіями, а частными княжескими“.

дьяковъ — въ первыхъ, особенно въ Разрядъ, Посольскомъ приказѣ и въ «финансовыхъ», — и на характеръ «пути», кормленія, который еще долго сохраняли вторые; во главѣ дворцовыхъ приказовъ долго еще стояли лица служилого класса, смотрѣвшіе на нихъ, какъ на своего рода кормленія. Пановъ говоритъ, что московскіе бояре смотрѣли на приказы, какъ на кормленія ¹⁾. Отчасти съ этимъ согласенъ и Дмитріевъ ²⁾ — но это вѣрно только относительно дворцовыхъ и, пожалуй, еще нѣкоторыхъ судебныхъ приказовъ (но только отчасти), такъ какъ до времени Бориса Годунова приказные судьи брали судебныя пошлины на себя, а не на царя. Важнѣйшіе дворцовые приказы сформировались, по нашему мнѣнію, въ учрежденія съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства и дѣлопроизводствомъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія XV в. и первыхъ 15 лѣтъ XVI в., иначе въ послѣднія 15 лѣтъ княженія Ивана III и первые 10 лѣтъ княженія Василія III. Образование ихъ мы ставимъ въ непосредственную связь съ реформой дворцовыхъ должностей, произведенной Иваномъ III (вѣрнѣе, силою вещей происшедшимъ въ концѣ его правленія измѣненіемъ ихъ характера) и отмѣченной Шереметьевской сводной книгой, а также съ судебной реформой, произведенной Судебникомъ 1497 г. въ области суда бояръ и окольныхъ и состоявшей въ требованіи непремѣннаго присутствія на этомъ судѣ дьяковъ (ст. I, Суд. 1497 г.); реформа эта придала коллегіальный характеръ суду органовъ дворцоваго управленія, судившихъ по порученію князя. Важнѣйшіе же приказы государственнаго характера сформировались только въ царствованіе Грознаго (только возникновеніе Разряда захватываетъ конецъ княженія Василія III), при чемъ прежде всего возникаютъ учрежденія, ставшія необходимыми благодаря оживленнымъ мирнымъ и враждебнымъ сношеніямъ съ сосѣдями, — а именно: Разрядъ — центральное военно-административное учрежденіе, и Посольскій приказъ — учрежденіе дипломатическое; сейчасъ же вслѣдъ за Разрядомъ возникаетъ Помѣстный Приказъ, центральное учрежденіе, доставляющее средства содержанія военнаго сословія, — всѣ эти учрежденія складываются въ болѣе или менѣе опредѣленныя формы къ серединѣ 50 гг. XVI в. Вслѣдъ за ними возникаютъ — въ связи съ *судебной* реформой, произведенной обоими Судебниками и учрежденіемъ губныхъ старостъ — два центральныхъ учрежденія для двухъ специальныхъ отраслей суда: Холопій судъ и Разбойный Приказъ; оба учрежденія окончательно складываются въ концѣ 50 гг. XVI в. Вслѣдъ за ними является цѣлый рядъ ад-

¹⁾ Пановъ. „Московскіе приказы“. Московскія Вѣдомости 1853 г. № 36.

²⁾ Исторія суд. инстанцій стр. 122.

министративно-финансовых учреждений—Б. Приходъ, Чета и Дворцовый четвертной Приказъ, связанныхъ съ административно-финансовой реформой 50-хъ годовъ, передавшей въ большей части государства управление и сборъ доходовъ въ руки общинъ, поставленныхъ въ непосредственныя отношенія къ центральному московскому правительству, безъ всякихъ посредствующихъ инстанцій, что и сдѣлало необходимымъ появленіе въ самой Москвѣ центральныхъ органовъ для замѣны уничтоженной въ области административной инстанцій; къ этой же группѣ приказовъ относятся и возникшіе нѣсколько позже—въ началѣ 90-хъ гг. XVI в.—судные областные приказы. Наконецъ, въ одно время съ образованіемъ административно-финансовыхъ приказовъ—въ концѣ 50-хъ, въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVI в. образуются и собственно «территориальные» областные приказы (Смоленскій, Новгородскій, Казанскаго дворца, нѣсколько позже Сибирскій) для управленія вновь присоединяемыми и вообще пограничными, удаленными отъ центра областями.

II. Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія системы московскихъ приказовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію возникновенія отдельныхъ группъ приказовъ, приведемъ вкратцѣ мнѣнія ученыхъ исследователей о времени возникновенія приказовъ вообще. Авторъ статьи о московскихъ приказахъ въ «Древней Россійской Вивлиоикѣ»¹⁾ (въ которой г. Лпхачевъ²⁾ предполагаетъ Миллера, не утверждая этого навѣрное), основываясь только на извѣстныхъ ему документахъ³⁾, относитъ образованіе большинства приказовъ (кромя Холопяго суда) ко времени гораздо болѣе позднему, чѣмъ они существовали въ дѣйствительности: напр.: приказъ Большой казны навѣстенъ ему по записнымъ книгамъ только съ 1628 г., Новгородская Четъ—съ 1627 г., Нижегородская—съ 1639 г., Помѣстный Приказъ—съ 1625 г., Посольскій—по дѣламъ Архива Иностранной коллегіи—съ 1583 г., Разбойный—съ 1627 г., Разрядъ существовалъ, по его мнѣнію, до пожара 1626 г., Стрѣлецкій Приказъ—съ 1629 г. Такимъ образомъ большую часть приказовъ авторъ относитъ къ 20-мъ гг. XVII в., такъ какъ только къ этому времени относятся извѣстія записныхъ книгъ о лицахъ, сидѣвшихъ въ нихъ.

¹⁾ Т. XX. Др. Р. Вивлиоика I,

²⁾ „Разрядные Дѣла“ стр. 23—24 пр. 2.

³⁾ Главнымъ образомъ на записныхъ разрядныхъ книгахъ, начиная съ 20 гг. XVII ст. (съ 1627—28 и 29 гг.).

Къ XVI в. авторъ относитъ только приказы: Большого Прихода и Постельный—къ 1573 г., Бровный—къ 1579 г., Посольскій—къ 1583 г., (хотя въ немъ хранились дѣла съ 1505 г., но авторъ полагаетъ, что онъ тогда еще не могъ существовать; перечисляя дьяковъ, завѣдовавшихъ дипломатическими дѣлами, онъ начинаетъ съ дьяка Ивана Михайловича Висковатаго, котораго относитъ къ 1556 г.), Четь Варооломея Иванова отъ 1596—1599 г., Казанскій Дворецъ—къ 1599 г., Ямской Приказъ, не основываясь на точныхъ данныхъ, онъ относитъ ко времени Федора Ивановича или Бориса Годунова, такъ же какъ и Каменный; наконецъ Житный Дворъ, запасавшій хлѣбъ на слѣчай голода, и Холопій Судъ онъ относитъ къ княженію Ивана III. О Холопьемъ Судѣ онъ говоритъ, что этотъ приказъ существовалъ до 1500 г., такъ какъ значится въ боярской книгѣ 1500 г. Намъ кажется, что здѣсь опечатка—1500 г. стоитъ вмѣсто 1600 г., тѣмъ болѣе, что въ изданіи Вивлюэпки 1791 г. встрѣчается въскольکو явныхъ опечатокъ въ хронологическихъ датахъ (напр.: вмѣсто 16. г. г. стоятъ 19. г. г.); то же думаетъ, на основаніи своихъ изслѣдованій о боярскихъ книгахъ и г. Лихачевъ ¹⁾, хотя Успенскій, Неволновъ и пр. Владимірскій-Будановъ и принимаютъ, безъ критики, это извѣстіе Вивлюэпки.

Гавр. Успенскій даетъ для многихъ приказовъ весьма раннія даты (безъ указанія источниковъ), въ послѣдствіи провѣренныя по источникамъ и оказавшіяся вполне точными ²⁾. Такъ онъ говоритъ о существованіи дворцовыхъ дьяковъ въ 1501 г., Ямского приказа въ 1516 г., Разряда — въ 1535 г., конюшенныхъ дьяковъ въ 1553 г., Новой Четверти въ 1597 г., указываетъ на существованіе въ XVI в. Земскихъ Дворовъ, даетъ годы, подъ которыми впервые упоминаются въ разрядныхъ книгахъ четыре «судныхъ» приказа; только относительно Холопяго Суда повторяетъ ошибку Вивлюэпки. Относительно Посольскаго Приказа онъ говоритъ, что еще въ 1556 г. въ разрядныхъ книгахъ упоминается о двухъ дьякахъ въ посольской избѣ, «гдѣ послѣ въ томъ-же году именована она Посольскимъ Приказомъ». *Карамзинъ* ³⁾ говоритъ, что достоверныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ приказахъ относятся къ эпохѣ Ивана IV, хотя въ документахъ времени Ивана III уже упоминается о Казенномъ Дворѣ и о нѣкоторыхъ приказахъ.

¹⁾ Др. Росс. Вивл., т. XX, стр. 407 (1791 г.).

²⁾ „Разрядные дьяки“ стр. 23, пр. 2.

³⁾ Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россійскихъ. Харьковъ, 1818 г., стр. 296—299, 300, 302, 308, 308.

⁴⁾ Ист. Гос. Рос. вѣд. 2., т. VI, прим. 609, 628. Т. IX, стр. 443, пр. 774.

Неволина многие приказы прямо относитъ къ княженію Ивана III—Разрядъ, Холопій, Житный, а изъ придворныхъ—Б. Дворецъ, Казенный, Ковюшій, Постельный; изъ областныхъ—Новгородскій и Рязанскій разряды, судные приказы, трети, изъ которыхъ при Иванѣ IV образовались четверти; о существованіи другихъ приказовъ, говоритъ Неволина, можно заключить съ большою вѣроятностью ¹⁾; самыя названія могли не существовать и приказы назывались по именамъ лицъ, ими правившихъ (какъ и позже) или носили старыя названія избы, палаты, двора. Большую часть приказовъ онъ относитъ по времени происхожденія къ эпохѣ Ивана IV (Посольскій, Разбойный, Помѣстный, Челобитный, Казенный, Печатный, Земскій Дворъ, приказы по военному управленію, областныя чети и Новую Четъ); ко времени Федора Ивановича онъ относитъ Сибирскій и Патріаршій приказы, ко времени Бориса Годунова—Каменный, въ смутному времени—Смоленскій разрядъ, Рязанскій и Дмитровскій судные приказы, въ царствованіи Михаила Федоровича—Дворцовый Судный и Аптекарскій, остальные—къ царствованію Алексѣя Михайловича. Неволина указываетъ на два способа возникновенія приказовъ, какъ учреждений: 1)—перенесеніе въ Москву центральныхъ органовъ областного управленія ²⁾; 2) *порученіе* извѣстной отрасли управленія какому нибудь лицу, по мѣрѣ умощненія дѣлъ.

Соловьевъ не согласенъ съ Неволинымъ ³⁾: по его мнѣнію нельзя приурочивать появленіе такихъ приказовъ, какъ Разрядный, Холопій и нѣкоторые другіе, къ эпохѣ Ивана III, такъ какъ памятники молчатъ о нихъ. Онъ отрицаетъ также вѣроятность дѣленія Россіи на трети Иваномъ III, такъ какъ Рязань (составлявшая одну изъ «третей» — Владимирская, Новгородская и Рязанская) при немъ не была еще присоединена къ Москвѣ. Возникновеніе большей части приказовъ, «изъ которыхъ нѣкоторые назывались четами», онъ относитъ къ царствованію Федора Ивановича ⁴⁾.

Троицки вполне повторяетъ мнѣніе Неволина, прибавляя только, что уже Василій III учредилъ Ямскую избу ⁵⁾.

Кавелинъ говоритъ, что многие приказы существовали уже въ XVI в. подъ названіемъ судовъ, избы, дворовъ, причемъ ссылается на Вивлиоикю; древнѣйшимъ приказомъ вслѣдъ за ней онъ счи-

¹⁾ Собр. соч., т. VI, стр. 125—129.

²⁾ Т. VI, стр. 124—125.

³⁾ Ист. Россіи т. V, пол. I, гл. V, стр. 1520—1521, код. второе.

⁴⁾ Т. III, гл. IV.

⁵⁾ Исторія судебныхъ учреждений въ Россіи, 1851.—*passim*.

таеть Холопій Судъ ¹⁾; но вообще онъ полагаетъ, что приказы территориальные древнѣе приказовъ съ раздѣленіемъ въдомствъ по отраслямъ управленія, такъ что напр.: Б. Приходъ, Помѣстный приказъ, Холопій Судъ являются не раньше конца XVI, начала XVII в.

Костомаровъ, такъ же, какъ и *Бяляевъ*, относитъ начало приказовъ къ эпохѣ Ивана Грознаго. Первый говоритъ, впрочемъ, прямо только о Разрядѣ и о Посольскомъ приказѣ ²⁾. *Дмитріевъ* полагаетъ, что, хотя слово «приказъ» упоминается уже при Василіи III, въ 1512 г. ³⁾, но постоянныхъ центральныхъ учреждений не существовало до самаго конца XVI в. Еще въ Эпоху Царскаго Судебника приказная администрація далеко не опредѣлилась и самое слово «приказъ» не имѣло того технического значенія, какое оно получало впоследствии. Раньше другихъ, по мнѣнію *Дмитріева*, возникли приказы *финансовыя* пазъ хозяйственнаго управленія государя. Вообще же онъ дѣлитъ приказы по происхожденію на три категоріи: придворные, мѣстные московскіе («дворы») и центральные для всего государства; къ послѣднимъ онъ относитъ областные приказы, которые онъ считаетъ тоже самыми древними, сословные, финансовыя и приказы съ распредѣленіемъ дѣлъ по отраслямъ управленія.

Хлѣбниковъ полагаетъ, что едва ли не вся администрація начала царствованія Грознаго была сосредоточена въ двухъ приказахъ: ⁴⁾ у казначея и въ приказѣ Б. Дворца, — хотя нѣсколько раньше онъ относитъ образованіе дворцовыхъ приказовъ къ концу правленія Ивана III, а территориальныхъ—ко времени Василія III и малолѣтства Ивана IV. Ко времени второго Судебника вся Россія, по его мнѣнію, была раздѣлена на области, подчиненныя боярамъ, сидящимъ въ приказахъ. Начало Разбойнаго приказа онъ относитъ къ 40-мъ г.г., образованіе военныхъ (и Холопьяго)—къ 60—70 г.г., а финансовыхъ (Б. Прихода и Четей) къ 80 г.г. XVI вѣка.

Наоборотъ, *Лохвицкій* даже учрежденіе четвертей (не только третей) приписываетъ Ивану III ⁵⁾, и вообще считаетъ территориальные приказы древнѣйшей формой центральныхъ московскихъ учреждений. *Андреевскій* ставитъ образованіе московскихъ при-

¹⁾ Собр. соч., 1859 г., т. I, стр. 68, 54.

²⁾ *Костомаровъ* Русская Исторія въ жизнеоп. т. I, вып. 2, стр. 265. *Бяляевъ*. Лекціи по исторіи русскаго законодательства стр. 498—504.

³⁾ Ист. Суд. Инст. стр. 120—139.

⁴⁾ „О вліяніи Общества на организацію государства въ Царскій періодъ“ 1869 г., стр. 172, 173, 176.

⁵⁾ „Губернія“ 1864 г., стр. 31.

казовъ въ связь съ постепеннымъ развитіемъ идеи самодержавія при Иванѣ III, его сынѣ и внука¹⁾. Это развитіе новыхъ взглядовъ на власть государя заставило московское правительство озаботиться устройствомъ на новыхъ основаніяхъ какъ своихъ центральныхъ органовъ, такъ и мѣстнаго управленія.

Градовскій ²⁾ указываетъ на три момента въ развитіи московской централизаціи; первому моменту—сосредоточенію въ Москвѣ власти высшаго управленія *«въ томъ видѣ»*, какъ она принадлежала удѣльнымъ князьямъ и вѣчевымъ городамъ, при чемъ земская община и система кормленій остались нетронутыми³⁾, соответствуетъ образованіе территориальныхъ приказовъ, четвертей, образовавшихся по мѣрѣ присоединенія земель къ Москвѣ ⁴⁾. Второму моменту—ослабленію значенія мѣстныхъ органовъ путемъ выдѣленія разныхъ отраслей управленія въ пользу московскихъ приказовъ — соответствуютъ приказы судебно-сословные (Холопій и Разбойный, возникшіе очень рано ⁵⁾, и судный); эти приказы, въ которыхъ принципъ сословный начинаетъ брать перевѣсъ надъ территориальнымъ, складываются въ эпоху между обоями Судебниками; они, однако, продолжаютъ существовать на ряду съ областными. Сюда относятся вообще *«приказы, устроенные въ видахъ необходимости выдѣлить нѣкоторыя части управленія изъ сферы обыкновенной областной администраціи»* ⁶⁾. Наконецъ, третьему моменту—окончательному торжеству сословнаго принципа, полному закрѣпленію сословій, соответствуютъ приказы, въ которыхъ сословный характеръ соединенъ съ принципомъ раздѣленія по различнымъ предметамъ администраціи ⁷⁾.

Ир. Лаппо-Данилевскій, подъ вліяніемъ Градовскаго, принимаетъ въ исторіи московскаго финансоваго управленія три принципа распредѣленія поступлений по центральнымъ учрежденіямъ: вотчинный, территориально-сословный и принципъ систематизаціи поступлений сообразно ихъ назначенію. Первому принципу соответствуютъ дворцовые приказы, особенно приказъ Большого Дворца; второму—четверти и другіе областные приказы; третьему—приказы съ раздѣленіемъ дѣлъ по отдѣльнымъ отраслямъ администраціи, или вѣдавшіе какое-нибудь сословіе въ податномъ отношеніи, напр.: Б. Казна (вѣдавшая торговыхъ людей). Большой Дворецъ, по мнѣнію г. Лаппо-Данилевскаго, образовался *«въ на-*

¹⁾ „О намѣстникахъ, воеводахъ, губернаторахъ“ 1864 г., стр. 35.

²⁾ Исторія мѣстнаго управленія. Соч. Т. II, 1899 г., стр. 340.

³⁾ Образованіе третьей Градовскій относитъ ко времени Ивана III. *ib.*, стр. 333.

⁴⁾ *ib.*, стр. 349.

⁵⁾ *ib.*, стр. 350.

⁶⁾ *ib.*, стр. 340—399.

чалъ XVI в. и нѣсколько позже) изъ вѣдомствъ дворецкаго и казначея, бывшихъ холоповъ великаго князя ¹⁾. Довчій и Сокольниковъ приказъ «превратился въ постоянныя государственныя учрежденія не позже начала XVII в.» ²⁾.

Пр. Владимірскій-Будановъ ³⁾ ставитъ образованіе приказовъ въ связь съ распредѣленіемъ юрисдикцій между боярами и дьяками, которое существовало уже въ концѣ XV стол., что видно изъ 2-й статьи Судебника 1497 г. «Каждому извѣстные люди приказаны вѣдати» (здѣсь начало приказовъ) замѣчаетъ онъ. «Прѣжде князь всегда судилъ съ боярами», теперь изъ этой слятной формы выдѣляются органы».

Пр. Ключевскій говоритъ ⁴⁾: «Дума вѣдала всѣ новыя, чрезвычайныя дѣла; но по мѣрѣ того, какъ послѣднія, повторяясь, становились обычными явленіями, они отходили въ составъ отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, старыхъ или особо для нихъ учреждавшихся». Центральныя вѣдомства формировались изъ тѣхъ административныхъ осадковъ, какіе постепенно отлагались отъ законодательной дѣятельности думы по чрезвычайнымъ дѣламъ, входя въ порядокъ текущаго дѣлопроизводства». Сначала такимъ путемъ сложились дворцовыя вѣдомства, а затѣмъ и остальные приказы. Такимъ образомъ пр. Ключевскій объясняетъ происхожденіе приказовъ усложненіемъ административно-законодательной дѣятельности думы. Три важнѣйшихъ московскихъ приказа, управлявшіеся до конца XVII в. дьяками—Разрядъ, Посольскій и Помѣстный, онъ считаетъ даже отдѣленіями думской канцеляріи, а дьяковъ, ими правившихъ, секретарями думы и ея непосредственными докладчиками ⁵⁾. Относительно самого времени возникновенія новыхъ правительственныхъ учрежденій, пр. Ключевскій говоритъ, что они стали необходимыми съ тѣхъ поръ, «какъ дума стала совѣтомъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ ⁶⁾. Дѣла, выходящія изъ ряда текущихъ дѣлъ дворцоваго хозяйства, вѣдалъ сначала самъ князь съ думой, а «канцелярское производство ихъ распредѣлялъ первое время, какъ могли, по наличнымъ дворцовымъ вѣдомствамъ» ⁷⁾—но, съ теченіемъ времени, они вызвали рядъ новыхъ правительственныхъ учрежденій. Завязку этого порядка пр. Ключевскій относитъ къ времени Ивана III, и относительно

¹⁾ Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. 1890 г. стр. 444.

²⁾ *ib.*, стр. 443.

³⁾ Хрестоматія по исторіи русскаго права вып. II, стр. 83, пр. 3, 1887 г.

⁴⁾ Болгарская Дума стр. 170.

⁵⁾ Болгарская Дума, 1883 г. стр. 171.

⁶⁾ *ib.*, стр. 173.

⁷⁾ *ib.*, стр. 172.

Разряда и Помѣстнаго приказа, вѣдавшихъ служилый классъ и служилое землевладѣніе, онъ замѣчаетъ ¹⁾,—что «если не самые эти приказы, то дѣла, которыми они потомъ завѣдывали, должны были завязаться раньше этого княженія» (Ивана III); весьма рано также возникъ, по его мнѣнію, приказъ Холопьяго Суда ²⁾, такъ какъ дѣла по частному землевладѣнію, возникшему изъ рабовладѣнія, рано выдѣлялись еъ вѣдомство центрального правительства. Наоборотъ, Посольскій приказъ, по его мнѣнію, какъ самостоятельное учрежденіе, является очень поздно—въ 60-хъ годахъ XVI в. ³⁾.

Г. Лихачевъ, который въ вопросѣ о возникновеніи приказовъ придерживается вообще взгляда пр. Ключевскаго ⁴⁾, утверждаетъ, что «начало важѣйшихъ приказовъ—какъ коллегіальныхъ учреждений—должно быть отнесено къ концу княженія Ивана III ⁵⁾, хотя изъ его же изслѣдованій вытекаетъ, что точно, на основаніи болѣе или менѣе прямыхъ указаній источниковъ, можетъ быть доказано существованіе въ эту эпоху только дворцовыхъ приказовъ и, пожалуй, еще ямского и земскаго вѣдомства (ямской избы и земскаго двора).

Пр. Заоскинъ въ своемъ разборѣ изслѣдованія г. Лихачева ⁶⁾, отказываясь видѣть слѣды центрального управленія въ дворцовыхъ должностяхъ удѣльно-вѣчевого періода, считаетъ ихъ однако же исходной точкой для образованія центрального управленія, подготовившей будущую систему дворцовыхъ и финансовыхъ приказовъ ⁷⁾. Приказы по его мнѣнію, происхожденіемъ своимъ уходятъ въ глубь XV в. Онъ указываетъ, между прочимъ, на слѣды существованія Новгородской Чети въ 1545 г., ссылаясь на А. А. 9. III, № 194 ⁸⁾.

Если сравнимъ между собой мнѣніе вышеуказанныхъ ученыхъ изслѣдователей, то увидимъ, что большинство изъ нихъ, признавая, что начало происхожденія приказовъ слѣдуетъ относить къ эпохѣ Ивана III (и даже, какъ думаютъ нѣкоторые, ко времени еще болѣе раннему) ⁹⁾, считаютъ однако же временемъ ихъ окончательнаго сформированія, какъ учреждений съ болѣе или ме-

¹⁾ *ib.*, стр. 174—175.

²⁾ *ib.*, стр. 120—123.

³⁾ *ib.*, стр. 171.

⁴⁾ „Разрядные дѣла“ 1888 г. стр. 79 (здѣсь онъ называетъ Разрядъ—дунской канцеляріей).

⁵⁾ *ib.*, стр. 69.

⁶⁾ Отчетъ о 32-мъ присужденіи награды графа Узарова 1892 г.

⁷⁾ *ib.*, стр. 189—190.

⁸⁾ *ib.*, стр. 201.

⁹⁾ Пр. Ключевскій относительно Разряда и Помѣстнаго Приказа.

нѣе опредѣленнымъ составомъ, кругомъ вѣдомства и дѣлопроизводствомъ, вторую половину XVI в., царствованіе Ивана Грознаго ¹⁾. Такой взглядъ кажется намъ совершенно правильнымъ, особенно если говорить только о приказахъ государственныхъ и выдѣлить приказы дворцовые, возникшіе несомнѣнно раньше первыхъ, въ самомъ началѣ XVI вѣка, какъ это и дѣлаетъ пр. Ключевскій (а также и Хлѣбниковъ).

О воззрѣніяхъ указанныхъ авторовъ на самый процессъ возникновенія всѣхъ приказовъ или ихъ отдѣльныхъ группъ мы будемъ говорить при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи соотвѣствующихъ группъ приказовъ.

III. Время происхожденія дворцовыхъ приказовъ.

Всѣ московскіе приказы, какъ XVI, такъ и XVII в., можно прежде всего, какъ уже сказано, раздѣлить на двѣ главныя группы: приказы дворцовые и государственные. Хотя нѣкоторые изъ дворцовыхъ отправляли и функціи государственнаго управленія, но частно-хозяйственный характеръ въ нихъ всегда преобладалъ (это можно сказать и про Приказъ Большого Дворца, который отправлялъ больше всего функцій по обще-государственному управленію); нѣкоторыя изъ дворцовыхъ вѣдомствъ впоследствии выдѣлили изъ себя чисто-государственныя учрежденія, напр., казенное вѣдомство, кромѣ дворцоваго Казеннаго Приказа, выдѣлило и учрежденіе по общему управленію—Приказъ Большой Казны. Во всякомъ случаѣ, именно въ вопросѣ о происхожденіи приказовъ, ихъ удобнѣе всего раздѣлить на эти двѣ группы, такъ какъ по происхожденію своему обѣ группы существенно различаются. Обратимся сначала къ вопросу о происхожденіи дворцовыхъ приказовъ. Различные органы дворцоваго управленія, исполнявшіе разнообразныя функціи по эксплуатаціи земельныхъ имуществъ князя и различныхъ «путей», угодій, принадлежавшихъ ему, а также ведшіе его дворцовое хозяйство, существовали, конечно, съ того времени,

¹⁾ Этотъ взглядъ прямо и опредѣленно высказываетъ Дмитріевъ, пр. Ключевскій, пр. Загоскинъ и пр. Андреевскій. Также, очевидно, смотря на дѣло и другіе исследователи, за исключеніемъ Неволина и г. Лихачева, которые появленіе важнѣйшихъ приказовъ по общему управленію относятъ ко времени Ивана III. *Лохвицкій* и *Градоскій* относятъ къ его времени появленіе территориальныхъ приказовъ (третей). Наоборотъ, *Соловьевъ* и *Каселинъ*, а отчасти и *Дмитріевъ* (также и *Костомаровъ*) кажется склонны приписывать приказамъ слишкомъ позднее происхожденіе, полагая, что, въ качествѣ восточныхъ учреждений, они являются лишь въ концѣ XVI в.

какъ князья стали владѣть недвижимою собственностью, т. е. никакъ не позже XI в., а, вѣроятно, и раньше. Собственно же «придворные» органы, безъ вотчиннаго характера, т. е. лица, заботившіяся объ устройствѣ дома и двора князя, объ его столѣ, хранившіе его казну, сопровождавшіе его на войнѣ и въ путешествіяхъ, устранявшіе его охоту,—разные ключники, тиуны, конюхи, ловчіе, гриди, мечники, отроки, о которыхъ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «поученіи»,—оказывали въ большомъ числѣ еще князей-посельниковъ IX и X вѣка, переходя вмѣстѣ съ ними съ мѣста на мѣсто, прежде чѣмъ князья успѣли приобрести сколько нибудь обширныя земельныя владѣнія. Контингентъ ихъ пополнялся частью изъ холоповъ князя или лично зависящихъ отъ него людей, частью изъ членовъ младшей дружины; всѣ эти лица, лично связанные съ княземъ, всюду слѣдовали за нимъ. Во второмъ періодѣ нашей исторіи, съ развитіемъ земельныхъ владѣній князя, большая часть этихъ придворныхъ органовъ стала приобретать административно-территориальный характеръ и, продолжая исполнять свои прежніе обязанности придворной службы, сдѣлалась въ то же время вотчинными управителями. Здѣсь не мѣсто налагать постепенное развитіе дворцовыхъ органовъ и все возрастающее значеніе ихъ въ общемъ управленіи въ XIV, XV вв. Этотъ вопросъ обстоятельно разработанъ въ трудахъ пр. Ключевского и пр. Сергѣевича. Замѣтимъ только, что еще въ Кіевскій періодъ можно различить два рода лицъ, которымъ поручались придворныя должности: слугъ князя (холоповъ и свободныхъ людей, но худородныхъ, смердовъ) и людей служилого класса, младшихъ дружинниковъ; изъ первыхъ выходили *тиуны* и *ключники*, позже—казначей и дьяки, вѣдавшіе какъ хозяйство князя, такъ и сборъ разныхъ доходовъ съ волости и судъ; изъ вторыхъ—гриди, мечники и отроки¹⁾. Какъ собственно хозяйственныя функціи, такъ и различныя обязанности по дѣламъ суда и управленія, одинаково поручались тиунамъ и дьякамъ, людямъ низшаго происхожденія—изъ нихъ то главнымъ образомъ пабливались впоследствии приказные дѣятели какъ дворцовыхъ, такъ и государственныхъ приказовъ. Младшіе же дружинники—уже въ силу своей принадлежности къ высшему, военному классу, врядъ ли занимали въ XII—XIII вв. хозяйственныя должности; да и въ государственномъ управленіи не принимали, кажется, большого участія²⁾, отчасти въ виду своей молодости, отчасти потому, что это было бы невыгодно князю, который долженъ былъ бы дѣлиться

¹⁾ Сергѣевичъ „Юридическія древности“ 1890 г. т. I, стр. 351—354.

²⁾ Хотя есть указаніе на участіе мечниковъ въ судѣ. (Троицкій списокъ Русской Правды, 82).

доходами съ ними, какъ съ представителями правительственнаго класса. На ихъ долю оставались собственно придворныя должности, но съ военнымъ характеромъ: они были всегда около князя для его личныхъ услугъ, но прежде всего являлись его тѣлохранителями. Дѣлаясь старше, они, вѣроятно, переходили въ разрядъ старшихъ дружинниковъ и либо участвовали въ совѣтѣ князя, либо посылались въ качествѣ посадниковъ и намѣстниковъ въ подвластные ему города. Но нѣкоторые изъ нихъ, особенно приближенные къ князю, пользовавшіеся его довѣріемъ, оставались навсегда при его дворѣ и, благодаря своему происхожденію и расположенію князя, занимали особое положеніе среди прочихъ дворовыхъ чиновъ, дьяковъ, казначеевъ и ключниковъ, и нерѣдко даже становились во главѣ ихъ и получали высшій надзоръ надъ той или другой отраслью княжескаго хозяйства и надъ управленіемъ частью дворцовыхъ земель, въ качествѣ дворецкаго, стольника, чапника или другою «путнаго боярина». Такъ приблизительно можно, по нашему мнѣнію, объяснить то явленіе, что должность дворецкаго, такъ же, какъ и военно-придворная должность меченоси (позднѣйшаго оруженчаго) замѣщалась уже въ XIV в. ¹⁾ лицами высшаго служилаго класса, между тѣмъ, какъ прочія придворныя должности во второй половинѣ XV в. замѣщались попрежнему людьми не родовитыми, а дьяки и казначеи еще въ XV в. нерѣдко бывали рабами.

Естественно, что съ усиленіемъ власти и могущества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣровъ и пышности двора московскихъ государей, параллельно съ чѣмъ шло обѣдненіе и политическое ослабленіе высшаго служилаго класса, въ составъ котораго вошли теперь потомки многихъ удѣльныхъ князей, члены этого класса стали охотно занимать такія придворныя должности, о которыхъ они раньше и не думали, такъ какъ сочли бы ихъ недостойными свободнаго воина. Съ другой стороны, сами московскіе князья, стремясь обружить себя большей пышностью и торжественностью, чтобы поднять въ глазахъ современниковъ значеніе своей власти, заставить ихъ отличать ее отъ власти старыхъ удѣльныхъ князей, охотно замѣщали высшія дворцовыя должности лицами высшаго класса, оставляя въ то же время все дѣйствительное значеніе и силу въ сферѣ вотчиннаго и финансоваго управленія въ рукахъ своихъ старыхъ, испытанныхъ слугъ—приказныхъ людей.

Такимъ образомъ, измѣненіе въ положеніи служилаго класса и въ характерѣ власти московскаго великаго князя, а поэтому и во взаимныхъ отношеніяхъ князя и бывшихъ дружинниковъ есте-

¹⁾ А въ Галичѣ еще въ XIII в.

ственно привело къ возвышенію значенія придворныхъ должностей, какъ вѣшняго, такъ и внутренняго, придавъ имъ большую важность, вслѣдствіе порученія ихъ болѣе знатнымъ лицамъ, и болѣе значеніе въ общемъ управленіи, благодаря усиленію самой власти князя, а, слѣдовательно, и значенія той роли, которую играетъ его дворъ въ общемъ жизненномъ обиходѣ страны. Сначала возвысилась должность дворецкого, а мало по малу и остальные. Это возвышеніе, долго подготовлявшееся, становится нагляднымъ для насъ въ самомъ концѣ XV в., когда назначенія въ различныя придворныя должности ¹⁾ (начиная съ должности конюшаго, записанной впервые въ 1491 г.) начинаютъ появляться въ сводной Шереметьевской боярской книгѣ, извлеченія изъ которой напечатаны въ XX томѣ Древней Россійской Визюевки ²⁾. Это дало даже нѣкоторымъ изслѣдователямъ (напр. Неволину) поводъ думать, будто должности конюшаго и нѣкоторыя другія были «учреждены» только въ концѣ XV и даже началѣ XVI вѣка. Вотъ къ этому то времени, — 90-мъ лѣт. XV в., — и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести образованіе важнѣйшихъ дворцовыхъ приказовъ, какъ учреждений съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстнымъ порядкомъ дѣлопроизводства, и вотъ по какимъ соображеніямъ: съ расширеніемъ дворцоваго хозяйства московскихъ князей, лица, управлявшія разными отраслями этого хозяйства, конечно, должны были нуждаться все въ большемъ числѣ помощниковъ, но пока главныя дворцовыя должности не имѣли почетнаго значенія, замѣщались людьми незнатными, такими помощниками могли быть простые слуги, холопы князя или самого лица, занимавшаго данную должность. Но какъ только эти должности, приобретаая все большее значеніе и политическое и административное и экономическое, стали вмѣстѣ съ тѣмъ «придворными» въ высшемъ смыслѣ слова, почетными, стали замѣщаться представителями самаго высшаго слоя служилаго класса, лица, занимавшія ихъ теперь, должны были получить другихъ помощниковъ. Во-первыхъ, это уже не могутъ быть личные слуги князя или служилаго человека, хотя бы и свободные, а должны быть люди служилые, имѣющіе какой нибудь «чинъ», хотя бы и «худой», не почетный; съ другой стороны, эти помощники должны въ извѣстномъ отношеніи контролировать своихъ начальниковъ (вѣрнѣе: старшихъ товарищей) въ интересахъ князя, довѣренными людьми котораго они являются вопрежнему, такъ какъ князь все же могъ больше положиться на

¹⁾ Кромя должностей дворецкихъ и окольныхъ, упоминающихся съ самаго начала книги съ 1462 г.

²⁾ См. Сергѣевичъ „Юрид. Древности“ т. I, стр. 358.

нихъ, своихъ бывшихъ холопей, своихъ ближнихъ, дворовыхъ людей, чѣмъ на потомковъ вольныхъ дружинниковъ; наконецъ, эти помощники должны быть людьми грамотными, «письменными», опытными въ дѣлопроизводствѣ и въ дѣлахъ хозяйства и управленія: такими людьми и были *дьяки*, высшій слой которыхъ уже въ серединѣ XV в. становится «чиномъ»¹⁾, хотя и «худымъ», не могущимъ тягаться честью съ другими чинами. Уже въ серединѣ XV в. мы видимъ дьяковъ посланнъ къ иностраннымъ государямъ (въ 1482 г. дьякъ Феодоръ Куршцынъ отправленъ посломъ къ венгерскому королю Матѳею Корвину)²⁾, и къ русскимъ городамъ³⁾; дьяки водили даже полки на войну⁴⁾, правили городами (дьякъ Карамышевъ при намѣстникѣ кн. Андрея Васильевича въ Бѣжецкѣ)⁵⁾. Наконецъ, Судебникъ 1497 г. предписываетъ дьякамъ обязательно присутствовать на судѣ бояръ и окольныхчыхъ (органовъ центрального управленія, судившихъ вмѣсто князя), очевидно уже не въ качествѣ писцовъ, частныхъ секретарей⁶⁾, а въ качествѣ товарищей, членовъ судной коллегіи. *Съ появленіемъ дьяковъ въ качествѣ постоянныхъ, специально назначенныхъ и необходимыхъ товарищей, а не просто помощниковъ высшихъ органовъ дворцоваго управленія, можно начинать исторію дворцовыхъ приказовъ, какъ постоянныхъ учреждений*⁷⁾. Къ этому времени—90-мъ гг. XV в. и первымъ годамъ XVI в.—я относится начало главнѣйшихъ дворцовыхъ приказовъ.

1. Приказъ Большого Дворца.

Въ документахъ, относящихся къ этимъ двумъ десятилѣтіямъ, мы находимъ болѣе или менѣе прямые указанія на существованіе

¹⁾ См. *Сергиевичъ* „Юрид. Древн.т. I, стр. 486—488 и 515; *Лихачевъ* „Разрядные дьяки“ стр. 27—28 и „Отвѣтъ суровому крѣтву“, 1890 г. стр. 35—41. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ: „между дьяками, несвободными писцами князя, и дьяками — государственными чиновниками изъ помѣстного дворянства—должна быть положена грань“... Нельзя только утверждать, что всѣ дьяки-чиновники происходили изъ дѣтей боярскихъ или захудалыхъ удѣльныхъ бояръ; большинство ихъ все таки происходило отъ старыхъ дьяковъ-слугъ княжескихъ.

²⁾ П. С. Р. I. VI, 82, 95; также А. А. Э. I. 49—около 1450.

³⁾ Въ 1478 г. посланъ въ Псковъ дьякъ Волнинъ (П. С. Р. I. 257), въ 1471 г.— дьякъ Шабальцевъ (ib, 239—240).

⁴⁾ Тотъ же Волнинъ водилъ Псковичей на Новгородъ.

⁵⁾ Акты Федотова—Чеховскаго № 9 около 1498 г.

⁶⁾ Таковыми являлись въ это время уже *подьячіе*, отъ которыхъ дьяки ясно различаются еще въ серединѣ XV в.; въ 1458 г. подьячій Бѣда, привезшій въ Москву вѣсть о смерти Шемяки, былъ пожалованъ въ дьяки. (П. С. Р. I. VIII, 144).

⁷⁾ См. *Лихачевъ* „Разрядн. дьяки“, стр. 528. „Еще въ XV в. дьячество стало чиномъ. Появленіе дьяковъ съ значеніемъ государственныхъ чиновниковъ должно быть поставлено въ связь съ образованіемъ приказовъ.“

Большого Дворца, Казеннаго, Конюшеннаго и Ямского приказовъ, хотя самыя названія этихъ учрежденій (какъ замѣтилъ еще Невозинъ) встрѣчаются иногда гораздо позже. Только относительно времени образованія Большого Дворца мы считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку; хотя «дворцовыхъ дьяковъ» въ документахъ ¹⁾ встрѣчаемъ не раньше 1501 г. (дворцоваго дьяка Ермолу), а дьяка «введеннаго» (т. е. ближняго, введеннаго во дворецъ)—Федора Стромилова тремя годами раньше, въ 1498 г. ²⁾, но надо думать, что Большой Дворецъ, какъ учрежденіе, бывшее прототипомъ остальныхъ дворцовыхъ приказовъ, существовалъ уже около половины XV в., по крайней мѣрѣ уже въ 60-хъ гг. этого столѣтія. Вѣдомство дворецкаго изъ всѣхъ придворныхъ вѣдомствъ было самое обширное, и хотя трудно предположить, чтобы отдѣльные «пути»,—другія дворцовыя вѣдомства, были первоначально подчинены ³⁾ дворецкому, а потомъ вѣдомство этого послѣдняго дифференцировалось, выдѣляя изъ себя другія отрасли дворцоваго управленія,—однако, ничто не мѣшаетъ допустить, что первоначально *одни и тѣ же* дьяки, облеченные довѣріемъ князя, помогали одинаково и дворецкому и другимъ органамъ управленія въ отправленіи ихъ функций, особенно же въ судѣ и въ дѣлопроизводствѣ. Пр. Ключевскій допускаетъ возможность подобнаго явленія относительно позднѣйшихъ приказовъ по общему управленію, дѣлопроизводство которыхъ, когда они еще являлись отдѣленіями думской канцеляріи, первоначально раздѣлялось, по его мнѣнію, между нѣсколькими дворцовыми приказами ⁴⁾.

Въ половинѣ XV стол. въ должности дворецкаго произошла перемѣна: появилось одновременно *двое* дворецкихъ (московскихъ, не считая провинціальныхъ, которыхъ было нѣсколько) и притомъ оба знатнаго рода ⁵⁾ и бояре введенные: во главѣ дворцоваго управленія стала такимъ образомъ своего рода коллегія, такъ какъ съ увеличеніемъ количества дѣлъ и ихъ сложности и разнообразія удѣлецкихъ появился цѣлый штатъ помощниковъ въ дѣлопроизводствѣ—дьяковъ великаго князя: они подписывали жалованныя грамоты монастырямъ и частнымъ лицамъ, (а писали ихъ уже въ XV в. подъячіе) ⁶⁾, «въ-

¹⁾ Рукописная разрядная И. Публ. Библ. отд. IV, Ф. 181: «лѣта 7009 в Апрелѣ велел Государь итти на Литовскую землю изъ Новгорода Великаго войномъ кн. С. Р. Ярославскому, а въ Новгородѣ велел Государь быти владимке Генадью, да... дворцовому дьяку Ермолу».

²⁾ П. С. Р. .I. VIII. 234.

³⁾ „Б. Дума“ стр. 111—113.

⁴⁾ „Боярская Дума“ стр. 173.

⁵⁾ Въ 1462 г. М. Ф. Сабуровъ и Г. В. Заболоцкій.

⁶⁾ Такъ, напр. подъячіе писали уже грамоты въ 1461—1467 г. (А. Юр. Вите,

дали прибытки князя» и производили описи земель¹⁾; можетъ быть, уже въ серединѣ XV в. они присутствовали на судѣ дворцовыхъ и бояръ введенныхъ. Названіе «дворцовыхъ дьяковъ» въ документахъ XV в. не встрѣчается, во всякомъ случаѣ такіе документы пока еще неизвѣстны, можетъ быть и самаго названія еще не было, какъ не было въ XVI в. термина «думный дьякъ»; между тѣмъ, въ XVI в. несомнѣнно существовали дьяки, которыхъ съ полнымъ правомъ можно бы назвать «думными», такъ какъ они вполне соответствовали позднѣйшимъ «думнымъ»; назывались же эти дьяки «введенными» или «ближними».

Такъ и въ XV в. могли уже существовать дворцовые дьяки, но назывались они еще не дворцовыми, а просто «дьяками великаго князя», въ противоположность дьякамъ бояръ и служилыхъ людей. Указаніе на составъ дворцоваго приказа впервые встрѣчается въ 1509 г.²⁾ (на судѣ дворецкаго Василія Андреевича Челяднина были «дѣаки дворцовые: Федоръ Ходыка, Григорьевъ сынъ, да Стромилло, Олександровъ сынъ». «А подпись въ грамотѣ Великаго князя дьяка Ермола Давыдова»). Тотъ же Ермола Давыдовъ называется «дьякомъ великаго князя» вмѣстѣ съ Ушакомъ Ортемовымъ въ жалованной грамотѣ 1512 г.³⁾, извѣстной тѣмъ, что въ ней впервые встрѣчается слово «приказъ». Ушака Ортемова также встрѣчаемъ не разъ въ документахъ этого времени, при чемъ въ однихъ онъ называется «дворцовымъ дьякомъ»⁴⁾—а въ другихъ, позднѣйшихъ—«дьякомъ великаго князя». Такъ какъ и Давыдовъ и Артемовъ *сначала* являются дворцовыми дьяками, а затѣмъ дьяками великаго князя, и къ тому же въ грамотѣ 1512 г. прямо противопоставляются дворцовымъ дьякамъ—Ходыкѣ и Стромиллу,—то можно думать, что въ началѣ XVI в. «дьякъ великаго князя» означалъ «ближняго» дьяка и считался выше обыкновеннаго дворцоваго дьяка, должности административно-хозяйственной, между тѣмъ, какъ «дьякъ великаго князя» былъ его совѣтникомъ, думцемъ, хотя официально, можетъ, еще не считался членомъ думы.—Ходыка и Стром-

т. I, 118, III и 63, XIII). Въ эпоху Судебника 1497 г. «дѣаку отъ подписи съ рубля по алгину, а польячому, который грамоту напишетъ правую, имати съ рубля по три деньга»... ст. 15.

¹⁾ А. Охл.-Чех., №№ 24, 25, 51.

²⁾ Первая грамота дворецкаго Челяднина съ подписью дьяка Ермола Давыдова, не того ли, что упоминается въ 1501 г. въ Разрядной книгѣ? (А. Разскаго края Писарева, 1854 г. № 13, стр. 14—15).

³⁾ А. А. Э. I, № 155. Жалованная грамота Александровъ-Успенскому женскому монастырю, февраль, 7020 г.

⁴⁾ Сб. Н. Р. Н. О., XXXV, стр. 340.—Дворцовые дьяки Елка Суховъ и Ушакъ Ортемовъ—1502 г.; А. Юр. I, № 9—1504 г.

мало одинаково называются дворцовыми дьяками какъ въ 1509 такъ и въ 1512 г. ¹⁾). Слѣдовательно, въ началѣ XVI в. вѣдомство Большого Дворца уже вполне установилось; дворцовыми дьяками въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ являются все тѣ же лица. Владодаря г. Лихачеву, мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства существованія уже въ первомъ десятилѣтіи XVI в. Б. Дворца, какъ вполне сложившагося учрежденія съ дворецкимъ и двумя дьяками во главѣ ²⁾; однако самое названіе «Большой Дворецъ» встрѣчается впервые только въ царствованіе Грознаго въ 1547 г. ³⁾.—Несмотря на это, и прежніе наследователи, которымъ не была извѣстна правая грамота 1509 г., указываютъ на начало XVI вѣка, какъ на время возникновенія Б. Дворца; Успенскій, а вслѣдъ за нимъ пр. Владимірскій-Будановъ, говорятъ, что слѣды существованія этого приказа замѣтны уже въ 1501 г. (извѣстіе о дворцовомъ дьякѣ Ермолю). Неволяги говорятъ объ упоминаніи дворцовыхъ дьяковъ въ завѣщаніи Ивана III, относящемся приблизительно къ 1504 г. ⁴⁾, а о дворцовомъ приставѣ—въ 1506 г. ⁵⁾.

Пр. Владимірскій-Будановъ считаетъ древнѣйшими приказами указы съ финансовымъ характеромъ, къ которымъ онъ относитъ и Большой Дворецъ.—но мы видимъ, что одною изъ первыхъ важнѣйшихъ обязанностей дворецкого въ началѣ XVI в. былъ *судъ* привагированныхъ владѣльцевъ; самыя старыя грамоты, подписанныя «дворцовыми» дьяками, указываютъ именно на эту судебную его функцію, такъ что никакъ нельзя считать обязанности дворецкого начала XVI в. функціями исключительно или преимущественно финансового характера; элементъ финансовый и вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ См. Лихачева, *оп. с.*, стр. 30 и *А. А. Э.*, I, № 155.

²⁾ Оба дьяка указаны въ 1502 г. Елка Сукозь и Ушакъ Ортемовъ (*С. П. Р. И. О.* XXXV, 340) и въ 1509—1512 г. Ходико и Строило; въ документахъ другихъ годовъ встрѣчаемъ указаніе только на одного дьяка—въ 1503 г.—Авоня Яковлевъ (*А. Кр.*, I, 9). Въ 1505—1506 г. жалованная грамота монастырямъ подписывалъ дьякъ Давыло Мамыревъ, можетъ онъ былъ въ это время дворцовымъ дьякомъ. Дворецкимъ въ 1501 г. былъ пожалованъ князь П. П. Великій (единственный въ этой должности сынъ боярскій въ періодъ отъ 1462 по 1577 г.), отставленъ въ томъ же году, снова назначенъ въ 1504 г.—Пр. Сергѣевичъ говоритъ, что съ 1473 г. (со смерти Заболоцкаго) въ Москвѣ былъ всегда одинъ дворецкій, но уже въ 1509 г. мы встрѣчаемъ грамоту дворецкого Челдинна, который, по мнѣнію пр. Сергѣевича, былъ дворецкимъ только съ 1513 г., когда умеръ князь Великій (который на самомъ дѣлѣ былъ живъ еще въ 1514 г. и имѣлъ чинъ боярина (*Лих.* стр. 68 *пр.* 6)); слѣдовательно, либо Челдининъ служилъ раньше Великаго, либо они были дворецкими одновременно, что вѣроятнѣе.

³⁾ *А. Ист.*, т. I, № 149.

⁴⁾ *С. Г. Г. и Д.*, I, стр. 399.

⁵⁾ *А. А. Э.*, I, № 143.

частно-хозяйственный, не превѣшивалъ въ его должности элемента судебного, и вмѣстѣ съ тѣмъ публичнаго, такъ какъ въ качествѣ судьи привилегированныхъ владѣльцевъ дворцкій являлся представителемъ князя, какъ государя, а не блюстителемъ его интересовъ, какъ частнаго владѣльца.

Дмитріевъ также считаетъ древнѣйшими по происхожденію приказы съ финансовымъ характеромъ: если говорить о приказахъ по государственному управленію, то это окажется не совсѣмъ вѣрнымъ (относительно Разряда); къ дворцовымъ приказамъ это положеніе примѣнять гораздо легче, но опять-таки нельзя упускать изъ виду судебныя функціи дворецкаго, нисколько не менѣ важныя, чѣмъ его финансовыя функціи (точнѣе: административно-эксплуатационныя, такъ какъ на обязанности дворцовыхъ органовъ лежалъ не только сборъ разныхъ платежей государственнаго и частнаго, вотчиннаго характера, но и хозяйственная эксплуатація дворцовыхъ земель со всѣми ихъ угодіями).

2. Областные дворцы.

Какъ справедливо замѣтилъ еще Неволнинъ, «большими» назывались Московскія центральныя учрежденія, въ противоположность областнымъ: дѣйствительно, на ряду съ Большимъ Дворцомъ, Б. Разрядомъ мы встрѣчаемъ и областные Дворцы и Разряды ¹⁾, но находятся эти учрежденія въ Москвѣ. Это учрежденія такого типа, который теперь уже почти не встрѣчается: они завѣдуютъ *известной отраслью* управленія *въ известной области*, но находятся не въ области, а въ *центре*. Ихъ нельзя относить къ учрежденіямъ территориальнымъ центральнаго управленія, такъ какъ они завѣдывали не всѣмъ управленіемъ данной области, а только одной какой-нибудь его отраслью (военнымъ, финансовымъ управленіемъ); но нельзя ихъ приравнивать и къ мѣстнымъ органамъ обыкновеннаго центральнаго управленія, съ распределеніемъ предметовъ вѣдомства по реальной системѣ, такъ какъ находились они не на мѣстахъ, а въ центрѣ. Это странное положеніе ихъ дѣлается однако легко понятнымъ, если обратить вниманіе на происхожденіе этихъ

¹⁾ Нельзя утверждать того-же прямо относительно Б. Казны; но нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что удѣльныя „казны“ сохраняли свое независимое существованіе, не сливаясь съ московской казною, нѣкоторое время по присоединеніи удѣловъ, хотя по самому характеру казеннаго вѣдомства—болѣе подвижнаго, легче поддающагося централизаціи,—слиянiе должно было произойти тутъ быстрѣе, чѣмъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ. Записки Ивана III (С. Г. Г. и Д., I, стр. 389) прямо говорятъ о казнѣ, хранящейся въ Новгородѣ, въ Вологодѣ, на Бѣломъ озерѣ и въ иныхъ мѣстахъ.

органовъ. Это были старые, удѣльные дворцы и разряды, существовавшіе въ удѣлахъ до ихъ присоединенія къ Москвѣ, и, можетъ быть, оставленные тамъ нѣкоторое время и по присоединеніи удѣловъ, а затѣмъ перенесенные цѣлякомъ, въ томъ видѣ, какъ они существовали на мѣстѣ, въ Москву; подчиненные и мѣстные органы каждаго дворцоваго управленія, конечно, оставались въ удѣлѣ, а въ Москву переносились только центральные, такимъ образомъ и случилось, что въ Москвѣ одновременно существовало нѣсколько учрежденій для управленія нѣвѣстной отрасли администраціи, нѣсколько дворцовъ, нѣсколько разрядовъ, каждый въ своей области. Эти органы можно назвать въ одно и то-же время и центральными и областными, но никакъ не территоріальными (они не вѣдали никакой территоріи, цѣльной области во *всѣхъ* отношеніяхъ); въ сущности это были мѣстные органы, перенесенные въ центръ. Сначала эти учрежденія были, вѣроятно, независимы другъ отъ друга, стояли другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, какъ позднѣйшія «Чети», которыя вообще имѣютъ много общаго въ своемъ положеніи въ ряду государственныхъ учрежденій съ этими «дворцами» и «разрядами» начала XVI в., такъ какъ Чети также были центральными учрежденіями, вѣдавшими каждое *известную* область въ известномъ отношеніи, но отнюдь не территоріальными. Можно даже сказать, что какъ въ Четьяхъ, такъ и во «Дворцахъ»¹⁾—XVI в. *реальная система* распределенія предѣловъ вѣдомства была *соединена* съ территоріальной: вѣдомство каждаго дворца, каждой Чети—было ограничено за разъ и известной территоріей, и известнымъ кругомъ дѣлъ, такъ что эти учрежденія не были ни чисто территоріальными²⁾, ни центральными учрежденіями съ раздѣленіемъ дѣлъ по отраслямъ администраціи на всемъ протяженіи государства, каковыми въ большинствѣ случаевъ являются современные министерства.

Но ни по своему происхожденію, ни по дальнѣйшей судьбѣ своей финансовыя Чети второй половины XVI в. не имѣли ничего общаго съ областными, вѣрнѣе — удѣльными дворцами и разрядами первой половины этого столѣтія. Чети были созданиемъ московскаго правительства, явленіемъ новымъ, разрушавшимъ старый удѣльный строй, отрицаніемъ старыхъ, вѣками сложившихся отношеній кормленщиковъ и вольныхъ слугъ къ центральному правительству. «Дворцы» и «Разряды» были наоборотъ пережиткомъ

¹⁾ Къ этому же роду учрежденій относятся и оба Земскихъ двора, и четыре Судныхъ приказа.

²⁾ Каковыя однако существовали въ Москвѣ въ XVI в. (Казанскій Дворецъ, Новгородскій, Смоленскій и Сибирскій приказы).

этого старого порядка, наследіемъ удѣльнаго строя, съ которымъ московское правительство не сразу могло справиться, вѣрнѣе—не умѣло переварить его въ своемъ новомъ государственномъ организмѣ. Но какъ только явились у него силы или умѣнье, оно уничтожило этотъ пережитокъ, невыгодный для правильнаго теченія государственной жизни и для власти и доходовъ самого царя,— уничтожило его, подчинивъ сначала удѣльные дворцы Московскому, сдѣлавъ ихъ его отдѣленіями, «третьими»¹⁾, а затѣмъ и совершенно сливъ ихъ съ московскимъ, который уже и раньше, въ отличіе отъ удѣльныхъ, сталъ называться «Большимъ». Это окончательное сліяніе произошло въ самомъ концѣ XVI в., но даже въ началѣ XVII в., уже послѣ смутнаго времени, упоминается въ Новгородѣ— въ 1636 г.²⁾— «дворцовый приказъ», но это уже учрежденіе мѣстное, а не центральное, простой мѣстный органъ московскаго Б. Дворца³⁾. Судьба четей была совершенно иная, именно вслѣдствіе много ихъ происхожденія: московское правительство и не думало сливать ихъ другъ съ другомъ или подчинять одному какому нибудь центральному, финансовому учрежденію для всего государства: онѣ продолжали существовать независимо другъ отъ друга въ теченіе всего XVII стол., временно соединяясь иногда подъ управленіемъ одного лица съ совершенно несродными имъ по характеру учрежденіями; но эти соединенія были чисто личными, случайными. Только въ самомъ концѣ XVII в. московское правительство стало, по выраженію г. Лаппо-Данилевскаго, дѣлать «попытки къ систематизаціи поступленій», стало стремиться къ объединенію въ одномъ учрежденіи каждой отрасли администраціи. Эти попытки удалось привести въ исполненіе только Петру Великому. Дворцы-же областные исчезаютъ уже въ концѣ XVI в., а разряды (мы, собственно можемъ предполагать существованіе разрядовъ, или подобныхъ имъ учрежденій, вѣдавшихъ дѣлами служилаго сословія, только въ Твери⁴⁾ и Рязани)⁵⁾ еще раньше⁶⁾.

¹⁾ Болреская книга 1566 г. «Иванъ Наумовъ емлетъ откупъ съ ключа съ третъ Рязанскіе на Большомъ Дворцѣ». (Архивъ Ист.-Юрид. Свѣдѣній, изд. Калачева, ч. III—стр. 78, л. 167).

²⁾ А. А. О. III, 259 (дѣлкъ Филиппъ Арцибашевъ).

³⁾ Въ 1619—1621 г. въ Новгородѣ существуетъ «дворцовый приказъ» дѣйствующій, какъ отдѣленіе Большаго Дворца. Онъ составляетъ свои смѣтные списки и отсылаетъ ихъ въ Б. Дворецъ. См. о немъ г. Милюкова, «Государственное хозяйство Россіи», стр. 31 прим. 3.

⁴⁾ Ключевскій, В. Дума стр. 219 — 220 (о лицахъ «служившихъ по Тверскому списку»).

⁵⁾ См. ниже.

⁶⁾ Въ XVII в. появляются областные разряды въ смыслѣ нѣсколькихъ городовъ, вписанныхъ къ одному старшему, воеводѣ коего подчинены ихъ воеводи. (Неволинъ т. VI, стр. 183).

Вопросъ о происхожденіи областныхъ дворцовъ давно разъясненъ въ нашей литературѣ: еще Невольинъ, Градовскій и Лохвицкій, и вслѣдъ за ними г. Лаппо-Данилевскій, пр. Ключевскій и г. Лихачевъ, прямо и опредѣленно высказали мнѣніе, что это были дворцовыя управленія удѣльныхъ князей, перенесенныя, по присоединеніи удѣловъ, въ Москву. Но ошибка Невольина, а вслѣдъ за нимъ Лохвицкаго, Градовскаго и многихъ другихъ изслѣдователей, разъясненная только въ послѣднее время трудами г. Милюкова, пр. Середопина и пр. Платонова, состояло въ томъ, что частное явленіе, перенесеніе въ Москву удѣльныхъ дворцовыхъ (и, можетъ быть, разрядныхъ) управленій,—*съ томъ видѣ*, какъ она существовали въ удѣлахъ,—они привязали за общее—за перенесеніе въ Москву *всего* центральнаго управленія присоединенныхъ земель, *съ томъ видѣ*, какъ оно дѣйствовало въ нихъ до присоединенія. Невольинъ ¹⁾ говоритъ: «по мѣрѣ присоединенія областей къ Москвѣ, центральные органы ихъ управленія *просто переносились* въ Москву, а мѣстные оставались въ областяхъ». Изъ этого мнимаго перенесенія указанные авторы вывели происхожденіе территориальныхъ областныхъ приказовъ, которые на самомъ дѣлѣ возникли позже и вовсе не изъ бывшихъ удѣловъ, а изъ присоединенныхъ окраинъ, съ населеніемъ отчасти инородческимъ, съ иными условіями бытовыми и политическими, чѣмъ въ центрѣ. Центръ же областными приказами никогда и не управлялся. Вторая, и еще болѣе важная ошибка, названныхъ изслѣдователей заключалась въ отождествленіи четей съ областными приказами и въ указаніи на мнимое происхожденіе ихъ отъ «третьей» Ивана III (тутъ повліяло, вѣрно, извѣстіе о третяхъ Б. Дворца). Объ этомъ скажемъ подробнѣе при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи четей, теперь же вернемся къ областнымъ дворцамъ, объясненіе происхожденія которыхъ не представило такихъ трудностей, какъ вопросъ о происхожденіи четей.

Изъ удѣльныхъ дворцовъ, сохранившихся въ XVІв., мы имѣемъ указаніе на дворцы *Тверской* ²⁾ (Тверской дворецкій и дѣяки упомянуты въ завѣщаніи Ивана III, около 1504 г.; мы знаемъ Тверскихъ паюсы дворцкнхъ—М. Ю. Захарьяна—въ 1521 г., Шигону Подюгпна— въ 1532 г., В. М. Юрьева—въ 1547 г.); *Рязанскій* ³⁾ (въ жалованной грамотѣ Комельской обители⁴⁾ 1550 г. говорится: «судить мой

¹⁾ С. Соч., т. VI, стр. 122—125.

²⁾ Лихачевъ (Разр. Дѣяки, стр. 37) говоритъ о Тверской пасдовой книгѣ, въ которой сказано: «деньги отдавати въ дворцовый приказъ». Книга эта относится къ 1560 г.

³⁾ Арх. Ист. и Юр. Св. Калачева ч. III, стр. 78, л. 67 «Треть Рязанская на Волшомъ Дворцѣ».

⁴⁾ Приведено у Лихачева *op. cit.*, стр. 87.

дворецкій, котораго будетъ дворецкаго Рязанскій дворець въ приказъ»,—это какъ бы указываетъ, что въ то время въ Москвѣ было нѣсколько дворецкихъ, — одинъ главный, «большой» ¹⁾, другіе — областные, подчиненные ему ²⁾. Выше приведенное извѣстіе боярской книги 1556 г. («о трети Рязанской въ Б. Дворцѣ») изображаетъ уже Рязанскій дворець отдѣленіемъ Большого, хотя особые рязанскіе дворецкіе встрѣчаются и позже—въ 1559 г.; *Дмитровский* (Дмитровскій дворецкій—Далмать Θεодоровичъ Карповъ,—въ 1547 г.—разрядная книга П. Θ. Лихачева); *Нижегородскій* (Нижегородскій дворецкій—въ 1523 г.—А. П. Бутурлинъ; въ 1559 г.—Нижегородскій, Казанскій и Астраханскій дворецкій—М. П. Вороной—Волынскій). Особенно часто встрѣчается *Новгородскій* дворець (Новгородскимъ дворецкимъ въ 1555 г. былъ С. В. Шереметевъ) ³⁾. Скоро послѣ завоеванія Казани является и *Казанскій* дворець (въ 1553 г. дворецкій Д. Р. Юрьевъ), рядомъ съ которыми существовалъ пѣкоторое время отдѣльно *Мещерскій* дворець, потомъ слившійся съ Казанскимъ. Пр. Ключевскій говоритъ еще о *Ростовскомъ* дворцѣ («Б. Дума, стр. 248). Въ концѣ XVI в.—върѣе всего во времена опричнины (такъ какъ съ 60-хъ годовъ перестаютъ встрѣчаться въ документахъ указанія на областныхъ дворецкихъ, столь частыя въ 40-хъ и 50-хъ годахъ)—Большой Дворецъ поглощаетъ всѣ областные дворцы, за исключеніемъ Казанскаго и Мещерскаго Дворца, который, однакоже, является не областнымъ дворцовымъ управленіемъ, а вполне самостоятельнымъ учрежденіемъ по общему управленію, съ территоріальнымъ характеромъ. На это прямо указываетъ очень интересное извѣстіе разрядной книги отъ 1591 г. (7099) о «Рязанской» и «Дмитровской» «избахъ», въ которыхъ сидѣли и «дѣлали свое дѣло»: въ первой—С. Θ. Сабуровъ, во второй—кн. Иванъ Туренинъ. (Разр. книга Е. В. Барсова, л. 569). Очевидно, эти «избы» еще далеко не простые «стола» или «побытня» Б. Дворца, такъ какъ въ нихъ сидятъ не подъачіе и даже не дяки, а люди именитые: эти избы—учрежденія самостоятельныя, только «присудныя» Б. Дворцу, мало по малу входящія въ его составъ. Г. Лихачевъ (стр. 307), кажется, весьма основательно сближаетъ эти «избы» съ областными судными приказами, которые, по свидѣтельству Г. Успенскаго, упоминаются впервые

¹⁾ Въ данное время Д. Р. Юрьевъ, имя котораго и написано „на среднѣ“ указанной грамоты: „Приказъ Боярина и Дворецкаго Данилы Романовича“.

²⁾ Рязанскіе дворецкіе упоминаются въ 1540—41 г.—И. М. Юрьевъ, и въ 1559 г. кн. В. А. Свѣдн.

³⁾ Новгородскіе дворцовые дяки упомянуты уже въ 1518 г. (П. С. Р. Л., VI, 280—281; Семель Борисовъ и Зялга Сафоновъ).

какъ разъ въ это время. (Рязанскій судный приказъ въ 1591 г. а Дмитровский—въ 1595 г.). Весьма возможно, что къ нимъ перешли судебныя функціи старыхъ «дворцовъ», которые, вѣроятно, подобно Московскому, судили въ предѣлахъ своей области лицъ, изъятыхъ отъ суда наместниковъ. Окончательное сліяніе областныхъ дворцовъ (кромя, конечно, Казанскаго) съ Московскимъ Большимъ или, вѣрнѣе, поглощеніе ихъ этимъ послѣднимъ произошло, по мнѣнію Неволнина, въ царствованіе Михаила Феодоровича; такъ оно, кажется, и было на самомъ дѣлѣ. Большой Дворецъ, какъ постоянное учрежденіе, ставшее во главѣ стараго вѣдомства дворецкаго, сформировался, несомнѣнно, раньше, чѣмъ учрежденія, ставшія во главѣ другихъ придворныхъ вѣдомствъ, благодаря большей сложности и разнообразію своихъ функцій: кромѣ хозяйственной эксплуатаціи княжескихъ вотчинъ, уже въ XV в. (и даже раньше) дворецкій вѣдакъ и предметы государственнаго управленія, судебного и финансоваго: судилъ привилегированныхъ владѣльцевъ, собиралъ первоначально (до образованія специальныхъ финансовыхъ приказовъ съ чисто государственнымъ характеромъ) многіе княжескіе доходы не только съ дворцовыхъ, но и съ черныхъ земель; всѣ эти функціи перешли и къ приказу Большого Дворца. Но уже къ началу XVI в. несомнѣнно выдѣляются изъ себя постоянныя учрежденія—съ дьяками и съ особымъ дѣлопроизводствомъ—и два другія дворцовыя вѣдомства: казенное и ямское (соображенія, по которымъ ямское вѣдомство въ этотъ періодъ отнесено къ дворцовымъ, указаны ниже).

3. Ямской приказъ.

Эти два вѣдомства въ данную эпоху прежде всего рѣзко отличались отъ Б. Дворца тѣмъ, что во главѣ ихъ мы не видимъ людей родовитыхъ или чиновныхъ, бояръ или дѣтей боярскихъ. Хотя должность казначея съ 1495 г. записывается въ Переметевскомъ спискѣ боярской книги, но до 1573 г. (когда казначеемъ назначенъ кн. Масальскій) казначеями бывають люди «новые», что не мѣшаетъ многимъ изъ нихъ впоследствии возвышаться по службѣ. Кто стоялъ во главѣ ямскаго вѣдомства въ началѣ XVI в., имѣло ли оно вообще отдѣльнаго начальника или было поручено начальнику какого-нибудь другаго вѣдомства—выяснить трудно. Документы говорятъ только о «ямскихъ дьякахъ» и «подъячихъ», у которыхъ ямскія дѣла въ приказѣ. Вѣроятно, это вѣдомство состояло въ началѣ XVI в. изъ однихъ дьяковъ, въ виду его важнаго правительственнаго значенія и въ то же время отдаленія отъ официальнаго двора. Указанія на ямскихъ дьяковъ встрѣчаются впервые еще въ

1492 г. ¹⁾— «Тимофей дьякъ ямской Семеновъ сынъ Маклакова» ²⁾; затѣмъ—въ 1502 г.—Алексѣй, дьякъ ямской ³⁾; въ духовной Ивана III упоминаются дьяки ямскіе—Давидъ Клобуковъ и Юрѣя Лелечинъ, про которыхъ тутъ же сказано, что они подписывали «полныя» и «докладныя» (кабальныя грамоты), за что, конечно, получали дьячью пошляву; великій князь завѣщалъ имъ это право подписки кабальныхъ грамотъ; это можетъ служить, по нашему мнѣнію, косвеннымъ указаніемъ на то, что приказъ Холопья суда еще не существовалъ тогда, какъ окончательно сложившееся учрежденіе, съ строго опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ, хотя весьма вѣроятно (какъ увидимъ ниже), что онъ уже складывался въ это время. Кроме того, фактъ скрѣпленія кабальныхъ грамотъ ямскими дьяками ⁴⁾, при чемъ это скрѣпленіе признается ихъ правомъ, формально подтвержденнымъ завѣщаніемъ великаго князя, указываетъ на характеръ кормленія, который продолжалъ господствовать въ дворцовыхъ приказахъ въ началѣ XVI в. Подъ 1512 г. ⁵⁾ упоминаются дьяки Некрасъ Харламовъ и Михаилъ Никитинъ, которымъ нѣкто Давыдъ Сырковъ, получившій приказаніе отъ великаго князя перестроить Ергольскій ямъ, долженъ отдать списокъ расходамъ. Г. Лихачевъ ⁶⁾ полагаетъ, что это—косвенное указаніе на существованіе въ 1512 г. ямского приказа уже съ *коллекціальнымъ* устройствомъ—съ двумя дьяками, а не *личнаго*, какъ въ 1504 г. Успенскій ⁷⁾ относитъ существованіе ямского приказа къ 1516 г., ссылаясь на упомянутую разрядную Публичной Библіотеки. Его мнѣніе повторяетъ Неволинъ ⁸⁾. Карамзинъ относитъ ямской приказъ ко времени Ивана IV, къ 1578 г., къ которому относится первое извѣстное ему упоминаніе ямской казны ⁹⁾. Авторъ статьи о приказахъ въ Визлюникѣ думаетъ, что Ямской приказъ образовался во времена Феодора Ивановича или царя Бориса ¹⁰⁾. Объ «Ямѣ» говорится въ 1536 г. ¹¹⁾: въ извѣстїи этого

¹⁾ Ямская подать («ямъ») упоминается еще въ XIV стол. (А. А. Э. I, № 5, 1361—1365 г.).

²⁾ (А. Юр. Быта, I, № 118).

³⁾ (С. Б. П. Р. И. О., Т. XLI, стр. 404).

⁴⁾ Любопытно, что тѣ же двое дьяковъ упоминаются и въ разрядной книгѣ Имп. Публ. Библ. (Ф. IV, 181) подъ 1516 г., при чемъ и здѣсь говорится, что они подписываютъ полныя и докладныя.

⁵⁾ А. А. Э. I, № 166.

⁶⁾ *Op. cit.*, стр. 50, пр. 1.

⁷⁾ *Op. cit.* стр. 300.

⁸⁾ *Op. cit.* Томъ VI, стр. 167.

⁹⁾ Т. IX, пр. 518.

¹⁰⁾ Т. XX, стр. 418.

¹¹⁾ (С. Б. П. Р. И. О., Т. LIX, стр. 43. „А кормъ ему велико давать с яму итъ

года прямое указаніе на существованіе ямскаго приказа, какъ учрежденія («ямъ во дворцѣ» и «подъячей»,—тѣмъ болѣе, что въ декабрѣ того же года «дьяками», которые «ямскія дѣла вѣдаютъ», являются Тимофей Казаковъ и Василій Рихмановъ); ¹⁾ значитъ, въ ямскомъ приказѣ сидѣли въ это время два дьяка и были подъячіе. По аналогіи съ извѣстіями 1536 г. и многими другими, г. Лихачевъ ²⁾ заключаетъ о существованіи ямскаго приказа уже въ 1503 г. на основаніи словъ статеинаго списка: «а о корму писано у Тишки у Моклокова» ³⁾. Но здѣсь рѣчь можетъ идти и о личномъ приказѣ, а не о учрежденіи, которое является лишь въ 1512 г. ⁴⁾. Слово «ямская изба» впервые встрѣчается въ 1550 г. ⁵⁾. Раньше первымъ извѣстіемъ о ямской избѣ считалось извѣстіе 1555 г. ⁶⁾, гдѣ упоминаются дьяки ямской избы Пванъ Мацневъ съ товарищи.—*Ямской приказъ* упоминается впервые въ 1582 г. ⁷⁾. «Ямская изба» послѣ 1555 г. упоминается еще въ 1564, 1578 и 1583 гг.

4. Казенный приказъ.

Казенное вѣдомство, по самому характеру своему склонное къ централизаціи, къ сосредоточенію всѣхъ своихъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ,—при самомъ дворѣ князя,—и притомъ въ рукахъ не одного лица, а нѣсколькихъ, взаимно другъ друга контролирующихъ и связанныхъ общей отвѣтственностью—сравнительно рано образовало центральное учрежденіе съ коллегіальнымъ устройствомъ, которое и стало во главѣ вѣдомства. Учрежденіе это вполне естественно образовалось изъ Казеннаго Двора, мѣста, гдѣ хранилась княжеская казна, и куда, вѣроятно, ея хранители—казначей—являлись для разбора дѣлъ своего вѣдомства. Первоначально же казна, вѣроятно, хранилась въ самомъ дворцѣ князя и мѣсто ея

дворца своего (а писать кормъ у дьяковъ, которые ямъ вѣдаютъ), а кормъ давалъ Матей Казаковъ...».

¹⁾ *Иб.*, стр. 64.

²⁾ „Библиотека и Архивъ Моск. Государей въ XVI стол.“ стр. 56, прим.

³⁾ Сб. И. Р. И. О., Т. XXV, стр. 410.

⁴⁾ А. А. Э. I, 156.

⁵⁾ Грамота этого года напечатана у Лихачева, „Библ. и Архивъ“, стр. 57, прим.;—Ситнику Мартынову предписывается собрать „прогонныя деньги по той выписи, какова тебѣ дана изъ ямской избы“. (Собр. Грамотъ Колл. Экономіи, по Москвѣ, № 1110).

⁶⁾ Д. къ А. И., I, № 51, XIII.

⁷⁾ Въ Польскихъ статеинныхъ спискахъ, кн. XIV, л. 259; См. Лихачевъ, *op. cit.* стр. 58, прим. Раньше первымъ извѣстіемъ о немъ считалось извѣстіе книги о Московскомъ осажденномъ сидѣннѣ, 1618—1619 г. (Визл., т. XX).

храненія тоже называлось «Казной» (отсюда позднѣйшее выраженіе «казѣнка» — мѣсто храненія бумагъ и документовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, особенно въ сѣвѣжнихъ избахъ воеводъ); затѣмъ для нея было построено особое зданіе, особый «дворъ». Появленіе въ документахъ «казеннаго двора» можно считать, по нашему мнѣнію, указаніемъ на начало центрального учрежденія казеннаго вѣдомства, позднѣйшаго Казеннаго приказа, такъ какъ эта постройка знаменуетъ выдѣленіе казеннаго управленія изъ общей массы дворцоваго вѣдомства. (Пр. Ключевскій¹⁾ точно такъ же начинаеть исторію Посольскаго приказа, какъ особаго учрежденія, съ построенія особаго зданія для посольскаго вѣдомства—посольской избы въ 1565 г.) Казенный дворъ уже упоминается въ концѣ XV в.—въ 1493 г.²⁾ и въ 1495 г.³⁾, а о «казенномъ подъячѣмъ» говорится еще въ 1467 г.⁴⁾ Это послѣднее извѣстіе даетъ поводъ думать, что въ 60-хъ г.г. XV в. въ числѣ помощниковъ казначеевъ,—такъ же какъ и дворецкихъ,—были уже дьяки и подъячіе—зачатки будущихъ приказовъ. Оба учрежденія—какъ Б. Дворецъ, такъ и Казенный Приказъ—складывались уже въ это время, въ теченіе всей второй половины XV столѣтія, а къ началу XVI вѣка вылились въ окончательную форму, хотя и тогда еще не назывались «приказами»; слово «приказъ» существовало уже давно, но употреблялось оно въ смыслѣ «порученія», какъ понятіе отвѣченное, а въ смыслѣ «учрежденія» впервые встрѣчается въ 1512 г.⁵⁾ Одно упоминаніе Казеннаго двора само по себѣ, конечно, еще не даетъ намъ право заключать о существованіи особаго учрежденія, управлявшаго казеннымъ вѣдомствомъ; рѣчь можетъ просто идти о зданіяхъ, въ которыхъ хранилась княжеская казна.

Но уже въ завѣщаніи Ивана III, какъ вѣрно указалъ г. Лихачевъ, мы встрѣчаемъ полный составъ Казеннаго приказа⁶⁾, какимъ знаемъ его по позднѣйшимъ извѣстіямъ: *казначей* (Дм. Вл. Ховрина-Овцу), *печатника* (Юрїя Дм. Грека-Трохапіота) и *двоухъ дьяковъ* (Давилу Мамырева и Тимофея Маклакова,—того симаго, который былъ ямскимъ дьякомъ въ 1492 г. Въ апрѣлѣ 1503 г. онъ

¹⁾ Б. Дума, стр. 171.

²⁾ П. С. Р. Л., VIII, 227—кн. Андрей Вас. Большой, умершій въ этомъ году, сидѣлъ „въ тюрьмѣ на Казенномъ дворѣ“.

³⁾ Въ рассказѣ о свадьбѣ Кн. Елены Ів. съ вез. кн. Александромъ Литовскимъ—Разр. книга П. Ф. Лихачева стр. 18.

⁴⁾ П. С. Р. Л., VI, 186.

⁵⁾ А. А. Э. I, 155. Судьба этого слова аналогична съ судьбой слова „учрежденіе“ въ теченіе XVIII и XIX столѣтій. Еще при Александрѣ I слово это употребляется лишь, какъ понятіе абстрактное—„установленіе“, „положеніе“.

⁶⁾ С. Г. Г. и Д., I, стр. 399.

былъ еще ямским дьякомъ)¹⁾. Поэтому известіе 1518 г. о казначейхъ Казеннаго двора, давшихъ грамоту о толмачѣ на подводахъ Елизару Сергѣеву въ Новгородъ²⁾, надо приниматъ за прямое указаніе на существованіе въ это время Казеннаго приказа. Двухъ казенныхъ дьяковъ, по мнѣнію г. Лихачева, мы встрѣчаемъ уже въ 1501 г.: онъ считаетъ³⁾ казенными дьяками Василя Кулешина и Тимофея Молдкова, подписи которыхъ встрѣчаются на судебныхъ спискахъ суда казначей Ховриина. Кулешинъ былъ казеннымъ дьякомъ («казначеемъ», по, конечно, не старшимъ), еще въ 1495 г.⁴⁾ Казенная Палата упоминается въ 1529 г.⁵⁾, 1537 г.⁶⁾, и позже, какъ помѣщеніе Казеннаго приказа (въ разсказахъ о приемахъ пословъ). На ряду съ наименованіемъ Казенной Палаты (наименованіе частное, обыкновенно равносильное общему—«Казенный Дворъ»⁷⁾), и Казенной Избы—въ 1578 г.⁸⁾ продолжаетъ встрѣчаться старое названіе Казеннаго Двора⁹⁾—(напр. въ 1579 г. въ разрядахъ сказано: «на Казенномъ Дворѣ у печати»... Иванъ Петровъ сынъ Новосильцовъ), а въ 1585 г. уже встрѣчаемъ Приказъ Казеннаго Двора¹⁰⁾. Изъ этого чисто придворнаго вѣдомства выдѣляется къ срединѣ XVI в. сословно-финансовый приказъ съ обще-государственнымъ значеніемъ, завѣдующій государственнымъ обложеніемъ лицъ торговаго класса—Пр. Большой Казны. Невольно напрасно относитъ его ко времени Ивана III, смѣшивая его съ Дворцовымъ Казеннымъ Приказомъ, при чемъ ссылается на Карамзина¹¹⁾; Большая Казна выдѣлилась не раньше царствованія Ивана IV.

Должность казначей великаго князя попадаетъ впервые въ Шереметевскую боярскую книгу въ 1495 г., когда казначеемъ былъ Дм. Вл. Ховринъ-Овца; по онъ занималъ эту должность еще въ 1491 г.¹²⁾ Конечно, 1495 г. нельзя считать годомъ учрежденія этой должности (какъ думалъ Невольный), какъ и вообще нельзя считать годъ появленія той или другой придворной должности въ Шереметевской книгѣ годомъ учрежденія этой должности. Мы не мо-

¹⁾ Сб. П. Р. Н. О., XXV, 410.

²⁾ Сб. П. Р. Н. О., LIII, 65.

³⁾ „Разр. Дьяки“, 142, пр. 1.

⁴⁾ Р. Ист. Сб., V, 14, 1б; Сб. П. Р. Н. О., XXV, 163.

⁵⁾ *ib.*, 787.

⁶⁾ *ib.*, LIX, 365.

⁷⁾ Лихачевъ, „Б. в Арх.“ Стр. 52, пр. 1.

⁸⁾ Визл. т. XIV, стр. 349.

⁹⁾ А. Юр. Б., № 41, II.

¹⁰⁾ Д. къ А. П., I, стр. 204.

¹¹⁾ Т. 9, стр. 100, пр. 144.

¹²⁾ Нам. Двиг. Снош., изд. II отдѣл., стр. 65.

жемъ даже утверждать, чтобы появленіе той или другой должности въ этой книгѣ непременно указывало на *одновременное* измѣненіе характера этой должности, повышение ея «чести»; повышение это могло произойти и раньше, да и происходило оно не вдругъ, а постепенно. Во всякомъ случаѣ трудно думать, чтобы это повышение произошло вдругъ, *во время* пребыванія въ должности лица, уже занимавшаго ее передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ, а не съ назначеніемъ новаго лица, болѣе родовитаго. Въ то время должность была слишкомъ тѣсно связана съ лицомъ, ее занимающимъ, чтобы могъ измѣниться ея характеръ безъ перемѣны лица. Обыкновенно должность повышалась съ назначеніемъ на нее лица болѣе знатнаго, чѣмъ его предшественникъ. Должность казначея повысилась, можетъ быть, при назначеніи на нее Ховрина, а можетъ быть (и это вѣрнѣе) и раньше. Ко времени составленія завѣщанія Ивана III (около 1504 г.), кромѣ Московскаго Казеннаго Двора, бывшаго подъ управленіемъ казначея, часть казны хранилась у дворецкаго, часть—у конюшаго, часть—въ Новгородѣ, у тамошнихъ дворецкаго и казначея, а также у казначеевъ на Бѣломъ Озерѣ, въ Вологдѣ и иныхъ мѣстахъ.—Упоминается въ актахъ не разъ и «*постельная казна*», въ которой хранились различные акты и книги ¹⁾).

Все это указываетъ на то общее явленіе, что московскія центральныя учрежденія, какъ дворцовыя, такъ и недворцовыя, образовались большей частью *не* путемъ *дифференцірованія*, выдѣленія изъ какого нибудь одного основнаго учрежденія, но скорѣе наоборотъ—благодаря *соединенію* нѣсколькихъ отдѣльныхъ учреждений или должностей съ сходными или даже совершенно одинаковыми функціями въ *одно общее* вѣдомство: такъ, сначала было нѣсколько дворецкихъ, нѣсколько казначеевъ; каждый правилъ своимъ вѣдомствомъ независимо отъ другихъ: затѣмъ уже всѣ областныя дворцы мало по малу подчиняются Большому и, наконецъ, исчезаютъ въ немъ; различныя «казны» сосредоточиваются въ одномъ центральномъ вѣдомствѣ Казеннаго Двора. Но послѣ этого еще встрѣчаемъ въ теченіе нѣкотораго времени *двухъ* дворецкихъ, *двухъ* казначеевъ ²⁾; бывало иногда даже *три* казначея заразъ ³⁾

¹⁾ А. А. Э. I, стр. 338. (Въ VII книгѣ Временника Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. (1850 г.) въ „Описи домашняго искусства царя Ивана Вас. по спискамъ 90—91 гг.“ есть отрывокъ перечня „Книги Государевы Постельныя Казны“, (стр. 6—7). О постельной казнѣ см. Лих., „Библ. и Арх.“, стр. 25.

²⁾ Наур. Ф. Н. Сукина и Хоз. Ю. Тютинъ въ 1555 г.—А. И. I, № 54, IV; 74; 112; А. А. Э. I, № 263.

³⁾ Въ 1547 г.—Третьяковъ, Сукинъ и Тютинъ; А. Юр. I, № 22 отъ 1547 г. упоминаетъ Третьякова и Тютинъ; но Сукинъ былъ казначеемъ уже съ 1544 г. Въ 1552 г. опять три казначея:—Головинъ (Ив. П.), Сукинъ и Тютинъ.

Начиная съ 1544 г., когда вторымъ казначеемъ сдѣлался Сукинъ (первымъ былъ уже И. И. Третьяковъ) до середины 60-хъ годовъ, (вѣроятно до 1567 г.) во главѣ Казеннаго Двора стояло постоянно два казначея. Но трудно сказать,—новое ли это коллегіальное начало, или, наоборотъ, остатокъ старины, когда еще было нѣсколько дворовъ, нѣсколько казенъ. Въ вѣдомствѣ Дворца этотъ порядокъ скоро исчезаетъ (въ 1509—1513 г.г. было, по всей вѣроятности, двое дворецкихъ—Челядникъ и кн. Великій), хотя въ теченіе всего XVI в. встрѣчаемъ нѣсколько областныхъ дворецкихъ. Въ казенномъ вѣдомствѣ порядокъ этотъ держится нѣсколько дольше, до конца 60-хъ г.г. XVI вѣка.

5. Связь Казеннаго в домества съ вѣдомствамъ дипломатическимъ.

Пр. Ключевскій ¹⁾ и г. Лихачевъ ²⁾ указываютъ на тотъ фактъ что въ «казнѣ» хранились первоначально различные акты и грамоты. Г. Лихачевъ полагаетъ поэтому, что казною назывался также государственный архивъ, находившійся на Казенномъ дворѣ и состоявшій въ вѣдѣніи Казначея, а пр. Ключевскій говоритъ о тѣсной связи Казеннаго двора съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Что въ казнѣ хранились—вмѣстѣ со всякими цѣвностями—и разныя важныя бумаги, въ томъ числѣ дипломатическіе акты,—фактъ несомнѣнный ³⁾, но нѣтъ необходимости предполагать вмѣстѣ съ пр. Ключевскимъ ⁴⁾, будто приказъ казначея служилъ первоначально канцеляріей и архивомъ думы по иностраннымъ дѣламъ. Проще предположить, что казна дѣйствительно являлась первое время общимъ архивомъ для всѣхъ важныхъ документовъ — одинаково дипломатическихъ и не дипломатическихъ, касающихся какъ дѣлъ государственныхъ, такъ и частной жизни князей: лежали въ «казнѣ» и жалованныя грамоты ⁵⁾ и помѣстные ⁶⁾, изъ чего однако нельзя еще заключить, что казначей вѣдал дѣла тѣхъ вѣдомствъ, бумаги конхъ хранились въ «казнѣ»;

¹⁾ В. Дума, стр. 172.

²⁾ „Разр. Дѣла“, стр. 42.

³⁾ Уже въ 1447 г.—въ договорахъ вел. князя Василія Васильевича съ княземъ Иваномъ Андр. Можайскимъ встрѣчаемъ: „въ казнѣ грамоты доковчальныя“ (Р. С. I, № 66). Въ 1491 г. Вас. Кулешинъ и Юрій Грекъ (печатникъ) привезли отъ римскаго короля Максимилиана „грамоту докончальную и отдали еѣ на храненіе казначею Дмитрію Володимировичу“ (Ховрину). (Пам. Диплом. Сяоменій, т. I, стр. 65—66).

⁴⁾ В. Дума стр. 173.

⁵⁾ А. Юр., № 11, стр. 21.

⁶⁾ См. Писцовыя книги Тверскаго уѣзда, ч. I, отд. 2. л. 43.

у нихъ и такъ было свое очень обширное вѣдомство). Они отвѣчали только за сохранность документовъ. Но уже въ серединѣ XVI в. важнѣйшіе акты, касающіеся Государя и его предковъ, документы дипломатическіе, а также дѣла по общему управленію хранятся въ особомъ государственномъ архивѣ, который, какъ неоспоримо доказать г. Лихачевъ ¹⁾, нельзя отождествлять ни съ Казеннымъ дворомъ, ни съ личнымъ царскимъ архивомъ ²⁾. Но въ то же время встрѣчаются въ «Описи» отмѣтки о выдачѣ дѣлъ въ различныя приказы ³⁾: это обстоятельство въ связи съ отсутствіемъ въ «Описи» дѣлъ помѣстныхъ и разрядныхъ — (эти послѣдніе брались въ случаѣ необходимости у Ив. Елиз. Цыплетева, управлявшаго въ то время Разрядомъ)—заставляетъ думать, что въ 60-хъ, 70-хъ гг. XVI стол. важнѣйшіе приказы имѣли уже свои собственные архивы и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяютъ намъ согласиться съ самимъ г. Лихачевымъ, полагающимъ, что государственный архивъ, «казна» находился при Посольскомъ приказѣ ⁴⁾. Самъ же онъ говоритъ, что акты изъ этого архива брались въ «Посольную Палату», о чемъ неоднократно упоминаетъ «Опись». Далѣе, изъ «Описи» видно, что въ «Царскомъ» архивѣ хранились далеко не одни дипломатическіе акты, а вообще *важнѣйшіе* документы всякихъ вѣдомствъ (въ ящикахъ, обозначенныхъ по именамъ дьяковъ этихъ вѣдомствъ). Мы представляемъ себѣ дѣло такъ: сначала документы различныхъ вѣдомствъ (и, быть можетъ, преимущественно дипломатическіе, вслѣдствіе того, что Казеннымъ Дворомъ, вмѣстѣ съ казначеемъ, правилъ *печатники*, а онъ то и былъ главнымъ помощникомъ князя по дипломатическимъ сношеніямъ въ XV—XVI вв., своего рода князьяромъ) хранились, дѣйствительно, на Казенномъ Дворѣ. Но вскорѣ, по мѣрѣ накопленія дѣлъ, отдѣльные приказы завели собственные архивы, а важнѣйшія дѣла всѣхъ вѣдомствъ, имѣвшія обще-государственное значеніе (преимущественно—политическое, по вѣрному замѣчанію г. Лихачева ⁵⁾, стали храниться въ общемъ государственномъ архивѣ.

Въ то же время—къ серединѣ XVI в.—изъ общаго казеннаго вѣдомства выдѣлились (вѣроятно, не безъ вліянія опричщины) и личная казна государя—«постельная казна», въ которой тоже храни-

¹⁾ „Библ. и Архивъ“, 62—66.

²⁾ А. А. Э. I, № 289 лст. 186—„а далъ тотъ ящикъ Царь и вел. князь съ Казеннаго Двора хѣта 7070 (1562)“.

³⁾ А. А. Э. № 289 лст. 18—въ „Посольную Палату“; лст. 153—„въ Казанскую Избу“.

⁴⁾ *Op. cit.*, 67.

⁵⁾ *Op. cit.*, 66.

лись разные документы ¹⁾, которые царь почему либо всегда желал имѣть при себѣ. Однако и на Казенномъ Дворѣ продолжали храниться какіе то документы, вѣроятно, старыя бумаги, непущныя для текущихъ дѣлъ. Указаніе на это мы встрѣчаемъ еще въ XVII в., въ 1636 г.—въ этомъ году дьяки Инхачевъ и Матюшкинъ отнесли изъ Посольскаго приказа на Казенный Дворъ «сударевы начальные великіе дѣла» и передали ихъ на храненіе казенному дьяку Облезову ²⁾. Впрочемъ, возможно, что такой порядокъ существовалъ именно только въ XVII в., послѣ разоренья смутнаго времени, когда, кажется, былъ разоренъ и тотъ «царскій» архивъ, опись котораго сохранилась въ А. А. Э., Т. I, № 289.

Объ отношеніяхъ Казеннаго Двора и вѣдомства Казначеевъ къ возникновенію Посольскаго приказа мы скажемъ, когда будемъ говорить объ этомъ послѣднемъ, теперь же перейдемъ къ вопросу о времени образованія другихъ придворныхъ приказовъ.

б. Конюшенный приказъ.

Начнемъ съ *Конюшеннаго*. Должность конюшаго въ теченіе всего XV вѣка занимала далеко не выдающееся положеніе среди другихъ придворныхъ должностей; въ Шереметевскую сводную книгу она попадаетъ только въ 1492 г., когда конюшимъ былъ назначенъ бояринъ А. Ѡ. Челяднинъ ³⁾, и какъ разъ въ томъ же году впервые встрѣчается въ актахъ «дьякъ конюшенный» ⁴⁾. Сопоставляя эти два извѣстія, мы можемъ высказать предположеніе, что уже въ 90-хъ гг. XV в. складывается учрежденіе, ставшее затѣмъ во главѣ Конюшеннаго вѣдомства. (То же думаетъ и Невозинъ ⁵⁾, неточно выражаясь только объ «учрежденіи» въ 1496 г. должности Конюшаго). Въ Тверской писцовой книгѣ 1548 г. есть уже прямое указаніе на Конюшенную Избу («а оброкъ с тое деревни платять на Москву въ Конюшенную Избу по книгамъ») ⁶⁾. Въ 1553 г. Успенскій встрѣтилъ упоминаніе о Конюшенныхъ

¹⁾ А. А. Э. I, 289, лш. 36.

²⁾ Пам. Д. Св., II, стр. 1438.

³⁾ Выше должности дворецкаго она становится только съ 1550 г., съ назначеніемъ боярина П. Федорова. Послѣднимъ конюшимъ былъ М. Ѡ. Нагой, — отставленъ въ 1606 г. Въ XVII в. должность Конюшаго не замѣщалась, какъ думаютъ, изъ политическихъ расчетовъ. Она стала неудобной, въ виду достигнутого ею значенія. Формально упразднена она никогда не была.

⁴⁾ А. Юр. Быта, I, стр. 723.—«Сенька Васильевъ Огафоновъ».

⁵⁾ Т. VI, стр. 156.

⁶⁾ Писц. книги XVI в., т. I, отд. 2, стр. 245.

дьякахъ, которое считалось древнѣйшимъ до выхода въ свѣтъ княги г. Лихачева. Название «Конюшенный Приказъ» встрѣчается впервые только въ 1599 г. ¹⁾).

7. Постельный приказъ.

Въ XVI-же вѣкѣ—и не позже царствованія Грознаго возникли еще три дворцовыхъ приказа:—Постельный, Ловчій и Сокольничій (мы не говоримъ пока о «дворахъ», подчиненныхъ Большому Дворцу).

Авторъ статьи о приказахъ въ Др. Росс. Вивлиоикѣ относитъ начало Постельнаго приказа къ 1573 г., на основаніи боярской книги этого года, нынѣ утерянной. Въ Шереметевскомъ спискѣ постельничіе появляются съ 1495 г. (Иванъ Юршъ),—одновременно съ казначеями, съ вѣдомствомъ коихъ ихъ вѣдомство имѣетъ много общаго: они вѣдаютъ «казну постельную», въ которой хранится бѣлье, платье, иконы, золотая и серебряная утварь и книги ²⁾. Постельная казна, какъ книгохранилище, упоминается неоднократно³⁾. Косвенное указаніе на существованіе учрежденія, стоявшаго во главѣ постельнаго вѣдомства, находимъ въ посланіи Максима Грека къ извѣстному Алексѣю Адашеву, постельяичему отъ 1554 до 1561 г. Максимъ пишетъ Адашеву: «къ тому молю васъ, Бога ради, посылите ми на подержаніе Григорія Богослова, книгу греческую» ⁴⁾. Адашевъ является здѣсь представителемъ учрежденія, а не частнымъ лицомъ; иначе Максимъ не обращался бы къ нему во множественномъ числѣ; дѣйствительно, въ это время былъ и другой постельничій—М. П. Вѣшняковъ. Оба они—и Вѣшняковъ, и Адашевъ—были еще въ 1553 г. стряпчими ⁵⁾, а потомъ уже стали оба постельничими. Здѣсь мы замѣчаемъ аналогію съ казеннымъ вѣдомствомъ:—какъ во главѣ послѣдняго въ 50-хъ гг. стояли два казначея, такъ во главѣ постельнаго стоятъ въ то же время двое постельничихъ. И такъ, по крайней мѣрѣ въ 50-хъ годахъ XVI стол. Постельный приказъ уже существовалъ, какъ учрежденіе, аналогичное Приказу Казеннаго Двора, хотя оба названія встрѣчаются впервые по актамъ нѣскольکو позже ⁶⁾.

¹⁾ А. А. Э., II, № 12.

²⁾ С. С. Г. в Д., I, № 144.

³⁾ А. А. Э., I, № 289. Лихачевъ, „Библ. и Арх.“ стр. 25, Сергѣевъ, „Юр. Др.“, Т. I, стр. 462.

⁴⁾ Лих. оп. сіт. стр. 25.

⁵⁾ Лих. „Разр. Дьяки“ стр. 180, пр. 2.

⁶⁾ Постельный приказъ въ 1573 г., Приказъ Казеннаго Двора въ 1585 г.

8. *Ловчій и Сокольникій приказы.*

Должность *ловчаго* въ Шереметевской книгѣ значится съ 1509 г. (М. И. Нагой), а съ 1550 г. по 1574 г. лицо, занимающее ее, именуется «ловчлмъ и сокольничимъ» (Н. Θ. Наумовъ); соединеніе это однако было чисто личнымъ и случайнымъ. Въ 1574 г. обѣ должности снова раздѣляются; Шереметевская книга указываетъ только двухъ лицъ, ихъ совмѣщавшихъ (кромѣ Наумова еще Бобріщева-Пушкина (1568—1574); послѣдній отъ 1574 г. до 1582 г. былъ уже только сокольничимъ). Разумѣется, и ловчіе, и сокольничьи существовали при Московскомъ дворѣ и управляли своими «путями» уже гораздо раньше 1509 г. Еще въ 1503 г. встрѣчаемъ между московскими послами въ Литву сокольничьяго М. С. Еропкина-Кляпика ¹⁾. Трудно указать сколько нибудь точно время появленія въ ряду дворцовыхъ приказовъ ловчьяго и сокольничьяго. До середины XVI в. эти приказы врядъ ли существовали въ смыслѣ учреждений съ начальникомъ во главѣ и нѣсколькими дьяками—его помощниками. Благодаря несложности дѣла, а главное—маловажному финансовому значенію обоехъ вѣдомствъ—и ловчій, и сокольничій, вѣроятно, довольно долго обходились безъ помощи дьяковъ, слѣдившихъ въ области дворцоваго управленія главнымъ образомъ за соблюденіемъ финансовыхъ интересовъ великаго князя. Въ серединѣ же XVI в., съ соединеніемъ обоехъ вѣдомствъ подъ управленіемъ одного лица (въ 1550 г.) этому лицу были, вѣроятно, приданы дьяки. Во всякомъ случаѣ, оба приказа существовали въ эпоху смутнаго времени, какъ два отдѣльные, независимыя другъ отъ друга учрежденія ²⁾. Однако при Котошихинѣ ³⁾ въ 60-хъ гг. XVII в. не было уже ни того, ни другого приказа: сокольничье ⁴⁾ вѣдомство отошло къ приказу Тайныхъ Дѣлъ, а ловчье—къ Конюшенному приказу.

9. *Житенный приказъ.*

Наконецъ при Иванѣ III упоминается еще *Житенный приказъ* ⁵⁾, который Невозинъ сблизаетъ съ позднѣйшимъ *Хлебнымъ приказомъ*

¹⁾ Сб. И. Р. Н. О., т. XXXV, стр. 413.

²⁾ А. Ист., II, № 355; 1610—1613.

³⁾ «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», Гл. VII, ст. 1 и гл. VI, ст. 6.

⁴⁾ Последнее назначеніе на должность сокольничьяго—въ 1606 г. (Гр. Гр. Пушкинъ).

⁵⁾ Карамзинъ т. IX, пр. 444.

(существовавшимъ болѣе или менѣе независимо всего 13 лѣтъ—отъ 1663 до 1679 г.); этотъ послѣдній былъ однимъ изъ четырехъ дворовъ (Житенный, Хлѣбный, Кормовой и Сытенный)¹⁾ подчиненныхъ Большому Дворцу, только съ болѣе независимымъ положеніемъ, такъ какъ онъ имѣлъ нѣкоторыя административныя функции (къ нему было приписано нѣсколько деревень съ ихъ пашнями, которыя онъ и вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ). Но этотъ Хлѣбный приказъ (или дворъ) не имѣлъ ничего общаго съ Житеннымъ приказомъ начала XVI в., учрежденіемъ военно-административнымъ, точнѣе—*интендантскимъ*, такъ какъ оно заготовляло провіантъ для войска. На это прямо указываетъ авторъ статьи въ Др. Росс. Визлюкъ, говоря, что Житный приказъ былъ впоследствии соединенъ при Петрѣ Великомъ со *Стрѣлецкимъ* приказомъ и замѣненъ Провіантской канцеляріей. Впрочемъ, Неволпнъ самъ относитъ его потомъ къ «приказамъ по управленію дѣлами благочинія», основываясь на томъ, что изъ него раздавали хлѣбъ народу въ случаѣ голода; это вполне можно допустить по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ, но врядъ ли таково было настоящее назначеніе даннаго приказа: это не соответствовало бы общему развитію взглядовъ того времени на задачи правительственной дѣятельности. Поэтому мы не относимъ Житнаго приказа XVI в. къ дворцовымъ и полагаемъ, что къ XVI в. можно отнести начало только уже перечисленныхъ нами дворцовыхъ приказовъ: Большого Дворца, Казеннаго Двора, Конюшеннаго, Постельнаго, Ловчаго и Сокольниковскаго, а также Ямскаго, который въ эпоху своего возникновенія, тоже можетъ быть причисленъ къ группѣ дворцовыхъ приказовъ.

10. Дворы: Кормовой, Хлѣбный, Житенный и Сытенный.

Не всѣ старые дворцовыя «пути» образовали въ XVI в. особыя независимыя учрежденія, отдѣльныя приказы. Такъ напр. *чашничій* и *стольничій* пути никогда не находились въ вѣдѣніи особыхъ приказовъ и даже должностей чашника и стольника, въ смыслѣ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами, въ XVI в. уже не существовало. Стольникство являлось почетнымъ придворнымъ «чиномъ», званіемъ; по свидѣтельству Котошихина²⁾ стольниковъ было около 500 человекъ; извѣстное число *стольниковъ* (но, конечно, не всѣ) прислуживали, дѣйствительно, при дворѣ, такъ же, какъ и «*чарошники*»³⁾, замѣнившіе прежнихъ «чашниковъ». Какъ вѣрно

¹⁾ См. Ключевскій *op. cit.* стр. 114.

²⁾ *Op. cit.*, гл. II, ст. 6.

³⁾ *Иб.*, гл. VI, ст. 2.

замѣтилъ пр. Ключевскій ¹⁾, чашничій путь преобразился въ Сытенный дворъ, подчиненный Большому Дворцу (объ этомъ дворѣ, какъ и о другихъ двухъ, упоминается въ запискѣ о Московскомъ Государствѣ, составленномъ для Сигизмунда и Владислава въ 1610—1613 гг.); во главѣ этого двора стоялъ «приказъ», который и однако, надо понимать въ этомъ случаѣ только, какъ управленіе «двора», а не какъ центральное судебно-административное учрежденіе—по управленію дворцовому или государственному—все равно. (Впрочемъ, приказъ Казеннаго двора тоже сначала былъ ивственнымъ учрежденіемъ, управленіемъ «двора» въ тѣсномъ смыслѣ слова, а затѣмъ уже изъ него развилось центральное учрежденіе, къ хозяйственнымъ функциямъ котораго прибавились и административныя). Стольничій путь раздѣлился на два двора—Кормовой и Хлебный. Можно прибавить къ нимъ и третій, Ипитенный ²⁾, по своимъ функциямъ также относящійся къ вѣдомству «стольнича пути», но образовавшійся позже; въ запискѣ 1610—1613 гг. онъ не упоминается. Вопросъ въ томъ, когда совершилось это превращеніе чашнича и стольнича пути въ упомянутые «дворы»—«департаменты» (по выраженію пр. Ключевского) Большого Дворца. Отвѣтить на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, очень трудно. Во всякомъ случаѣ, въ серединѣ XVI в. стольничій путь былъ еще независимымъ вѣдомствомъ, какъ это видно изъ уставной грамоты Переяславскимъ рыболовамъ и «крестьянамъ стольнича пути» 1555 г. ³⁾ По всей вѣроятности, судьба обоихъ путей была одинакова съ судьбой ловчаго и сокольничьяго путей: въ теченіе всего XVI в. они существовали, какъ независимыя вѣдомства, а въ XVII в., послѣ смутнаго времени, значительно упростившаго весь строй дворцоваго управленія и сократившаго придворный штатъ—они были приписаны къ другимъ вѣдомствамъ, при чемъ чашничій и стольничій пути были подчинены Большому Дворцу и явились какъ бы его отдѣленіями.

11. Дворцовые приказы, возникшіе въ XVII стол.

Вообще въ XVII в. въ области дворцоваго управленія нарушилась прежняя обособленность и цѣлостность отдѣльных «путей»; многіе изъ нихъ потеряли свою самостоятельность, ихъ вѣдомство было распредѣлено между существующими дворцовыми

¹⁾ Б. Дума, 114, прим.

²⁾ А. И., II, № 355.

³⁾ Котошихинъ, гл. VI, ст. 6.

⁴⁾ А. А. Э. I, 242.

приказами; благодаря этому, въ XVII в. встрѣчаемъ гораздо большіе смѣшенія въ распредѣленія предметовъ вѣдомства, чѣмъ въ XVI в. ¹⁾ Возникновеніе всѣхъ остальныхъ дворцовыхъ приказовъ уже безъ всякаго сомнѣнія относится къ XVII в. и время ихъ образованія не трудно указать довольно точно.

Въ началѣ столѣтія уже упоминается Приказъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ ²⁾, возникшій вѣроятно, при Борисѣ Годуновѣ; о немъ же говорятъ и Котошихинъ ³⁾, но по Вивліоонкѣ Приказъ серебряныхъ дѣлъ значится по записнымъ книгамъ только съ 1677 г., а въ 1676 г. упоминается въ немъ Серебряная палата; въ 1627 г. встрѣчается въ записныхъ разрядныхъ книгахъ Царская мастерская палата ⁴⁾; въ 1656 г.—Царицына мастерская палата ⁵⁾; въ 1626 г. и въ 1665 г.—Дворцовый Судный приказъ ⁶⁾; въ 1663 г.—Панихидный приказъ ⁷⁾; наконецъ, въ 1682 г.—упоминается Дворцовый Каменный приказъ ⁸⁾, но о Каменномъ приказѣ говорить еще Котошихинъ ⁹⁾ и извѣстно, что онъ существовалъ еще при царѣ Борисѣ. Авторъ статьи о приказахъ въ Вивліоонкѣ, и за нимъ и Неволинъ ¹⁰⁾, различаютъ эти два приказа: первый они считаютъ учрежденіемъ дворцовымъ, а второй—государственнымъ ¹¹⁾, но изъ описанія Каменнаго приказа Котошихиннымъ ясно, что это—одно и то же учрежденіе, представляющее переходъ отъ дворцовыхъ приказовъ къ приказамъ по общему управленію. Главной обязанностью Каменнаго приказа была, конечно, постройка разныхъ дворцовыхъ зданій, но, по словамъ Котошихина «вѣдомо въ томъ приказѣ всего Московскаго Государства каменное дѣло и мастера»... слѣдовательно, онъ завѣдывалъ вообще постройкой казенныхъ каменныхъ зданій. То же самое надо сказать и объ Аптекарскомъ приказѣ, начало котораго прежде относили къ 1658 г. ¹²⁾, Неволинъ отнесъ къ 1632 г. (а, можетъ, и къ 1620 г.) ¹³⁾, а г. Апхачевъ доказалъ существованіе этого

См. А. И., II, 355.

¹⁾ А. И., II, 355, 1610, 1613 гг.

²⁾ Гл. VII, стр. 22.

³⁾ Вивл. т. XX; Кот., гл. VII, ст. 12.

⁴⁾ Вивл. ib.; Кот., VII, ст. 13.

⁵⁾ Вивл. ib.; II. Собр. Зак., № 1145.

⁶⁾ Вивл. ib.; Кот., VII, ст. 35.

⁷⁾ Вивл. ib.

⁸⁾ Гл. VII, ст. 27.

⁹⁾ Т. VI, ст. 166.

¹⁰⁾ По Вивліоонкѣ онъ значится въ записныхъ книгахъ съ 1628 г.

¹¹⁾ Др. Росс. Вивл. т. XX.

¹²⁾ Неволинъ основывается на С. Г. Г. и Д., III, 109 и на сочиненіи Берха „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, т. I, стр. 120. (Неволинъ т. VI, стр. 168).

приказа еще въ царствованіе Феодора Іоанновича, въ 1594—1595 гг. ¹⁾). Оба приказа, и Аптекарскій и Каменный былц, безъ сомнѣнія, основаны еще при Борисѣ, и не въ качествѣ специально-дворцовыхъ учреждений, для удовлетворенія нуждъ исключительно царскаго двора, но въ цѣляхъ общаго благоустройства, какъ учрежденія полицейскія (санитарной и строительной полиціи). Причину ихъ учрежденія надо видѣть въ извѣстныхъ заботахъ царя Бориса объ «общемъ благѣ», объ народномъ благосостояніи; это было явленіе совершенно новое въ тогдашней русской правительственной дѣятельности. Но такъ какъ заботы эти были явленіемъ не только новымъ, но и преходящимъ, то оба учрежденія, основанныя въ цѣляхъ общаго благоустройства, скоро стали удовлетворять почти исключительно нуждамъ дворцоваго вѣдомства. Въ концѣ же XVII в., въ царствованіе Феодора Алексѣевича, когда правительство снова начало проявлять нѣкоторую дѣятельность въ области полиціи безопасности и благосостоянія, оба приказа вернули отчасти свой прежній характеръ: этимъ и объясняется тотъ фактъ, что въ Визіюникѣ Каменный приказъ значится по разряднымъ книгамъ съ 1628 г., а Дворцовый Каменный—только съ 1682 г.; когда старый Каменный приказъ (существовавшій не съ 1628 г., а съ конца XVI стол. и о которомъ и упоминаетъ Котошихинъ) получилъ опять свое прежнее значеніе, явилась потребность въ особомъ учрежденіи, вѣдающемъ специально постройки дворцоваго вѣдомства: тогда въ 1682 г. и явился Дворцовый Каменный приказъ.

Итакъ, Аптекарскій и Каменный приказы временъ Бориса Годунова мы не относимъ къ дворцовымъ, какъ не относимъ къ нимъ и Приказа строенія богадѣленъ, учрежденнаго въ 1670 г. и существовавшаго всего 10 лѣтъ. Хотя этотъ послѣдній приказъ и вѣдалъ *частное* дѣло царя, его личную благотворительность, но самое дѣло это относилось къ области общей полиціи благосостоянія, почему мы и относимъ Приказъ строенія богадѣленъ къ учрежденіямъ по общему управленію. По той же причинѣ мы не поименовываемъ въ числѣ дворцовыхъ приказовъ «*Оружейной палаты*» ²⁾, состоявшей подъ управленіемъ оружничаго, и «*Печатнаго приказа*» ³⁾, находившагося подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ печатника, такъ какъ объ эти должности посяли не частно-хозяйственный, а публичннй характеръ, были органами государственнаго управленія, а не дворцоваго.

¹⁾ Лихачевъ „Разр. Дьяки“ стр. 70. Лихачевъ ссылается на Писцовую книгу Вязьмского уѣзда 7102—7103 г. (Писцов. кн. XVI ст., т. I, отд. 2, стр. 811).

²⁾ По Визл. въ записныхъ книгахъ съ 1659 по 1669 г.

³⁾ Ib., въ записныхъ книгахъ съ 1611 г.

Ямской же приказъ, въ эпоху его возникновенія — въ началѣ XVI в. — мы отнесли къ приказамъ дворцовымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ — онъ возникъ *амисть* съ дворцовыми приказами, и въ такое время, когда еще не существовало ни одного центрального учрежденія съ публичнымъ характеромъ, да и по самому способу своего происхожденія — изъ вѣдомства ямскихъ дьяковъ, которые существовали раньше его учрежденія, — онъ долженъ быть отнесенъ въ дворцовымъ, такъ какъ извѣстно, что именно *дворцовые* приказы создавались изъ вѣдомства того или другого *личнаго органа*, существовавшего задолго до учрежденія приказа; государственные приказы—за немногими исключеніями—создавались совсѣмъ *инымъ* путемъ; во-вторыхъ — тотъ классъ населенія, который онъ вѣдалъ,—*ямщики*, отправляя спеціальную натуральную повинность, стояли къ великому князю въ такихъ же отношеніяхъ, какъ крестьяне различныхъ дворцовыхъ путей: рыболовы, бортники, бобровники и т. д., т. е. въ отношеніяхъ частно-владѣльческаго, вотчиннаго, а не публичнаго характера, баковы напр. были отношенія къ князю черныхъ крестьянъ. Вотъ почему мы, не боясь кажущейся непослѣдовательности, относимъ *Ямской* приказъ—въ эпоху его образованія (но не въ XVII в.)—къ группѣ дворцовыхъ приказовъ, и въ то же время не относимъ къ нимъ не только такіе приказы, какъ оружейный и печатный, но и такіе—казалось бы вполне частныя учрежденія, какъ приказы Верхней типографіи ¹⁾ (въ 1680 г.) и Строенія богадѣленъ; эти два приказа возникли подъ вліаніемъ совсѣмъ другихъ обстоятельствъ, иной мысли. Иванъ III, организуя ямское вѣдомство, конечно, менѣе всего думалъ о служеніи этого вѣдомства цѣлямъ общества: о полиціи благосостоянія, о дѣятельности государства въ этой обширной области у него не могло быть и мысли; даже свои простѣйшія обязанности въ области полиціи безопасности—поймку воровъ и разбойниковъ—государство еще полвѣка спустя отдало въ руки общинъ. Но уже царь Борисъ, а тѣмъ болѣе Алексѣй Михайловичъ и особенно Федоръ Алексѣевичъ стояли гораздо ближе къ нашему пониманію общаго блага, общественныхъ удобствъ, задачъ полиціи благосостоянія, когда преобразовывали Аптекарскій приказъ, старый приказъ *Книгопечатнаго дѣла* (созданный еще Грознымъ въ 1553 г., при учрежденіи въ Москвѣ первой типографіи,—тоже въ цѣляхъ *общихъ*—исправленія священныхъ и богослужебныхъ книгъ и ихъ распространенія), учреждал приказъ Строенія богадѣленъ; при опредѣленіи характера того или другого учрежденія необходимо уяснить себѣ,

¹⁾ Полн. собр. зак. № 422, 895, 925, 1218.

по возможности, точку зрѣнія современниковъ, ихъ взглядъ на данное учрежденіе, когда оно только что создавалось. Стараясь стать на эту точку зрѣнія, мы и относимъ Ямской приказъ Ивана III къ учрежденіямъ дворцовымъ и этотъ же самый приказъ и аналогичныя ему по характеру дѣятельности учрежденія конца XVII в.—къ обще-государственнымъ.

О возникновеніи Дворцоваго Четвертого Приказа, въ виду его близкой связи съ финансовыми четами, мы скажемъ, когда коснемся вопроса о времени происхожденія этихъ послѣднихъ. Вообще надо сказать, что старые дворцовые приказы—Большой Дворецъ. Казенный приказъ, а отчасти даже Конюшенный (не говоря уже о Большой казнѣ, о вѣдомствахъ оруженнаго и печатника)—хотя и были учрежденіями, вѣдавшими частное хозяйство Государя, однако носили въ себѣ много элементовъ государственнаго управленія, такъ что съ теченіемъ времени Б. Дворецъ и Б. Казна даже выдѣлились изъ себя чисто публичныя учрежденія—Монастырскій приказъ и приказъ Б. Казны—и даже *послѣ* этого выдѣленія никогда не могли вполне освободиться отъ этого смѣшаннаго, вотчинно-государственнаго характера. Позднѣйшіе же дворцовые приказы XVII стол., съ гораздо болѣе узкимъ кругомъ вѣдомства, съ далеко проведенной спеціализаціей, носили уже ярко выраженный частно-хозяйственный, «придворный» характеръ; они сами собой сразу выдѣляются въ особую, своеобразную группу, рѣзко отличающуюся отъ учрежденій государственнаго характера.

III. Приказы по государственному управленію.

Общій взглядъ на возникновеніе приказовъ по государственному управленію.

Переходя къ вопросу о происхожденіи этихъ послѣднихъ учрежденій (мы говоримъ здѣсь пока только о приказахъ, возникшихъ въ XVI в.), мы прежде всего раздѣлимъ ихъ на двѣ группы по времени ихъ возникновенія, въ зависимости отъ причинъ двоякаго характера, вызвавшихъ ихъ образованіе (при чемъ, однако, всѣ эти причины сами вытекаютъ непосредственно изъ одного и того же факта объединенія сѣверо-восточной Руси подъ властью Московскаго великаго князя). Первая изъ этихъ причинъ, какъ уже сказано выше, коренилась въ новомъ международномъ положеніи Московскаго государства, вторая—въ новыхъ отношеніяхъ государя къ высшему слою служилаго класса.

Новое международное положеніе, постоянныя войны съ сильными и хорошо организованными врагами настоятельно требовали упорядоченія военной организаціи; удовлетворить эти требованія

долженъ былъ *Разрядъ*, центральное военно-административное учрежденіе; и возникшій вѣскольکو позже *Стрѣльцкій приказъ* съ цѣльми рядомъ другихъ центральныхъ учреждений по военному управленію. Усложнявшіяся и сдѣлавшіяся очень оживленными дипломатическія сношенія съ сосѣдями требовали тоже особаго учрежденія—и вотъ является Посольскій приказъ. Оба эти учрежденія—Разрядъ и Посольскій приказъ—складываются въ періодъ отъ начала 30-хъ до начала 50-хъ гг. XVI ст. и къ 1555 г. могутъ считаться окончательно сформировавшимися; въ этотъ же періодъ возникаетъ еще одно учрежденіе, очень важное въ дѣлѣ организаціи служилого сословія, а слѣдовательно и обороны страны—именно Помѣстный приказъ.

Образованіе другой группы приказовъ съ судебными и финансовыми функциями было непосредственно вызвано важными измѣненіями въ сферѣ областного управленія.—измѣненіями, которыми заключалась многолѣтняя борьба московскаго великаго князя съ удѣльными князьями и «вольными слугами», потомками этихъ князей и старыхъ дружинниковъ. Борьба князя съ высшимъ служилымъ классомъ, ограниченіе власти и правъ намѣстниковъ шли исподволь, незамѣтно, пока «вольными слугами» являлись только потомки дружинниковъ; но когда въ XIV, XV вв. въ ихъ ряды вошло множество удѣльныхъ и «служилыхъ» князей (уже раньше поступленія на службу Московскаго князя почему-либо потерявшихъ свои удѣлы),—борьба обострилась и стала открытой.

Потомки удѣльныхъ князей смотрѣли на свою власть намѣстниковъ, какъ на прямое продолженіе своей власти, какъ удѣльныхъ князей¹⁾. Съ другой стороны, московскіе великіе князья, чувствуя свою силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе нуждаясь въ средствахъ для осуществленія новыхъ правительственныхъ задачъ, возникшихъ изъ новаго положенія московскаго государства, живѣе прежняго сознавали необходимость ограничить власть и доходы намѣстниковъ и тѣмъ увеличить свои собственные. Ко всему этому присоединялись все болѣе частыя и настойчивыя жалобы общества на намѣстническое управленіе—и правительство, не-видя возможности или не умѣя измѣнить характеръ этого управленія, начинаетъ вводить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Новгородъ въ 50-хъ гг.) на ряду со старымъ управленіемъ—новое, дьяческое, приказное, а затѣмъ и совсѣмъ упраздняетъ старое въ значительной части государства. Тамъ, гдѣ оно еще уцѣлѣло отъ реформъ Ивана Грознаго, его добила сама жизнь, такъ что бо

¹⁾ См. пр. Ключевскій «Б. Дума», стр. 247—о постепенномъ превращеніи бывшихъ удѣловъ въ коренія и вотчины служилыхъ князей.

времени Михайла Феодоровича мы не встречаемъ болѣе намѣстниковъ въ Московскомъ государствѣ. Такъ была разрушена стѣна, въ теченіе многихъ вѣковъ стоявшая между правительствомъ и подданными: уничтоживъ мѣстные органы центральной власти— намѣстниковъ, правительство передало многія ихъ функціи въ руки земства, общинъ; по отношенію центрального правительства къ вѣнямъ новымъ его мѣстнымъ органамъ былъ совсѣмъ не тѣ, что къ старымъ: общины собирали разные доходы не въ свою пользу, а отсылали ихъ въ Москву; на судебныя рѣшенія ихъ выборныхъ органовъ всегда была возможна апелляція въ ту же Москву. Отдѣльныя общины, самыя мелкія административныя единицы, были теперь поставлены въ непосредственныя отношенія къ центральному правительству: ихъ выборные органы — губные старосты, земскіе судьи — ѣздили, по набравши въ должность, въ Москву и приносили тамъ присягу. Такимъ образомъ, переходъ мѣстнаго управленія въ руки земства повлекъ за собой сильнѣйшую централизацію во всей правительственной машинѣ московскаго государства: множество разнообразнѣйшихъ функцій, цѣлый рядъ правъ и обязанностей намѣстниковъ въ области суда, финансоваго управленія и администраціи перешелъ теперь отъ мѣстныхъ органовъ къ центральному правительству, такъ какъ исчезла посредствующая инстанція между правительствомъ и общинами, какою являлись намѣстники. Все областное управленіе стянулось теперь къ Москвѣ, въ уже существовавшія центральныя учрежденія, изменивъ только ихъ характеръ, но главнымъ образомъ въ новыя, специально возникшія для отиравленія новыхъ функцій, учрежденія, ставшія необходимыми подъ вліяніемъ централизаціи областного управленія; такъ возникли въ 50-хъ и 60-хъ гг. XVI стол. Разбойный приказъ, Холопій Судъ, Большой приходъ, Б. Казна, Дворцовый Четвертой приказъ и Чети; впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ учреждений, — а именно приказы судебныя — Разбойный и Холопій, — стали складываться раньше, еще въ 30-хъ—40-хъ гг., подъ вліяніемъ судебной реформы, предшествовавшей реформѣ административно-финансовой и почти законченной ко времени составленія Царскаго Судебника 1550 г., тогда какъ административная реформа началась собственно только съ середины 50-хъ годовъ. Итакъ, централизація Московскаго управленія ¹⁾—судебная, выразившаяся особенно ярко въ обонхъ Судебникахъ, и административно-финансовая увеличивавшаяся реформой 50-хъ гг.,—была непосредственной причиной возникновенія второй группы приказовъ—приказовъ судебныхъ и финансовыхъ.

¹⁾ Объяснительно изложенная пр. Градовскимъ въ его „Исторіи мѣстнаго управленія“, гл. I.

Наконецъ, третья группа приказовъ XVI стол. съ публичнымъ характеромъ — приказы территориальные — возникла независимо отъ двухъ выше указавныхъ причинъ; образование этой послѣдней группы вытекло непосредственно изъ факта присоединенія къ Московскому государству областей, бытовыхъ и политическихъ условій которыхъ болѣе или менѣе рѣзко отличались отъ условій московскаго центра. Московское правительство не находило удобнымъ сразу подчинять эти области дѣйствию общихъ правительственныхъ установлений, приспособленныхъ къ условіямъ жизни въ центрѣ, и создавало для такихъ областей особыя центральныя учрежденія, вѣдавшія ихъ по всѣмъ (или многимъ) отраслямъ управленія. Такъ возникли Казанскій Дворецъ, Смоленскій и Сибирскій приказы: такимъ же характеромъ отличался, повидному, и Новгородскій приказъ, который не надо смѣшивать съ Новгородской Четью (иначе называвшейся *Нижегородской*).

Итакъ, вообще періодомъ образованія приказовъ съ общегосударственнымъ характеромъ надо считать царствованіе Ивана Грознаго, если подъ образованіемъ приказовъ разумѣть ихъ окончательное сформированіе, какъ учреждений съ болѣе или менѣе устойчивыми, опредѣленными составомъ, функціями и дѣлопроизводствомъ, а не появленіе зародышей этихъ учреждений, въ видѣ личныхъ органовъ или временныхъ комиссій *ad hoc*. Если оставить въ сторонѣ территориальные приказы, возникавшіе по мѣрѣ присоединенія соответствующихъ областей, то можно сказать, что первая половина царствованія Грознаго — 30-е — 40-е и начало 50-хъ гг. — является временемъ образованія приказовъ военныхъ, дипломатическихъ и судебныхъ со специальнымъ кругомъ вѣдомства по роду судебныхъ дѣлъ, а именно — разбойныхъ и холопихъ (а вмѣстѣ съ ними и земельныхъ) ¹⁾, а вторая — 50-ые — 70-ые годы (и позже до царствованія Бориса Годунова) — приказовъ по областному управленію — преимущественно финансовыхъ, но отчасти и судебныхъ (судные областныя приказы, возникшіе въ 50-хъ гг. XVI стол., уже при Федорѣ Ивановичѣ); другими словами, первая половина царствованія Грознаго была посвящена образованію центральныхъ органовъ *внѣшняго* управленія (военныхъ и дипломатическихъ), а вторая — органовъ *внутренняго* управленія (кот. въ ту эпоху почти все сводилось къ суду, заботамъ о безопасности и сбору доходовъ).

Если окинуть взглядомъ весь періодъ образованія центральныхъ приказныхъ учреждений въ Московскомъ государствѣ, то уви-

¹⁾ Газаръ въпрочемъ, упоминается впервые еще при Василіи III — въ 1581 г.

димъ, что послѣдовательность во времени образованія различныхъ органовъ этого управленія въполнѣ соответствуетъ тому порядку постановки задачъ управленія и разрѣшенія ихъ центральнымъ правительствомъ, который наблюдается не въ одной нашей исторіи. Сначала преобладаютъ частные интересы Государя, его двора, его хозяйства, затѣмъ выступаютъ задачи военныя, дипломатическія, и затѣмъ уже—вопросы внутренняго управленія, сначала только въ формѣ суда и сбора доходовъ. Сообразно этой послѣдовательности раньше всѣхъ появляются приказы дворцовые, затѣмъ — Разрядъ съ Помѣстнымъ приказомъ и Посольскій приказъ, и, наконецъ, приказы судебныя и финансовыя.

Высказанный нами только что взглядъ на порядокъ образованія органовъ центральнаго управленія несколько не обязываетъ насъ признавать *вотчинный* характеръ власти и управленія удѣльныхъ и первыхъ московскихъ князей: мы говорили вѣдь сейчасъ не объ управленіи *вообще*, но о функцияхъ *центральныхъ* органовъ управленія; князья же—какъ московскіе, такъ и удѣльные—всегда были носителями *государственной*, а не *вотчинной* власти, только осуществляли они ее не посредствомъ центральныхъ органовъ, а черезъ мѣстные областныя органы, какъ приказнаго, такъ и кормленническаго характера, — тиуновъ и дьяковъ, судившихъ и собиравшихъ доходы на князя, или намѣстниковъ и волостелей, правившихъ судъ на себя.

А. Приказы военные:

1. Разрядъ.

Какъ уже сказано, изъ приказовъ публичнаго характера раньше всѣхъ возникли два учрежденія: *Разрядъ*, вѣдавшій организацію военно-служилого сословія, и *Посольскій приказъ*, вѣдавшій сношенія съ иностранными государствами и выѣсть съ тѣмъ—судъ и управленіе многими пограничными областями (по западной границѣ Московскаго государства). Первая извѣстія о Разрядѣ относятся къ 30-мъ гг. XVI в. До послѣдняго времени самымъ раннимъ извѣстіемъ о немъ считалось извѣстіе 1535 г. о разрядныхъ дьякахъ, приводимое Успенскимъ ¹⁾ безъ ссылки на источникъ. Г. Длгачевъ нашелъ его въ рукописныхъ разрядныхъ книгахъ ²⁾: — въ этомъ извѣстіи упомянуты дьяки Елпзаръ Цыплетевъ, Аванасій Курицынъ и Григорій Загряжскій, да подьячіе Леонтій и Иванъ

¹⁾ „Опытъ“, стр. 302.

²⁾ Рук. разр. Публ. Библ., Ф., IV, 181, часть I, в М. Общ. Пет. в Др. Р., № 182, стр. 300.

Вырубовы. Карамзинъ, однако, основываясь ¹⁾ на одномъ извѣстїи разрядной книги (Бекетовскаго списка), относящемся къ 1471 г., по недоразумѣнію отнесъ къ этому времени и самое существованіе Разрядъ; за нимъ послѣдовалъ и Невольинъ ²⁾; но Градовскій ³⁾ справедливо замѣтилъ, что точныя извѣстія о Разрядѣ не восходятъ раньше 1535 г. (такъ это было и въ то время, когда Градовскій писалъ свой трудъ о мѣстномъ управленіи—въ 1868 г.). Бѣляевъ ⁴⁾ относитъ Разрядъ къ эпохѣ Ивана IV. Въ послѣднее время, однако, г. Лихачеву удалось отодвинуть первое извѣстіе о Разрядѣ на четыре года назадъ. Въ разрядной книгѣ П. Θ. Лихачева ⁵⁾ подъ 1531 г. (7039) сказано: «какъ князь великій положилъ опалу свою на князя Ив. Воротынскова... и велелъ ихъ съ Тулы діаку Аеопацію Курницыну привести къ Москвѣ в разрядъ ⁶⁾».

«Разрядныя росписи» походовъ, т. е. распределеніе воеводъ по полкамъ, велись со второй половины XV в. (а, можетъ, и раньше). Такъ мы знаемъ роспись воеводъ Новгородскаго похода 1475 г. ⁷⁾ и Вятскаго похода 1489 г.; эта послѣдняя роспись была уже занесена въ старыя разрядныя книги, до насъ не дошедшія, и является, такимъ образомъ, настоящею «разрядной росписью» ⁸⁾. Авторъ статьи: «Историческое извѣстіе объ упомянутыхъ старинныхъ чинахъ въ Россіи» ⁹⁾ даже ссылается на записную книгу 6997 (1489 г.), но, должно быть, это просто роспись воеводъ похода 1489 г., попавшая гораздо позже въ частныя редакціи рукописныхъ разрядныхъ книгъ. Въ началѣ XVI в. неоднократно встрѣчаемъ указанія на веденіе росписи воеводъ, напр. въ 1501 г. ¹⁰⁾. Наконецъ въ одной челобитной середины, XVII в. ¹¹⁾ дѣлается ссылка на посольство къ римскому папѣ Клементу Еремея Трусова и Шарапа Лодыгина въ 1527 г. (7035), причемъ говорится, что «тогда посольный отпускъ въ посольскомъ

¹⁾ т. VI, стр. 582.

²⁾ т. VI, стр. 146.

³⁾ т. II, стр. 185, стр. 1.

⁴⁾ Лекціи, стр. 499.

⁵⁾ Стр. 119.

⁶⁾ Лихачевъ „Разр. дѣли“, стр. 119.

⁷⁾ Р. Ист. Сборн. т. II, стр. 214—216, мѣстническое дѣло Ю. Гр. Пльмова съ кн. Θ. Н. Инковымъ 1602 г.

⁸⁾ Лихачевъ „Разр. дѣли“, стр. 309; Временникъ, кн. XIV, стр. 1—18 (дѣло И. В. Благова съ княземъ П. Θ. Шаховскимъ — 1627 г. и кн. Трубенкова съ кн. Курякинымъ—1589 г.).

⁹⁾ Визл., т. XX, стр. 220.

¹⁰⁾ Разр. книга Лихачева, стр. 30. 1507 г. (ib., стр. 40), 1513 г. (ib., стр. 61) „и разрядилъ (князь великій) разрядъ воеводъ по городамъ отъ литовскіе окраинъ“...

¹¹⁾ Челоб. Н. А. Трусова на кн. Θ. Θ. Волконскаго—1643 г.; см. у Лихачева „Разр. дѣли“, стр. 312—313.

приказъ и въ твоей государевой разрядной книгѣ записанъ...» Здѣсь говорится какъ бы о современной посольству записи въ Разрядъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что разрядныя записи, веденіе разрядныхъ списковъ служилыхъ людей—и не только воеводъ, но и *простыхъ дѣтей боярскихъ* «людей», (напр. въ 1509 г. находимъ «списокъ людей», присланный воеводамъ)¹⁾ существовало уже въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI (а по всей вѣроятности и раньше). Такое важное для тогдашняго состоянія обороны страны дѣло, какъ веденіе послужныхъ списковъ служилого сословія, составлявшаго не только главную, но и единственную военную силу государства, при своей трудности и сложности требовавшее многихъ работниковъ, неминуемо должно было вызвать въ жизни специальное учрежденіе. Ссылку Трусова въ его челобитной на кн. Волконскаго можно уже принять за косвенное убѣжденіе на существованіе Разряда въ 1527 г., какъ учрежденія. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ царствования Василия III Разрядъ существовалъ, какъ вполне сформировавшееся учрежденіе, и—по всей вѣроятности—онъ и образовался во время правленія этого государя: м. б. даже, что окончательно онъ сложился подъ вліяніемъ многолѣтней войны Василия III съ Литвой (1512—1522 г.). Относитъ его образованіе ко времени Ивана III рпсковано, за полнымъ молчаніемъ разрядныхъ росписей и военодескихъ наказовъ объ этомъ учрежденіи, что было бы трудно допустить, еслибы Разрядъ, какъ учрежденіе, уже существовалъ въ то время.

Пр. Градовскій²⁾ ставитъ возникновеніе Разряда въ связь съ развитіемъ помѣстной системы, основныя черты которой окончательно выяснились и получили устойчивость только при Иванѣ IV, хотя пожалованье помѣстьями за службу и для отправленія службы въ большихъ размѣрахъ практиковалось еще при Иванѣ III³⁾, а начало свое ведетъ съ XIV стол. (Случай пожалованья сель въ условное владѣніе, пока данное лицо будетъ служить князю, извѣстны со временъ Калиты).—Карамзинъ, относящій ко времени Ивана III организацію помѣстной системы, къ тому же времени относитъ и учрежденіе Разряда. Конечно, развитіе помѣстной системы при Иванѣ IV и постепенное вытѣсненіе ею старой системы кормленій много способствовало усилению вліянія Разряда на устройство служилого сословія и расширенію его военно-административныхъ функций. Но нельзя самое образованіе Разряда ставить въ зависимость отъ этого развитія. Самъ Градовскій говоритъ, что

¹⁾ Разр. книга Лихачева, стр. 49.

²⁾ Т. II, стр. 185—186.

³⁾ *ib.* т. II, стр. 157.

помѣстная система опредѣлялась въ своихъ основныхъ чертахъ только въ эпоху Ивана IV, въ связи съ уничтоженіемъ кормленій, вслѣдствіе реформы 1556 г., между тѣмъ какъ Разрядъ въ качествѣ учрежденія возникъ никакъ не позже 30-хъ г.г. XVI ст. и совѣтъ изъ другого источника: первую и главную его обязанностью, которая и вызвала его къ жизни,—какъ уже сказано,—было составленіе списковъ служилыхъ людей всякихъ чиновъ, опредѣленіе мѣста, времени и рода службы каждаго изъ нихъ, начиная отъ воеводы большого полка до послѣдняго сына боярскаго; а такое распределеніе, «разряженіе» было необходимо и при старой системѣ кормленій, вообще не зависѣло отъ того, какимъ способомъ доставлялись средства къ отправленію службы. Вообще, Разрядъ не былъ призванъ проводить новыя начала въ организаціи обороны страны, не долженъ былъ создавать новое постоянное войско, основанное на служебномъ принципѣ выслуги; его задача состояла только въ приведеніи въ порядокъ, въ сообщеніи единства, въ централизаціи уже существующихъ средствъ обороны, въ подчиненіи всей пестрой массы служилыхъ людей и ихъ военныхъ холоповъ московскому центральному правительству, въ объединеніи ихъ въ одну военную силу, которую бы оно могло направлять по своему усмотрѣнію; но не дѣло Разряда было реформировать самыя начала, на которыхъ зиждилась вся военная организація московскаго государства: начала вольной службы, кормленія, вызова служилыхъ людей только по мѣрѣ надобности, на время похода. Къ кореннымъ реформамъ самаго строя служилого сословія, Московское правительство приступило позже, въ 50-хъ г.г. XVI в. и однимъ изъ ихъ результатовъ явилось образованіе *Помѣстного приказа*: а созданіе новаго *постояннаго* войска изъ лицъ, обязанныхъ отдавать себя всецѣло и навсегда военному дѣлу и подчиняться исключительно служебной, а не родовой іерархіи,—явилось задачей Стрѣлецкаго приказа и цѣлаго ряда подобныхъ ему военно-сословныхъ приказовъ. (Пушкарскій, Иноземскій, Рейтарскій и др.).

Совершенно иное (по сравненію со взглядомъ Градовскаго) объясненіе происхожденія Разряда даетъ пр. Ключевскій ¹⁾. «Центральныя вѣдомства, говоритъ онъ, формировались изъ тѣхъ административныхъ осадковъ, какіе постепенно отлагались отъ законодательной дѣятельности Думы по чрезвычайнымъ дѣламъ, входя въ порядокъ текущаго дѣлопроизводства». «Такъ образовались дворцовые и позднѣйшіе московскіе приказы». Важнѣйшіе изъ этихъ послѣднихъ, въ томъ числѣ и Разрядъ, долгое время были

¹⁾ Б. Дума стр. 170—171.

только отдѣленіями канцеляріи думы по текущимъ дѣламъ, почему во главѣ ихъ и стояли думные дьяки—«государственныя секретари», непосредственныя докладчики думы. Преимущественно сохранилъ за собой значеніе такой канцеляріи именно Разрядъ, чѣмъ и объясняется его особое положеніе въ ряду другихъ приказовъ и то обстоятельство, что на ряду съ военнымъ дѣломъ въ его компетенцію входила передача другимъ ведомствамъ всѣхъ вообще думскихъ распоряженій, ихъ касавшихся, и дѣлопроизводство по особо важнымъ дѣламъ самаго разнороднаго свойства. Въ другомъ мѣстѣ, пр. Ключевскій объясняетъ названіе *четвертей*, которое, по его мнѣнію, Флетчеръ придаетъ приказамъ Посольскому, Помѣстному, Разрядному и Казанскому Дворцу, въ смыслъ *четыре* отдѣленій думской канцеляріи¹⁾. Приблизительно такъ же объясняетъ происхожденіе Разряда и г. Лихачевъ; онъ говоритъ, что многочисленныя военныя, гражданскія и дипломатическія назначенія сдѣлали необходимымъ образованіе при Думѣ особой канцеляріи и такой канцеляріей явился Разрядъ. Но тутъ же онъ прибавляетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что образованіе Разряда, какъ Думской канцеляріи, и учрежденіе Разряднаго приказа съ цѣлымъ строемъ дьяковъ и подъячихъ—явленія разновременныя и отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими десятками лѣтъ»²⁾. Пр. Ключевскій тоже замѣчаетъ, что если не самые указы—Разрядный и Помѣстный, то дѣла, которыми они потомъ заведывали, должны были завязаться раньше княженія Ивана III³⁾. Слѣдовательно, онъ полагаетъ возможнымъ относить начало Разряда, какъ учрежденія, ко времени этого княженія. Вполнѣ соглашаясь съ пр. Ключевскимъ въ томъ, что дѣла, которыя вѣдалъ Разрядъ, возникли гораздо раньше княженія Ивана III, мы не можемъ не замѣтить, что не существуетъ никакихъ указаній на то, чтобы Разрядъ сначала являлся только думской канцеляріей въ тѣсномъ смыслѣ слова, и затѣмъ измѣнилъ свое значеніе и сдѣлался центральнымъ военно-сословно-административнымъ учрежденіемъ, сохраняя въ то же время свои старыя функціи. Напротивъ, въ первомъ же извѣстіи, въ которомъ указанъ полный составъ Разряда—въ разрядной книгѣ подъ 1535 г. Разрядъ является центральнымъ административнымъ учрежденіемъ, а подъ 1537 г.⁴⁾ есть прямое указаніе на то, что «дѣтамъ боярскимъ» уже тогда велись списки у разрядныхъ дьяковъ (Елизара Цыплетева съ товарищи). Только въ извѣстіи разрядной книги

¹⁾ *ib.*, стр. 408, прим.

²⁾ „Разр. дьяки“, стр. 79—80.

³⁾ „Б. Дума“, стр. 175.

⁴⁾ Сб. П. Р. Ист. Общ., т. LIX, стр. 65, посольская книга сношеній съ польско-литовскимъ государствомъ.

1531 г., (которое является теперь древнѣйшимъ указаніемъ на Разрядъ) нельзя опредѣлить: идетъ ли здѣсь рѣчь о немъ, какъ объ отдѣленіи думской канцеляріи или какъ о самостоятельномъ центральномъ учрежденіи ¹⁾. Трудно признать Разрядъ—хотя бы и въ первое время его существованія—отдѣленіемъ думской канцеляріи. Онъ могъ исполнять и дѣйствительно исполнялъ обязанности думской канцеляріи, за неизмѣнѣмъ у думы таковой, но возникъ онъ, какъ самостоятельное центральное учрежденіе для завѣдыванья служилымъ классомъ и всегда сохранялъ этотъ свой характеръ. Если выражаться новыми терминами, то разрядъ можно скорѣе назвать министерствомъ, канцелярія котораго служила въ то же время канцеляріей государственнаго Совѣта, чѣмъ простой канцеляріей (или даже отдѣленіемъ канцеляріи) этого послѣдняго, непосредственно ему подчиненной и органически входящей въ его составъ. Градовскій ²⁾ говоритъ, что при Боярской Думѣ были учреждены двѣ канцеляріи: *Расправная Палата*—по дѣламъ суднымъ, и *Разрядъ* — по части распорядительной и исполнительной. Очевидно, что здѣсь говорится о двухъ вещахъ совершенно различныхъ, даже несоизмѣримыхъ, о двухъ явленіяхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Во первыхъ, Разрядъ возникъ лѣтъ на 150 раньше Расправной Палаты; затѣмъ онъ представлялъ изъ себя постоянное центральное учрежденіе, состоявшее изъ однихъ дьяковъ, тогда какъ Расправная Палата являлась думской комиссіей изъ разныхъ думныхъ чиновъ, долгое время вовсе не имѣла постоянного характера, а въ качествѣ постоянного судебного департамента Думы она просуществовала всего 13 лѣтъ (1681—1694 г.), да на время отсутствія Государя изъ Москвы вѣдала текущія дѣла ³⁾; дѣлопроизводство ея вѣли думные дьяки. Расправная Палата не была отдѣльнымъ отъ Думы учрежденіемъ и изъ нея, дѣйствительно, могла бы развиться канцелярія думы. Она была уже произведеніемъ эпохи начинающихся реформъ, новыхъ политическихъ и административныхъ взглядовъ и понятій.

Дмитріевъ ⁴⁾ тоже считаетъ Разрядъ, какъ и Посольскій приказъ, канцеляріями *Государя* (но не *Думы*: такой взглядъ гораздо

¹⁾ Впрочемъ, это объясняется чисто казуистическимъ характеромъ сообщаемого факта: доставить опасныхъ служилыхъ людей въ Москву князь могъ велѣть, кому хотѣлъ, кому больше вѣрять; но в то обстоятельство, что доставить ихъ велѣно именно въ Разрядъ, только лишній разъ указываетъ, что Разрядъ былъ уже въ это время центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ службу служилыхъ людей, а слѣдовательно и имѣвшимъ дисциплинарную власть надъ ними.

²⁾ „Высшая администрація Россіи въ XVIII в.“ в „генераль-прокурорскіе“ введеніи.

³⁾ См. „В. Дума“—стр. 425—426.

⁴⁾ Ист. суд. Инстанцій, стр. 125.

ближе къ сущности дѣла), потому что въ нихъ засѣдали одни дьяки, безъ представителей высшаго служилого сословія. И Дмитріевъ, и Градовскій, подобно пр. Ключевскому, склонны видѣть въ Разрядѣ—канцелярію, а не самостоятельное центральное учрежденіе, именно благодаря отсутствію въ немъ высшаго служилого элемента. Но насъ не должно смущать это обстоятельство: по понятіямъ того времени служилый человѣкъ знатнаго рода, потомокъ удѣльныхъ князей или старыхъ московскихъ бояръ, могъ служить только въ качествѣ *воина, наместника* (вообще областного правителя, представителя центральной власти въ области) или *судьи*, съ конца XV в. также *придворнаго*; ему была совершенно недоступна—по условіямъ родовой чести—та сфера служебной дѣятельности, которую пр. Ключевскій *) не совѣтъ точно называетъ «литатской службой» и которую скорѣй можно назвать «департаментской службой», службой въ центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ приказнаго характера. Служить въ качествѣ *судьи* знатному человѣку не было позорно; поэтому, напр., Разбойная изба и Судные (областные) приказы съ самаго начала являются учрежденіями боярскими: во главѣ ихъ всегда стоятъ бояринъ или окольникій; поэтому бояре и окольникіе—въ какихъ бы приказахъ они ни сидѣли—всегда носили наименованіе «судей»; на ихъ долю и выпадала преимущественно судебная дѣятельность; въ такихъ же учрежденіяхъ, какъ Разрядъ, Посольскій и Помѣстный приказы и Чети, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояла дѣятельность административная (организаторская), финансовая и дипломатическая, гдѣ самое учрежденіе носило характеръ скорѣе центрального бюро, чѣмъ коллегіальнаго присутствія, тамъ единственнымъ дѣльцами въ теченіи всего XVI в. являлись дьяки, истые выразители и носители приказной системы управленія, самый характерный и неотъемлемый признакъ всякаго приказнаго учрежденія.

Возвръщеніе пр. Ключевского и многихъ другихъ ученыхъ на Разрядъ, какъ на отдѣленіе думской канцеляріи, надо приписать въ значительной степени неправильно понятому и истолкованному извѣстію Флетчера (относящемуся къ 1585 г.) о существованіи четырехъ четвертей: Разряда, Посольскаго и Помѣстнаго приказовъ и Казанскаго дворца, которыя пр. Ключевскій и г. Дихачевъ (а также Карамзинъ, Соловьевъ и пр. Загоскинъ) считаютъ за четыре отдѣленія думской канцеляріи. Такое толкованіе словъ Флетчера основано (какъ доказалъ пр. Середонинъ—«Сочиненіе Дж. Флетчера, какъ историческій источникъ», стр. 214 sq.) на неточномъ переводѣ. Флетчеръ говоритъ, на самомъ дѣлѣ, что Россія раздѣлена на четыре части,

*) „В. Дума“, стр. 390.

называющіяся четвертями (тетрархіями), изъ которыхъ каждая приписана къ какому нибудь приказу, отъ котораго она заимствуетъ свое названіе, и находится подъ вѣдѣніемъ дьяка, управляющаго этимъ приказомъ. Прежде же переводили это мѣсто такъ ¹⁾: «каждая четверть имѣетъ опредѣленную обязанность, отъ которой заимствуетъ свое названіе». Первая четверть называется Посольскою или Посольскимъ приказомъ (слѣдуетъ перевести: «четвертью Посольскаго приказа» и т. д.). Слово «office», которое у Флетчера въ данномъ мѣстѣ обозначаетъ центральное учрежденіе, приказъ (какъ теперь говорится: «Foreign Office»), — переводили отвлеченнымъ существительнымъ — «обязанность». Итакъ, Флетчеръ говоритъ только о соединеніи подъ управленіемъ одного лица Четей—областныхъ приказовъ съ финансовымъ характеромъ — и трехъ центральныхъ и одного территориальнаго учрежденія. Онъ считаетъ такое соединеніе, очевидно, за правило; но оно было ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ случая, соединеніемъ чисто личнымъ и временнымъ; такихъ случаевъ много въ исторіи московскаго центрального управленія. Но оказывается, что даже во время пребыванія Флетчера въ Москвѣ только начальники Казанскаго Дворца и Помѣстнаго приказовъ, дѣйствительно случайно управляли въ то-же время четвертями (Середонинъ думаетъ, что начальникъ Казанскаго Дворца управлялъ Устюжской Четвертью, а начальникъ Помѣстнаго приказа—Костромской); о разрядномъ дьякѣ Василинъ Щелкаловъ Флетчеръ говоритъ, что «по должности» онъ занимаетъ мѣсто начальника третьей четверти, но управляетъ ею Сапунъ Аврамовъ. Изъ изслѣдованій пр. Платонова ²⁾ вытекаетъ, что Чети исполняли роль денежныхъ касъ Разряда, доставляя ему необходимыя для содержанія войска средства; поэтому весьма возможно, что первое время онъ находился въ зависимомъ отъ него положеніи; но такъ какъ во время пребыванія Флетчера въ Москвѣ три чети (по всей вѣроятности Костромская, Новгородская и Устюжская) были подчинены непосредственно начальникамъ трехъ приказовъ (Посольскаго—Андрею Щелкалову, Помѣстнаго—Елизару Вылузгину, и Казанскаго Дворца—Дружинѣ Петелину), то зависимость ихъ отъ Разряда не была такъ замѣтна, какъ зависимость четвертой Чети—Галицкой, которая имѣла особаго начальника—Сапуна Аврамова, не пользовавшагося, конечно, такимъ личнымъ значеніемъ, какъ начальники трехъ упомянутыхъ приказовъ, а потому и зависимаго отъ Разряда. Наконецъ, соединеніе въ однихъ рукахъ управленія Посольскимъ приказомъ и Новго-

¹⁾ Русское изд. сочиненія Флетчера, 1867 г. стр. 28—39.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1892 г., V книга „Какъ возникла Чета?“ стр. 169.

родской Четвертью очень понятно, если вспомнить о постоянной связи, которая существовала между Посольским вѣдомствомъ и западными окраинами Московскаго государства, особенно же Новгородскою областью, еще въ XVII в.; впрочемъ, весьма возможно, что здѣсь Флетчеръ смѣшалъ Новгородскую Четъ съ территориальнымъ Новгородскимъ приказомъ, который несомнѣнно всю послѣднюю треть XVI стол. управлялся начальникомъ Посольскаго приказа. Итакъ, невѣрному пониманію разсказа Флетчера отчасти способствовала его собственная ошибка: явленія случайныя или же обусловленныя совершенно различными индивидуальными причинами онъ счелъ за постоянныя и приписалъ ихъ (по своей западноевропейской склонности къ общимъ нормамъ) одной общей для всѣхъ ихъ причинѣ или, вѣрнѣе, заставилъ предполагать эту причину. Какъ вѣрно замѣтилъ г. Середоцкій, нельзя говорить о подчиненіи всѣхъ остальныхъ приказовъ четыремъ упомянутымъ флетчеромъ оттого только, что въ нихъ заседали думные дьяки, которые докладывали думѣ дѣла, какъ своихъ, такъ и чужихъ приказовъ, такъ какъ одни имѣли право думскаго доклада. Эти четыре приказа не составляли канцеляріи думы, но ихъ начальники—дьяки—по своему званію думныхъ дьяковъ—исполняли обязанности современныхъ секретарей Государственнаго Совѣта.

Основываясь на неправильно понятомъ сообщеніи Флетчера, защитники гипотезы о происхожденіи Разряда изъ отдѣленія думской канцеляріи принуждены такое-же происхожденіе приписывать Посольскому и Помѣстному приказамъ—и даже Казанскому Дворцу. Тогда какъ относительно Разряда такое предположеніе все же правдоподобно, потому что онъ действительно являлся впоследствии посредникомъ между думой и приказами, относительно трехъ остальныхъ поименованныхъ учрежденій это предположеніе рѣшительно ничѣмъ не подтверждается (особенно—по отношенію къ Помѣстному приказу и Казанскому Дворцу). Они никогда не были посредниками между думой и приказами, не занимали между ними особаго положенія (мы не говоримъ здѣсь о возвышеніи Посольскаго приказа во вторую половину XVII в. подъ влияніемъ причинъ личнаго характера); ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить въ этомъ отношеніи на одну доску съ Разрядомъ, нельзя говорить о подчиненіи всѣхъ центральныхъ учрежденій четыремъ приказамъ, упомянутымъ Флетчеромъ. Правда, иностранцы часто называютъ Разрядъ «Государственной Канцеляріей», примѣняясь къ западнымъ понятіямъ и терминологіи того времени; но, во-первыхъ, эта канцелярская дѣятельность Разряда была имъ гораздо виднѣе его военно-административной дѣятельности, заслоняла даже въ ихъ глазахъ послѣднюю: въ качествѣ дипломатовъ, имъ часто прихо-

длось вести сношенія съ боярской думой, а Разрядъ завѣдывалъ ея дѣлопроизводствомъ; во-вторыхъ, — иностранцы, желая уяснить себѣ нѣкоторыя явленія русской жизни и значеніе различныхъ московскихъ учрежденій, прилагали къ нимъ западные термины, которые не могли однако съ достаточной полнотой выразить сущность даннаго явленія, такъ какъ возникли на иной почвѣ и приближались тамъ къ типамъ учрежденій, соответствующихъ которымъ не было на Руси. По всемъ этимъ соображеніямъ, нисколько не отрицая исполненія Разрядомъ канцелярскихъ обязанностей по отношенію къ боярской думѣ и его роли посредника между нею и прочими приказами, мы объясняемъ однако его происхожденіе не выдвѣженіемъ его изъ состава думской канцеляріи (которая никогда не существовала и самая мысль о коей не могла явиться въ XVI в., когда и самая дума не была еще «учрежденіемъ» въ нынѣшнемъ смыслѣ), но все сильнѣе чувствовавшейся настоятельной потребностью въ централизациі, объединеніи всего военно-служилого класса, въ непосредственномъ подчиненіи его московскому центральному правительству. Потребность эта была вызвана новымъ международнымъ положеніемъ Московскаго государства и новыми условіями и требованіями военной службы въ первой половинѣ XVI вѣка.

Нужно только объяснить, почему именно *это* учрежденіе, возникшее независимо отъ думы, стало въ такія близкія къ ней отношенія, сдѣлалось посредникомъ между ней и другими приказами? Причиной этому было, прежде всего, то обстоятельство, что *Разрядъ* являлся *первымъ* по времени изъ приказовъ *государственнаго* характера, а такъ какъ во главѣ его стояли думные дьяки (раньше въ XVII в. называвшіеся «введенными» или «великими»), самые близкіе и довѣренныя совѣтники Государя, Разрядъ естественно сдѣлался посредникомъ между верховной властью, носителемъ которой и являлась *дума съ государемъ во главѣ*, и своими младшими собратьями—другими центральными учрежденіями, во главѣ которыхъ первоначально стояли простые дьяки (за исключеніемъ, впрочемъ, Посольскаго приказа, который всегда управлялся введеннымъ дьякомъ—печатникомъ, но, занимая совершенно особое положеніе, не могъ имѣть близкой связи съ ходомъ внутренняго управленія).

Вторая причина выдающагося положенія, занятаго Разрядомъ въ ряду другихъ приказовъ, гораздо важнѣе и глубже. Уже Градовскій, во введеніи къ своему труду: «Высшая администрація Россіи въ XVIII в. и генераль-прокуроры», указавъ на огромное значеніе служилого класса въ исторіи московскаго управленія: «прочныхъ учрежденій, съ точнымъ разграниченіемъ вѣдомствъ», говорить онъ, «въ Москвѣ не создавалось,—было только одно слу-

жилое сословіе (Градовскій включаетъ въ составъ его и дьяковъ), одинаково способное ко всѣмъ дѣламъ». Разрядъ и былъ призванъ управлять этимъ служилымъ сословіемъ, которое одно только имѣло и право, и обязанность нести *личную* (а не денежную) службу государству и въ своей совокупности являлось настоящимъ *правящимъ классомъ*, такъ какъ боярская дума—собраніе высшихъ представителей этого класса—раздѣляла верховную власть съ Государемъ. Разрядъ вѣдалъ, какъ одно цѣлое, то сословіе, представители котораго защищали страну, сидѣли въ приказахъ, судили, правили областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ. Онъ же являлся посредникомъ между верховной властью и этимъ сословіемъ, такъ же какъ и между верховной властью и отдѣльными учреждениями, составленными изъ представителей этого сословія. Государь не могъ поручить представителямъ высшаго слоя служилого класса сидѣть въ Разрядѣ и быть посредникомъ между нимъ, Государемъ, и этимъ классомъ: управленіе дѣлами этого сословія посредствомъ его же высшихъ представителей (хотя бы и назначенныхъ Государемъ) нарушило бы равновѣсіе между обоими элементами нашего управленія, повело бы къ олигархіи, къ безграничному владычеству служилого класса, подорвало бы значеніе власти Государя, создавъ автономію правящаго класса, и такъ уже сосредоточившаго въ своихъ рукахъ все управленіе и значительную часть народнаго богатства, своего рода государство въ государствѣ. Разрядные дьяки были въ рукахъ московскихъ государей удобнымъ и отлично приспособленнымъ орудіемъ къ управленію служилымъ классомъ, къ удержанію въ своихъ рукахъ власти надъ нимъ. Московскіе Государя какъ бы инстинктивно понимали это значеніе Разряда и сидѣвшихъ въ немъ дьяковъ и имъ въ голову не приходила мысль поручить править Разрядомъ боярамъ; только въ 1690 г., уже при Петрѣ, когда поколебались всѣ устои старой системы управленія и самый Разрядъ лишился былаго значенія, правительство нашло возможнымъ поставить во главѣ этого учрежденія *боярина*—Стрѣшнева, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ приказахъ бояре уже давно замѣнили дьяковъ въ качествѣ «судей», и даже во главѣ Посольскаго приказа, этого «дьячьяго» по преимуществу учрежденія, уже съ 1667 г. постоянно стоятъ бояре (а случаи назначенія начальниками этого приказа околичнаго и думнаго дворянина—бывалъ и раньше—въ 1625 г. (†. Бутурлинъ) и въ 1659 г. (Арт. Матвѣевъ).

Дѣятельность Разряда получила по преимуществу военно-административный характеръ, такъ какъ главной обязанностью служилого класса всегда была и оставалась военная служба: но онъ вѣдалъ

также службу дворянъ въ качествѣ намѣстниковъ и городскихъ воеводъ, пословъ, придворныхъ, приказныхъ судей и т. д., велъ списки всѣмъ служебнымъ назначеніямъ дворянъ, вѣдалъ мѣстныя споры: судъ по мѣстныимъ дѣламъ съ самаго начала былъ одной изъ важнѣйшихъ его обязанностей,—наконцѣ, онъ судилъ служилыхъ людей ниже чина стольника по самымъ различнымъ дѣламъ ¹⁾. По дѣламъ военного управленія функціи Разряда соответствовали приблизительно функціямъ вышшняго Главнаго Штаба, по дѣламъ общаго управленія—отчасти функціямъ вышшняго Сената (опубликованіе указовъ и т. д.), отчасти Государственной канцеляріи. Вообще же Разрядъ былъ центральнымъ установленіемъ, объединившимъ весь ходъ подчиненнаго управленія Московскаго Государства, вѣдавшимъ весь личный составъ правительства—отъ высшихъ до низшихъ чиновъ. Онъ былъ въ рукахъ Московскихъ Государей тѣмъ рычагомъ, которымъ они могли легко и удобно направлять по своему усмотрѣнію всю сложную правительственную машину и отдѣльныя ея колеса, до самыхъ мелкихъ включительно. Конечно, такое значеніе Разрядъ приобрѣлъ не сразу послѣ своего учрежденія, а постепенно, въ теченіе долгаго промежутка времени. Первоначально же его функціей, какъ показываетъ самое его названіе (отъ слова «разрядать»—распредѣлять по назначенію) и какъ правильно полагаетъ г. Лихачевъ ²⁾, была регистрація различныхъ назначеній—военныхъ, дипломатическихъ и по областному управленію, число которыхъ очень увеличилось въ началѣ XVI в., и веденіе «разрядовъ»—списковъ служилымъ людямъ—съ обозначеніемъ занимаемыхъ ими должностей (разрядныхъ росписей), «боярскихъ дворовыхъ книгъ», «боярскихъ списковъ», «десятенъ», «служебныхъ верстальныхъ списковъ» и «росписей воеводъ» (на случай похода) ³⁾.

2. Областные Разряды.

Надо еще рѣшить вопросъ, существовалъ ли сначала только одинъ Разрядъ въ Москвѣ, какъ центральное учрежденіе для всего Государства, а потомъ уже возникло нѣсколько областныхъ разрядовъ (Новгородскій, Смоленскій, Рязанскій), или же съ самаго начала существовало нѣсколько другъ отъ друга независимыхъ мѣстныхъ учреждений, вѣдавшихъ служилое сословіе данной мѣстности, а затѣмъ уже всѣ эти учрежденія слились въ одно, обра-

¹⁾ Вып., т. XX, 393.

²⁾ Лих. „Разр. дѣла“, стр. 79.

³⁾ Лих., *op. cit.*, 440—452.

зовали одинъ Большой (Московскій) Разрядъ, а тѣ изъ нихъ, которыя еще сохраняли отдѣльное существованіе, все-таки подчинились ему, сдѣлались его мѣстными органами. Прямо отвѣтить на этотъ вопросъ трудно: съ одной стороны несомнѣнно, что «разряды», «разрядныя росписи» составлялись въ началѣ XVI в. (а, вѣрно, и раньше) не только въ Москвѣ, но и въ Рязанскомъ великомъ княженіи (мѣстническое дѣло Нв. Ос. Полевого съ Арт. В. Измаиловымъ:... шлюсь на Рязанскіе разряды, потому што... въ томъ году (1516 г.) былъ на Рязани князь великій Иванъ Ивановичъ Рязанскій...¹⁾),—можетъ быть и въ другихъ княженіяхъ, удалившись къ началу XVI столѣтія. Въ 1509 г. встрѣчаемъ въ Москвѣ служилыхъ людей, бывшихъ Тверскихъ бояръ, которые служатъ по *двумъ спискамъ*—Тверскому и Московскому, притомъ въ различныхъ чинахъ по обоямъ:—по первому—бояриномъ, по второму—околыничьямъ²⁾; «Но въ серединѣ XVI в.», замѣчаетъ пр. Ключевскій, «такое чиновное раздѣленіе исчезаетъ». Это оригинальное служебное положеніе Тверского боярства указываетъ на отношеніе старыхъ мѣстныхъ разрядовъ къ Большому Московскому. Они мало-по-малу поглощались имъ, исчезали въ немъ. Судьба ихъ была аналогична съ судьбою удѣльныхъ дворцовъ, тоже понемногу исчезающихъ въ Большомъ Дворцѣ, обращаясь, по перенесеніи ихъ въ Москву, въ его отдѣленія. Можно сказать навѣрное, что къ серединѣ XVI стол. уже не существовало удѣльныхъ разрядовъ, напоминавшихъ бывшее раздѣленіе русской земли. Децентрализація служилого сословія, приврѣпленіе его въ служебномъ отношеніи къ извѣстной мѣстности, разобщеніе его съ центромъ были вовсе не въ духѣ Московскаго правительства: поэтому съ увѣренностью можно сказать, что въ старомъ Московскомъ княженіи существовалъ *только одинъ* разрядъ, а по мѣрѣ присоединенія удѣльныхъ княженій ихъ разряды переносились въ Москву и сохраняли здѣсь, вѣроятно, еще нѣкоторое время отдѣльное существованіе, а затѣмъ введеніе списковъ всѣхъ служилыхъ людей различныхъ княженій сосредоточилось въ рукахъ Московскихъ разрядныхъ дьяковъ, но еще существовали различные служебные «списки»—московскій, тверской, рязанскій и т. д. Наконецъ, уничтожилось и это различіе списковъ по областямъ и вмѣсто него явилось новое различіе—по служебной *чести*—«московскаго» и «городового» списка.— Нельзя однако сказать, будто Большой Московскій Разрядъ возникъ изъ *силнія* областныхъ разрядовъ: онъ образовался совершенно независимо отъ нихъ,—вѣроятно, раньше ихъ, такъ какъ

¹⁾ Р. Ист. Сб., т. II, стр. 177.

²⁾ Ключевскій, „Б. Дума“, стр. 220.

въ Москвѣ развитіе центральной администраціи шло быстрее, чѣмъ въ другихъ княженіяхъ, благодаря ббльшей широтѣ адѣйственной жизни и дѣятельности, ббльшему разнообразію и обширности сталкивавшихся здѣсь интересовъ. Но уже къ концу XVI столѣтія, наряду съ Большимъ Разрядомъ — уже по почину самаго московскаго правительства—являются два областныхъ разряда—Новгородскій и Смоленскій, вполнѣ, однако подчиненные Большому Разряду ¹⁾.

Возникновеніе этихъ двухъ разрядовъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, объяснить особымъ стратегическимъ положеніемъ этихъ мѣстностей на западной границѣ государства: имъ прежде всего приходилось выдерживать нападеніе *организованнаго*, хорошо обученнаго непріятеля; здѣсь надо было имѣть на умѣ постоянное военно-административное учрежденіе, «окружной штабъ», съ достаточными полномочіями для возможности быстрой мобилизаціи, не дожидаясь распоряженій изъ центра. Но все же оба эти разряда являлись, очевидно, только мѣстными отдѣленіями Большого Разряда, а не независимыми отъ него учрежденіями, нарушавшими централизацію служилого сословія, то тяготѣніе его къ центру, усилить которое постоянно стремилось Московское правительство. Новгородскій и Смоленскій разряды были уже предшественниками многочисленныхъ областныхъ разрядовъ XVII столѣтія, существовавшихъ во многихъ крупныхъ городахъ, какъ мѣстные военныя управленія, окружные штабы, подчиненные центральному управленію, главному штабу; административнаго же значенія въ областномъ управленіи они не имѣли.

3. Помѣстный приказъ.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о времени образованія Посольскаго приказа, скажемъ еще о возникновеніи тѣсно связаннаго съ Разрядомъ по свойствамъ своихъ функций *Помѣстнаго* приказа и упомянемъ коротко о времени появленія остальныхъ приказовъ по военному управленію.

Тѣ же причины, которыя вызвали учрежденіе Разряда, должны были непосредственно вслѣдъ за нимъ вызвать къ существованію и Помѣстный приказъ. «Разрядъ», по словамъ Градовскаго, «въдаѣтъ служилое сословіе службой, а Помѣстный приказъ—землями» ¹⁾. Какъ только служилое сословіе было прикрѣждено къ во-

¹⁾ Объ обоихъ этихъ разрядахъ (а также о Разанскомъ) упоминается въ запискѣ 1610—1613 г. А. Ист., т. II, 355.

²⁾ «Исторія мѣстнаго управленія», стр. 194.

енной службѣ, если пока еще не de jure, то de facto, государство должно было сейчас же позаботиться о доставленіи ему средствъ къ отправленію службы; у огромнаго большинства служилыхъ людей начала XVI в. этихъ средствъ вовсе не было или ихъ было недостаточно, (объ печальномъ экономическомъ состояніи служилого сословія въ XVI в. см. Хлѣбникова, «Вліяніе общества на организацию Государства», стр. 20—32), такъ какъ вотчинами въ сколько нибудь достаточномъ количествѣ владѣли почти исключительно бывшіе удѣльные князья (да и то далеко не всѣ; нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ «захудали», потомки ихъ бывали даже въ дьякахъ)¹⁾, да нѣсколько старинныхъ родовъ московскихъ бояръ (Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, Челядинныхъ, Морозовыхъ и друг.). Раньше правительство давало служилымъ людямъ эти средства въ видѣ кормленій, а отчасти (но гораздо рѣже и скорѣе уже въ видѣ *наградъ* за прежнюю службу) и въ видѣ жалованныхъ вотчинъ. Но это была система неудобная и невыгодная для центральной власти и крайне обременительная для насъ «шія. Подъ вліяніемъ новыхъ условій службы, измѣнившихся отъ «еній Государя къ служилому классу и сосредоточенія въ рукахъ Государя большого количества земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ—все болѣе ощущавшейся правительствомъ нужды въ деньгахъ. система кормленій постепенно вытѣснялась новой системой снабженія служилыхъ людей средствами къ несенію службы—системой помѣстій, при которой самое количество экономическихъ выгодъ, получаемыхъ служилымъ человекомъ, ставилось въ тѣсную зависимость отъ размѣра отправляемой имъ службы. Этотъ способъ вознагражденія за службу — вознагражденія *условнаго*, длѣщагося только до тѣхъ поръ, пока продолжается самая служба, существовалъ давно; уже въ началѣ XIV в. встрѣчаемъ примѣры условнаго пожалованія земель (извѣстное упоминаніе о землѣ, пожалованной Борису Воркову, въ завѣщаніи Калиты, 1328 г.); затѣмъ неоднократно упоминается о *слугахъ*, владѣющихъ землею «*подъ дворскимъ*», т. е. о лицахъ, которымъ дана во владѣніе дворцовая земля *подъ условіемъ службы великому князю* и которая повѣтуются и судятся дворецкимъ.

Но этотъ способъ обезпеченія службы и вмѣстѣ вознагражденія за нее долгое время примѣнялся исключительно къ людямъ знатнаго происхожденія, простымъ «*слугамъ*», и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ, въ виду малаго количества земель, бывшихъ въ распоряженіи князя. Лица родовитыя въ теченіе всего XIV, XV и начала XVI в. получали средства для службы по-

¹⁾ См. Лихачева «Разр. дьяка», стр. 132—166 и «Отвѣтъ суровому критику», стр. 37.

прежнему отъ кормленій ¹⁾. По справедливому указанію Градовскаго, въ кормленіе великій князь могъ уступать такія предметы, которыми онъ владѣлъ въ качествѣ Государя, верховнаго властителя земли, въ помѣстьяхъ же онъ могъ давать только земли, принадлежащія ему на частномъ правѣ. Съ теченіемъ времени количество такихъ земель все увеличивалось: кромѣ собственно дворцовыхъ земель, которыя одні только сначала и раздавались въ помѣстья, являются «земли великаго князя», т. е. земли по той или другой причинѣ «взятія на государя», были ли то вотчины, отнятыя у удѣльныхъ князей по присоединеніи ихъ удѣловъ, конфискованныя земли опальныхъ князей и бояръ, мятежныхъ новгородцевъ, выморочныя владѣнія или просто черныя земли, которыя брались иногда «на государя» и раздавались затѣмъ въ помѣстья служилымъ людямъ. Опричнина очень увеличила количество такихъ земель: цѣлыя волости (черныя) брались тогда на Государя. И позже мы имѣемъ подобные примѣры (по Уложенію 1649 г. взяты на Государя расположенныя въ чертѣ посадовъ владѣльческія земли, жители которыхъ занимались промыслами, не неся посадскаго тягла). Какъ только въ рукахъ Московскаго великаго князя скопилось достаточно земель, принадлежащихъ ему на частномъ правѣ,—а случилось это уже къ началу XVI столѣтія,—раздача этихъ земель въ помѣстья служилымъ людямъ встрѣчается уже не въ видѣ частной мѣры, но входитъ въ систему, какъ общее правило. Первые извѣстія о верстаніи помѣстьями новиковъ, послѣвшихъ на службу, относится къ концу XV в., къ 1492 г. (верстаніе въ Торопцахъ); ²⁾ затѣмъ есть еще нѣсколько указаній на верстанія новиковъ, при чемъ всѣ они относятся къ Новгородской области, гдѣ, какъ извѣстно, было больше всего государевыхъ земель. Но извѣстія о правильныхъ, систематическихъ верстаніяхъ, производившихся по опредѣленному порядку, восходятъ не раньше 30 хъ гг. XVI столѣтія ³⁾, т. е. какъ разъ къ тому времени, отъ котораго сохранились первыя точныя извѣстія о существованіи Разряда. Такъ какъ верстанія служилыхъ людей и прибавка писцамъ помѣстій при переписи и въ позднѣйшее время происходила всегда по памятамъ разрядныхъ дьяковъ въ Помѣстный приказъ и по указу Разряда писцамъ ⁴⁾, то можно полагать, что первоначально

¹⁾ Лица, занимавшія высшія дворцовыя должности или приближенныя къ царю по родственнымъ связямъ или по особой знатности рода, еще въ XVII в. нѣрѣдко пользовались доходами съ кормленій. См. Сергѣевичъ, Юр. Древн., т. I, стр. 340.

²⁾ Д. къ А. И., I, № 52, VII.

³⁾ Мы знаемъ о такихъ верстаніяхъ въ Новгородской области въ 1532, 1538 и 1539 г. Д. А. И., I, № 52, IV, VI и X.

⁴⁾ Лихачевъ „Разр. дьяк“, стр. 232.

разрядные дьяки завѣдывали всѣмъ процессомъ верстанія служилыхъ людей помѣстьями; по мѣрѣ же накопленія дѣлъ такого рода изъ среды разрядныхъ дьяковъ могло выдѣлиться нѣсколько лицъ, на которыхъ специально стали возлагать дѣла такого рода. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ помѣстнаго вѣдомства и увеличеніемъ числа дѣлъ по верстаніямъ и по земельнымъ тяжбамъ о помѣстьяхъ, вѣдомство это должно было окончательно выдѣлиться изъ Разряда и образовать особое центральное учрежденіе, которое однако продолжаетъ дѣйствовать по указаніямъ Разряда. Это выдѣленіе, судя по указаніямъ источниковъ, должно было произойти во второй половинѣ 50-хъ годовъ XVI столѣтія. Сначала говорится только о «помѣстныхъ дьякахъ», о дьякахъ, «у которыхъ помѣстные дѣла въ приказѣ: ¹⁾, это названіе относится къ 1556 г. Изъ сопоставленія грамоты, въ которой упомянуты эти дьяки, съ грамотами, отосланными въ 1555—56 гг. въ Новгородъ за подписью дьяковъ Вас. Степанова и Путиля Михайлова (Нечаева) ²⁾, видно, что эти два дьяка и разумѣются подъ тѣми, «кому помѣстные дѣла приказаны». Итакъ, въ серединѣ 50-хъ годовъ помѣстное вѣдомство уже выдѣлилось подъ управленіемъ двухъ дьяковъ и если въ то время еще не существовало особаго учрежденія, стоявшаго во главѣ этого вѣдомства, то оно уже складывалось тогда во всякомъ случаѣ. Три года спустя въ 1559 г. уже упоминается ³⁾ Помѣстная Наба, дьякомъ которой является тотъ же Путило Нечаевъ, чья подпись встрѣчается на грамотахъ по помѣстнымъ дѣламъ, отправленныхъ изъ Москвы въ Новгородъ въ 1555—56 гг. Но помѣстное вѣдомство обособляется отъ общаго управленія дѣлами военнаго сословія, по всей вѣроятности, еще въ 40-хъ гг. Въ писцовой книгѣ Тверского уѣзда, относящейся къ 1548 г., упомянута «помѣстная грамота», которая лежитъ въ Москвѣ въ казнѣ и которую задержали тамъ дьяки. Значить, помѣстные грамоты хранились тогда еще въ общемъ архивѣ для всѣхъ документовъ, въ «казнѣ», изъ чего можно заключить, что особаго учрежденія для помѣстныхъ дѣлъ тогда еще не существовало, а были только дьяки, вѣдавшіе эти дѣла; они то очевидно и задержали грамоту. Еще раньше—въ 1540 и 1541 гг. (7048—7049) встрѣчается скрѣпа дьяка Вас. Степанова на Торопецкихъ писцовыхъ книгахъ, «письма

¹⁾ А. А. Э., I, № 246, 7064 (1556 г.) грамота игумену Кириллова монастыря Матоев о дозволеніи купить вотчину: „и что на которой вотчинѣ денегъ дадутъ... явити дьякомъ нашимъ, у которыхъ помѣстные наши дѣла въ приказѣ, и дьяки наши везитъ тѣ вотчины за монастыремъ въ книги написать по нашему указу...“

²⁾ Д. А. И., I, стр. 87—93.

³⁾ Въ правой грамотѣ по вотчинному дѣлу 7067 (1559 г.) издаваемой въ 1830 г. Салдуновымъ, стр. 18.

Алексѣя Давыдова Ульянина ¹⁾. Этотъ самый Степановъ былъ въ серединѣ 50-хъ гг. помѣстнымъ дьякомъ: очевидно, что еще въ началѣ 40-хъ гг. онъ принадлежалъ къ тому же вѣдомству. Значить, въ 40-хъ гг. XVI в. помѣстными дѣлами завѣдывали постоянно одни и тѣ же лица, другими словами, эти дѣла составляли уже особое вѣдомство.

Итакъ, помѣстное вѣдомство сложилось въ 40-хъ гг. XVI в., а къ серединѣ 50-хъ гг. во главѣ его является и особое центральное учрежденіе ²⁾. Успенскій ³⁾ относитъ первое упоминаніе о Помѣстномъ приказѣ къ разрядныхъ книгахъ 1553 г.; до сихъ поръ, однако, это указаніе разрядныхъ не разыскано. Невольнинъ ⁴⁾ говоритъ, что «о дьякахъ, у которыхъ помѣстныя дѣла въ приказѣ», впервые упоминается въ 1566 г., при чемъ ссылается на грамоту Кирилловскому монастырю, разрешающему ему покупку вотчинъ: ⁵⁾ по эта грамота относится не къ 1566 г., а къ 1556 г. (7064). «Имя помѣстной избы, по словамъ Невольнина встречается только въ послѣдніе годы царствованія Ивана IV» ⁶⁾. Градовскій указываетъ, что уже въ 1572 г. различные акты совершались въ Помѣстной Избѣ, при чемъ ссылается на XIX дополнительный указъ къ Судебнику ⁷⁾. Къ этому же году относитъ первое упоминаніе Помѣстной Избы пр. Владимирскій-Будановъ ⁸⁾. Пр. Загоскинъ указываетъ на извѣстіе 1556 г. о помѣстныхъ дьякахъ ⁹⁾. Пр. Ключевскій считаетъ Помѣстный приказъ происшедшимъ изъ отдѣленія думской канцеляріи, подобно другимъ главнѣйшимъ приказамъ, при чемъ ставитъ его въ число тѣхъ четырехъ приказовъ, дѣлами которыхъ, вслѣдствіе ихъ особой важности, руководила сама Дума черезъ думныхъ дьяковъ ¹⁰⁾. Вивлюника замѣчаетъ только, что Помѣстный приказъ былъ извѣстенъ во времена осаднаго сидѣнья, а въ записныхъ книгахъ значится съ 1625 по 1709 г. ¹¹⁾.

По самому роду своей дѣятельности, Помѣстный приказъ (это

¹⁾ Лих. „Разрядн. дьяки“, стр. 265, 268 прим.; 267, 43. Вас. Степановъ былъ помѣстнымъ дьякомъ еще въ 1567 г. (Ист. Библ., т. II, стр. 42).

²⁾ Въ 1524 г. помѣстныя грамоты выдавалъ дьякъ Трифонъ Ильинъ; но врядъ ли онъ былъ специально „помѣстнымъ дьякомъ“.

³⁾ Оп. сѣ. стр. 304.

⁴⁾ Т. VI, стр. 162.

⁵⁾ А. А. Э., I, 246.

⁶⁾ Онъ ссылается здѣсь на А. А. Э., I. № 308, относящійся къ 1581 г. (собранный приговоръ о воспрещеніи духовенству приобретать вотчины).

⁷⁾ Т. II, стр. 194, пр. 2.

⁸⁾ Христом., выпускъ III, стр. 187.

⁹⁾ Отчетъ о 32-мъ присужденіи наградъ имени гр. Уварова, стр. 201.

¹⁰⁾ Б. Дума, стр. 279.

¹¹⁾ Т. XX, стр. 358.

названіе встрѣчается впервые, кажется, только въ 1577 г. (7085 г.)¹⁾, а раньше упоминается всегда Помѣстная Изба) въ исполненіи своей важнѣйшей функціи—перестанія служилыхъ людей землей, прибавкѣ или уменьшеніи ихъ помѣстныхъ дачь—всегда долженъ былъ дѣйствовать по указаніямъ Разряда, какъ учрежденія, вѣдавшаго ту службу, на отправленіе которой Помѣстный приказъ давалъ служилымъ людямъ средства.

Конечно, предположеніе о происхожденіи Помѣстнаго приказа изъ особаго отдѣленія Разряда или, точнѣе,—о постепенномъ выдѣленіи «помѣстныхъ» дѣлъ—не болѣе, какъ гипотеза, не подтвержденная пока достаточными фактами, но эта гипотеза кажется намъ вполне вѣроятной и не противорѣчитъ уже извѣстнымъ фактамъ. Итакъ, Помѣстный приказъ возникъ прежде всего подъ вліяніемъ первой изъ указанныхъ нами причинъ образованія Московскихъ приказовъ XVI в.—подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ съ сосѣдями, обращавшихъ Московскую Русь, по мѣткому выраженію Хлѣбникова, въ «постоянный военный лагерь», самыя же войны эти были необходимымъ слѣдствіемъ новаго международнаго положенія, занятаго Москвою благодаря объединенію подъ ея властью Северо-Восточной Руси. Но на образованіе Помѣстнаго приказа повліяла уже отчасти и вторая изъ указанныхъ нами причинъ; а именно—паденіе системы кормленій, поскольку оно повлекло за собой развитіе помѣстной системы, замѣнившей старыи способъ вознагражденія за службу; такимъ образомъ, реформы въ областномъ управленіи 1556 г. несомнѣнно ускорили образованіе особаго центрального учрежденія, ставшаго во главѣ помѣстнаго вѣдомства.

4. Приказы по военному управленію.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о возникновеніи другихъ приказовъ по военному управленію. Такихъ специальныхъ военныхъ приказовъ, съ довольно узкой сферой дѣятельности, въ Москвѣ было довольно много и возникали они въ различное время—отъ середины XVI до самаго конца XVII вѣка. Въ противоположность Разряду, во главѣ всѣхъ этихъ приказовъ стояли непременно люди родовитые и чиновные—бояре или околицники (рѣже думные дворяне), такъ какъ эти приказы являлись не столько канцеляріями съ организаціонными функціями, сколько главными управленіями

¹⁾ Арх. Минист. Юст. въ Москвѣ, книга Моск. стола № 1. (Лих. оп. с., стр. 267, прим.). Впрочемъ названіе Помѣстной Избы встрѣчается и позже, напр. въ 1581 г. (А. А. Э., I, № 308).

извѣстнаго рода войскъ (учрежденіями чисто военными) и служба въ нихъ считалась *военной службой*. Многие изъ нихъ вѣдали также подчиненныхъ имъ лицъ судомъ, а судъ въ Москвѣ былъ дѣломъ служилого сословія, хотя и съ непремѣннымъ участіемъ дьяковъ; только судъ надъ самими служилыми людьми (не имѣвшими придворныхъ чиновъ) по служебнымъ (а слѣдовательно и государственнымъ) преступленіямъ находился въ рукахъ разрядныхъ дьяковъ.

Старѣйшими изъ военныхъ приказовъ, кромѣ Разряда, являются *Оружейный, Гроный и Пушкарскій* (если исключить *Житный приказъ* времени Ивана III съ чисто интендантскими функціями). Эти три приказа завѣдывали изготовленіемъ различнаго рода оружія и снабженіемъ имъ войскъ и крѣпостей; Пушкарскій же приказъ, кромѣ того, вѣдалъ и особый родъ войска — пушкарей, артиллерию—такъ что можетъ быть отнесенъ скорѣе ко второй группѣ специальныхъ военныхъ приказовъ—къ приказамъ *военно-сословнымъ*. Вѣдомства этихъ трехъ приказовъ и не нуждались въ процессѣ централизаціи: по самому характеру ихъ функцій, какъ и по способу происхожденія эти три вѣдомства были централизованы уже при самомъ ихъ образованіи.

а. Оружейный приказъ.

Оружейный приказъ развился изъ стараго вѣдомства *Оружничая*. Должность эта—сначала подъ названіемъ «меченосца»—играетъ важную роль при княжескихъ дворахъ еще въ удѣльный періодъ въ XIII и XIV вѣкахъ ¹⁾. И впоследствии оружничими бывали всегда люди знатныхъ фамилій; даже получивъ чинъ боярина или окольничьяго, они продолжали называться оружничими. Какъ уже сказано, эта должность не принадлежала къ числу органовъ частно-хозяйственнаго княжескаго управленія, предоставлявшихся обыкновенно княжескимъ холопамъ или ихъ потомкамъ. Должность оружничаяго—органъ управленія публичнаго, а не частно хозяйственнаго: онъ хранилъ оружейную казну князя, помогалъ ему на войнѣ въ начальствованіи войсками, часто даже самъ водилъ полки вмѣсто князя въ походъ; иногда отправлялся въ качествѣ посла въ сосѣднія земли ²⁾. Если можно такъ выразиться, онъ былъ единственнымъ центральнымъ органомъ по военному управленію въ удѣльное время; во всякомъ случаѣ онъ былъ естественнымъ и

¹⁾ См. Сергѣевича. Юр., Древн., т. I, стр. 459. Въ удѣльное время оружничими всегда бывали „лучшіе мужи“, члены старшей дружины.

²⁾ Н. С. Лѣт., т. VIII, стр. 260; 1516 г.

близайшимъ помощникомъ князи во всѣхъ военныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ:

Съ 1511 г. должность оруженнаго попадаетъ въ Шереметевскую сводную книгу, во время ли она испытала въ это время какое-нибудь существенное измѣненіе въ характерѣ. Подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ XVI стол., благодаря которымъ усилилась потребность въ оружіи всякаго рода для войска, Оружейная Палата, первоначально хранившая только оружіе, постепенно обращается въ Оружейный приказъ, завѣдующій его изготовленіемъ и покупкой, а также снабженіемъ имъ войска. Старая оружейная палата входитъ въ этотъ приказъ, какъ его составная часть. Трудно—за неимѣніемъ данныхъ—болѣе или менѣе точно указать время сформированія этого приказа: во всякомъ случаѣ, онъ существовалъ уже въ эпоху смутнаго времени ¹⁾, слѣдовательно, образовался никакъ не позже царствованія Θεодора Ивановича, но, вѣроятно, гораздо раньше—въ первую половину царствованія Грознаго. Ривлюева указываетъ, что по записнымъ книгамъ «Оружейный и Ствольный приказъ» (для огнестрѣльнаго оружія, вромѣ пушекъ) значится съ 1659 г. по 1669 г., а съ 1669 г. по 1709 г.—опять Оружейная палата.

в. Бронный и Ствольный приказы.

Бронный приказъ, изготовлявшій холодное оружіе, упоминается (по указаніямъ Вивл.) въ разрядахъ уже съ 1573 г.—Въ XVII в. (вѣроятно, уже въ концѣ его) возникъ еще одинъ приказъ для приготовления огнестрѣльнаго оружія—*Ствольный приказъ*; онъ упомянутъ въ государственной росписи расходовъ и доходовъ за 1680 г. ²⁾.

с. Пушкарскій приказъ.

Во вторую половину царствованія Грознаго появляется и *Пушкарскій* приказъ; какъ только у насъ началось литье пушекъ, такъ сейчасъ же должно было явиться и центральное учрежденіе, которое бы руководило этимъ дѣломъ; такая централизація была необходима въ виду повизны дѣла, требовавшей сосредоточенія его въ одномъ мѣстѣ, гдѣ были знающіе люди, опытные пушкарѣ

¹⁾ А. Н., № 355.

²⁾ Милюкова, „Государств. Хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго“, 1692 г.

и литейщики, выписанные изъ-за границы. По указанію Вивлю-
енки, этотъ приказъ значится въ разрядахъ съ 1627 г. Карамзинъ
относитъ его начало къ царствованію Ивана IV¹⁾, вслѣдъ за нимъ
и Неводинъ. О «діакъ пушечнаго приказу» Терентіѣ Лихачевѣ
упоминается въ 1577 г.²⁾ (7085). Раньше первымъ упоминаемъ
этого приказа считалась грамота Кириллову монастырю отъ 1582 г
о присылкѣ емчуги (селитры) въ этотъ приказъ³⁾.

5. Военно-сословные приказы.

Ко второй группѣ специальныхъ военныхъ приказовъ при-
надлежатъ приказы *военно-сословные*, вѣдающіе извѣстный родъ
войска,— вѣриѣ, извѣстный классъ служилыхъ людей, во *всѣхъ*
отношеніяхъ. Въ XVI в. изъ этой группы приказовъ возникли:
Пушкарскій (о которомъ мы уже говорили: онъ можетъ быть от-
несенъ и къ первой группѣ, такъ какъ вѣдалъ изготовленіе артил-
лерійскихъ орудій— и это было его первоначальнымъ назначеніемъ—
и ко второй, такъ какъ вѣдалъ службой и судомъ пушварей, служ-
никовъ и зелешниковъ), затѣмъ *Стрѣлецкій* и *Иноземскій*.

а. Стрѣлецкій приказъ.

Карамзинъ упоминаетъ о Стрѣлцкой избѣ въ царствованіе
Ивана Грознаго⁴⁾. Пр. Сергѣевичъ⁵⁾ и г. Лаппо-Данилевскій⁶⁾
полагаютъ, что стрѣлцкое войско образовалось изъ отряда воен-
ныхъ холоповъ великаго князя, получившихъ впоследствии личную
свободу и слившихся съ низшимъ слоемъ «вольныхъ слугъ». По-
стоянное стрѣлцкое войско, возникшее изъ этого слиянія, появ-
ляется еще при Василія III и окончательно формируется при Ива-
нѣ IV; но еще въ XVII столѣтіи оно получаетъ (отчасти) кормъ
изъ дворца⁷⁾. Новое постоянное стрѣлцкое войско приблизительно
такъ же относилось къ старому ополченію вольныхъ слугъ, этой
дворянской конницѣ, созывавшейся лишь на случай надобности,
какъ новое приказное управленіе относилось къ старому намѣст-

¹⁾ Т. IX, прил. 577.

²⁾ Визл., т. XIV, стр. 319; онъ же упоминается въ „Повѣсти о Псковской осадѣ“
1582 г.

³⁾ А. А. Э. I, № 317,—подпись Савуга Аврамова.

⁴⁾ Т. IX, пр. 370 и 516;—по Визл. въ запискахъ княгахъ съ 1629 г.

⁵⁾ „Наблюдатель“, 1837 г., № 1.

⁶⁾ „Организация прямого обложенія“, стр. 9—10.

⁷⁾ Озаріѣ, глава XIV.

ническому: первое основано на началѣ обязательной службы князю его холопа, второе — на началѣ договора, по которому князь давалъ вольному служилому человѣку участіе въ пользованіи доходами управленія, а тотъ обязывался служить князю мечомъ; позже князь награждалъ служилаго человѣка чинами, верстагъ его помѣстной дачей; стрѣльцы же, какъ и приказные люди, по общему правилу помѣстій и вотчинъ, кормленій или «путей» (доходовъ съ угодій) не получали (другими словами — не получали ни земли, ни доходовъ съ нея), а получали деньги или содержаніе натурой. Приказные люди, кромѣ небольшого жалованья, получаемого ими, «кормились отъ дѣлъ»; стрѣльцы сначала содержались изъ дворцовыхъ доходовъ, а позже для ихъ содержанія стала сбираться съ тяглыхъ людей «стрѣлецкая подать», сначала натурой — еще при Иванѣ IV, а потомъ деньгами ¹⁾. Название *Стрѣлецкаго приказа* впервые упоминается въ царствованіе Бориса Годунова въ 1601 году, но Стрѣлецкая изба, какъ извѣстно, существовала еще при Иванѣ IV ²⁾. Центральное учрежденіе для завѣдыванія новымъ постояннымъ войскомъ, ничего подобнаго которому не было въ старой военно-административной практикѣ московскаго правительства, должно было подъ тѣмъ или другимъ названіемъ явиться одновременно съ появленіемъ такого войска. Старый Разрядъ, рассчитанный на привычныя условія помѣстно — дворянской службы, не былъ приспособленъ къ управленію этимъ новымъ войскомъ, по отношенію къ которому Стрѣлецкій приказъ принялъ на себя, функція, выполнявшаяся Разрядомъ по отношенію къ старому дворянскому ополченію, старому служилому сословію, т.-е. функціи административно-судебныя.

в. Иноземскій приказъ.

Вслѣдъ за Стрѣлецкимъ въ XVI в. возникъ еще одинъ военно-сословный приказъ — *Иноземскій*, вѣдавшій отряды западныхъ наемниковъ. По мнѣнію Карамзина ³⁾, онъ существовалъ еще при Иванѣ IV, — по крайней мѣрѣ — при его сынѣ. Онъ упомянутъ уже въ запискѣ о Московскомъ Государствѣ 1610—1613 гг. ⁴⁾, затѣмъ упоминается въ 1625 г. ⁵⁾, а по Визіюнкѣ значится въ записныхъ книгахъ съ 1628 по 1666 г.

¹⁾ Денежный сборъ стрѣлцкой подати впервые упоминается въ 1614 году — А. Юр., I, № 216, XVII.

²⁾ А. А. Э., II, № 20.

³⁾ Т. X, пр. 244.

⁴⁾ А. И., т. II, № 335.

⁵⁾ А. А. Э., III, № 161.

с. Казачій и Рейтарскій приказы.

Въ XVII вѣкѣ возпикло еще два военно-сословныхъ приказа: *Казачій* ¹⁾—упомянуть впервые въ 1616 г. ²⁾, раньше первое извѣстіе о немъ относили къ 1618 г. ³⁾, но возможно, что онъ существовалъ еще до Смутнаго времени, при Θεодорѣ или Борисѣ Годуновѣ,—п *Рейтарскій*, вѣдавшій новую копницу западнаго строя. значится въ книгахъ съ 1651 г., когда, вѣроятно, и былъ учрежденъ, по 1700 г. Итакъ, всего военно-сословныхъ приказовъ (кромя Разряда) можно считать пять, изъ коихъ три (а, можетъ, и четвертый—Казачій) возникли въ XVI вѣкѣ, а два (а, можетъ, и одинъ всего)—въ XVII вѣкѣ.

б. Интендантскіе приказы.

Наконецъ, въ XVII же вѣкѣ возникли нѣсколько военно-финансовыхъ или, вѣрнѣе, *Интендантскихъ* приказовъ ⁴⁾, назначеніемъ которыхъ было снабженіе войска продовольствіемъ, денежными средствами и всѣмъ необходимымъ. Къ этой группѣ приказовъ относятся: приказъ *Денежнаго и хлѣбнаго сбора* ⁵⁾, и приказъ *Денежной раздачи* ⁶⁾, а также приказъ *Нѣмецкихъ кормовъ* ⁷⁾; сюда же относится *Приказъ сбора пятимныхъ денегъ* ⁸⁾. Возможно, что его замѣнилъ потомъ (въ 50-хъ годахъ) приказъ *Денежнаго сбора* ⁹⁾. Всѣ эти приказы были въ теченіе долгаго времени учрежденіями временными, возникавшими по мѣрѣ надобности въ случаѣ войны — и исчезающими по минованіи ея; изъ нихъ только приказъ *Денежнаго сбора*, начало котораго мы видимъ еще въ 1632 г. ¹⁰⁾; а, можетъ,

¹⁾ Въ записныхъ книгахъ—съ 1628 по 1646 г.

²⁾ Малюковъ, „Гос. Хоз.“ стр. 55, пр. 2, „прислать въ Казачій приказъ, къ П. М. Бутурлину...“

³⁾ А. А. Э., III, № 100.

⁴⁾ См. Градовскаго, т. II, стр. 354—355, и Лаппо-Данилевскій *op. cit.*, стр. 480—481.

⁵⁾ По Вязловкѣ въ записныхъ книгахъ съ 1656 по 1709 г., упоминается еще въ 1654 г., см. А. П. т. IV, № 93.

⁶⁾ По Вязл., въ 1662 и 1663 г.

⁷⁾ По Вязл. въ 1636, 37 и 38 гг.

⁸⁾ Упом. отъ 1632 г.—А. А. Э., III, № 211—до 1635 г.—А. Юр., № 215, XI.

⁹⁾ См. Лаппо-Данилевскій, *op. cit.*, стр. 481.

¹⁰⁾ А. А. Э., III, № 213, 214 и 216,—ахъ еще личное и временное порученіе (кв. Барятинскому, Огареву и дѣ. Еясеьеву) „быть въ Москвѣ у сборныхъ запасовъ“ и отпускать ихъ подъ Смоленскъ къ войску (Шенна); но это уже начало учрежденія которое складывается изъ повторенія такихъ личныхъ порученій.

даже въ 1616 г. ¹⁾, сдѣлался въ 1656 г. постояннымъ учрежде-
ніемъ—главнымъ интендантскимъ управленіемъ арміи, не прекра-
щавшимъ своей дѣятельности и въ мирное время, и просуще-
ствовалъ въ этомъ качествѣ болѣе полувѣка—до 1709 г. Въ са-
момъ началѣ XVII в. мы встрѣчаемъ такое же военно-интендант-
ское учрежденіе въ лицѣ *Житнаго приказа* Ивана III, о которомъ
упоминаютъ Вивліюнкъ и Карамзинъ. Авторъ статьи о приказахъ
въ Вивліюнкѣ думаетъ, что Житный приказъ былъ потомъ соеди-
ненъ со Стрѣльцкимъ, а затѣмъ преобразованъ въ Провіантскую
канцелярію. Хотя эта догадка автора ничѣмъ [не подтверждается
(по всей вѣроятности, Житный приказъ Ивана III былъ учрежде-
ніемъ временнымъ и существовалъ всего нѣсколько лѣтъ)], но она
показываетъ, что авторъ вѣрно понялъ характеръ и значеніе этого
учрежденія.

Наконецъ, въ 1631 г. возникъ еще приказъ *Сбору ратныхъ и
даточныхъ людей*, стоящій очень близко къ тремъ упомянутымъ
приказамъ (по Вивліюнкѣ — въ записныхъ книгахъ съ 1637 по
1650 г. и упоминается еще въ 1636 г., когда ему послана изъ
Разряда память о взысканіи съ Патриаршихъ вотчинъ денегъ вмѣсто
даточныхъ людей. Раньше упомянуть въ 1633 г. ²⁾ и въ 1631 г. ³⁾;
нѣсколько позже—въ 1639 г.) ⁴⁾. Эти четыре учрежденія возникли
подъ непосредственнымъ вліяніемъ обстоятельствъ Смоленскаго по-
хода 1632 г. (Шенна и Измайлова); всѣ они имѣли задачей — до-
ставить арміи необходимые ресурсы, при чемъ первыя три учре-
жденія доставляли ей деньги и разные запасы, а послѣднее —
рекрутъ.

Приказы дипломатическіе.

1. Посольскій приказъ.

Перейдемъ теперь ко второму важнѣйшему приказу первой
половины XVI вѣка—къ *Посольскому приказу*.

Авторъ статьи «о старинныхъ Московскихъ приказахъ» въ
Вивліюнкѣ ⁵⁾ говоритъ, что въ дѣлахъ Архива Иностранной Кол-
легіи Посольскій приказъ упоминается съ 1583 г., но что въ этомъ

¹⁾ А. А. Э., III, № 79 и 80.

²⁾ А. А. Э., III, №№ 222 и 225.

³⁾ *ib.*, № 193.

⁴⁾ *ib.*, № 287.

⁵⁾ Т. XX, стр. 364.

же архивъ сохранился старыя приказныя дѣла по дипломатическимъ сношеніямъ еще съ 1505 г.; впрочемъ авторъ не думаетъ, чтобы уже въ это время существовало особое учрежденіе для завѣдыванія дипломатическими дѣлами¹⁾. Однако авторъ приводитъ составъ Посольскаго приказа, называя по именамъ всѣхъ посольскихъ дьяковъ, начиная съ 1556 г., съ дьяка Ив. Мих. Висковатова (печатника съ 1561 г.). Успенскій вполне подтверждаетъ показаніе Вивлюонки²⁾: «Въ 1556 г.» говоритъ онъ, «въ разрядныхъ книгахъ упоминается о двухъ дьякахъ Посольской избы, гдѣ послѣ въ томъ же году именована она Посольскимъ приказомъ и дана ему въ управленіе четверть, называемая Посольскаго приказу». Неволиня, ссылаясь на «Опись Царскаго архива³⁾», считаетъ Посольскую палату существовавшей уже въ 1567 г., а Посольскій приказъ относить къ 1601 г.⁴⁾—Соловьевъ относитъ его появленіе—въ числѣ четырехъ приказовъ, называвшихся четьми, къ царствованію Теодора Ивановича (основываясь на Флетчерѣ⁵⁾). Пр. Ключевскій⁶⁾ стоитъ за позднее выдѣленіе особаго учрежденія по дипломатическимъ дѣламъ. Учрежденіе это развилось, по его мнѣнію, изъ отдѣленія думы, съ которой царь долгое время велъ эти дѣла непосредственно. Въ 1565 г. построено въ Кремлѣ особое зданіе для этого учрежденія и съ этихъ поръ, по мнѣнію пр. Ключевского, самое учрежденіе стало называться Посольской палатой или избой, тогда какъ названіе Посольскаго *приказа* является уже позже—въ 1576 г.⁷⁾, Посольская палата—въ 1566 г.⁸⁾, Посольская изба—въ 1572 г.⁹⁾ и въ 1564 г.¹⁰⁾. Однако, Успенскій указываетъ, что уже разрядныя книги 1556 г. упоминаютъ и о Посольской избѣ, и о Посольскомъ приказѣ; слѣдовательно, это учрежденіе существовало ужъ въ 50-хъ гг. XVI стол. за десять лѣтъ до постройки новаго зданія для приѣма пословъ. Названія: Посольскій приказъ, изба

¹⁾ Въ записныхъ разрядныхъ книгахъ Посольскій пр. значится (какъ и многіе другіе) только съ начала XVII в., а именно—1627 г.

²⁾ Ор. сѣт., стр. 307.

³⁾ А. А. Э., I, № 289, лш. 18 „а въ немъ книги королей Литовскихъ.“, сверху отлѣчено: „75 (т. е. 7075) июля въ 12, въ Посольскую палату взялъ Оудрей“ (въ руко-Щелкаловъ).

⁴⁾ А. А. Э., II, № 20.

⁵⁾ „Исторія Россіи“, т. VII, гл. IV, стр. 633.

⁶⁾ „В. Дума“, стр. 171.

⁷⁾ Памят. Двиз. Сношеній, т. I, стр. 505.

⁸⁾ Сб. П. Р. II. Общ. I, XXXI, стр. 420—421.

⁹⁾ Р. Ист. Сб., т. II, стр. 50.

¹⁰⁾ Датскіе статейныя списки, кн. I, л. 396 (см. Лихачева „Библ. и Архивъ“, стр. 70, прим.).

палата въ XVI в. употребляются одно вмѣсто другого, безразлично ¹⁾). Посольская палата, по мнѣнію пр. Ключевского, въ своемъ качествѣ канцеляріи, является учрежденіемъ «очень легкимъ на подъемъ», сопровождаетъ царя въ его походахъ и путешествіяхъ. Пр. Ключевскій даже отождествляетъ, съ нѣкоторыми оговорками, Посольскую палату съ Походной палатой, упоминаемой въ 1564 г. ²⁾). Онъ считаетъ ее въ теченіе этого періода скорѣе личной канцеляріей государя по внѣшнимъ сношеніямъ, съ личнымъ секретаремъ — посольскимъ дьякомъ, — чѣмъ постояннымъ учрежденіемъ, Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ. Далѣе, проф. Ключевскій указываетъ на первоначальную тѣсную связь Посольскаго вѣдомства съ вѣдомствомъ казначеевъ и печатника (который являлся однимъ изъ казначеевъ); они хранили у себя въ казѣ въ числѣ другихъ грамотъ и актовъ и дипломатическія документы, на нихъ же часто возлагались дипломатическія порученія, особенно въ концѣ XV в. при Иванѣ III, печатникомъ котораго былъ ловкій и пронырливый дипломатъ-левантинецъ Юрій Трахакіотъ. «Приказъ казначея служилъ первоначально архивомъ и канцеляріей думы по дипломатическимъ дѣламъ» ³⁾, а затѣмъ уже для нихъ образовалось особое отдѣленіе думской канцеляріи.

Противъ взгляда пр. Ключевского, отстаивающаго позднее возникновеніе Посольскаго приказа, какъ самостоятельнаго учрежденія, выступилъ г. Лихачевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ: «Разрядные дьяки XVI столѣтія» (стр. 61—69) и «Библиотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи» (стр. 67—80).

Признавая, что прямыхъ доказательствъ существованія Посольскаго приказа съ начала XVI стол. мы не имѣемъ, онъ старается констатировать существованіе въ этотъ періодъ *посольскихъ дьяковъ*, считая возможнымъ изъ ихъ наличности заключать о существованіи и самого приказа. Посольскими дьяками г. Лихачевъ считаетъ тѣхъ дьяковъ, которые принимаютъ у пословъ грамоту, ведутъ съ послами переговоры (но обыкновенно не одни, а съ боярами и съ прочими думными дьяками) ⁴⁾, даютъ посламъ «отвѣтные списки» ⁵⁾ — (почему иногда самая Посольская палата на-

¹⁾ Англійскіе статейные списки, № 1. Списокъ посольства Дж. Флетчера; въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

²⁾ А. А. Э., I, стр. 346.

³⁾ «В. Дума» стр. 178.

⁴⁾ Библи. и Архивъ стр. 78.

⁵⁾ Турецкіе статейные списки 27 февраля 1515 г. (книга I): «и на чѣмъ наши бояре съ послами уговорятъ и въ концѣ дѣла учинятъ и тому дадутъ списки отвѣтные дьяки наши».

зывается *Отъёмною*)¹⁾, надзирають за написаніемъ перемпрныхъ и договорныхъ грамотъ, къ которымъ приходятъ съ докладами пристава пословъ и которые сами докладываютъ Посольскія дѣла государю²⁾.

Такихъ дьяковъ, специально управлявшихъ посольскими дѣлами, г. Лихачевъ находитъ еще въ концѣ XV вѣка — прежде всего въ лицѣ извѣстнаго дипломата и сподвижника Пвана III, дьяка Феодора Курицына (онъ упоминается въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній между 1486 и 1500 гг.); онъ восстанавливаетъ даже по документамъ³⁾ вѣроятный составъ Посольскаго приказа или, скорѣе, списокъ всѣхъ извѣстныхъ ему посольскихъ дьяковъ (или такихъ, которыхъ онъ считаетъ посольскими по характеру ихъ функций) за весь XVI вѣкъ—отъ 1484 г. до 1613 г. (Посольскими дьяками конца XV в., кромѣ Ф. В. Курицына, г. Лихачевъ считаетъ дьяковъ Андрея Одинца—съ 1488 по 1490 въ Пам. Дипл. Снош.,—Андр. Феод. Майко—1494—1501, Болдыря Паюсова—1494—подъячій, дьякъ съ 1501 по 1508 г. и Дан. Кипр. Мамырева—1497—1503). Несомнѣнно, что еще въ концѣ XV в. были дьяки (притомъ обыкновенно не одинъ, а два или три одновременно), специально или преимущественно вѣдавшіе посольскія дѣла, сношенія съ иностранными державами, и при нихъ были даже и подъячіе, («а съ Губою (Моклоковымъ) посланъ въ подъячійхъ Алексѣйко Малой Гридинъ сынъ Щеквина, Феодора *подъячей* Курицына...» 1503 г.)⁴⁾.

Но существовало-ли въ самомъ началѣ XVI вѣка центральное учрежденіе, вѣдавшее всѣ дипломатическія сношенія, или упомянутые дьяки являлись отдѣльными лицами, которымъ князь поручалъ дипломатическія дѣла, но которые могли въ то-же время исполнять и другія порученія самаго различнаго свойства? или же, наконецъ, тогда уже образовалась постоянная личная канцелярія царя по посольскимъ дѣламъ, изъ которой современемъ могъ развиться Посольскій приказъ? (Напр., дьякъ Труфанъ Ильинъ, отправляя въ 20-хъ гг. XVI вѣка обязанности «посольскаго дьяка», подписываетъ однако въ 1524 г. *помыстныя грамоты*⁵⁾, почему самъ г. Лихачевъ въ другомъ мѣстѣ считаетъ его *помыстнымъ дьякомъ*⁶⁾; Данило Мамыревъ въ самомъ началѣ XVI вѣка былъ *казеннымъ*

¹⁾ Дѣла Посольскія, кн. XIV, л. 175—176, 1588 г., июля 2.

²⁾ „Библи. и Архивъ“ стр. 74.

³⁾ Въ прилож. къ своему изслѣдованію „Библи. и Архивъ“, стр. 87—152.

⁴⁾ С. И. Р. Н. Общ. XXXV, стр. 418.

⁵⁾ Писцовая книга XVI в., т. I, отк. II, Тверь; стр. 178.

⁶⁾ „Разр. дьяки“, стр. 268, прил.

дьякомъ — въ этомъ качествѣ онъ упоминается въ завѣщаніи Ивана III; въ дипломатическихъ документахъ имя его встрѣчается въ періодъ отъ 1497 до 1503 г.; дьякъ Меньшой Путятинъ былъ въ 1520 г. дворцовымъ дьякомъ¹⁾; въ веденіи дипломатическихъ сношеній онъ участвуетъ въ теченіе долгаго періода отъ 1515 до 1539 г.; за нѣсколько лѣтъ до Путятина дворцовымъ дьякомъ былъ Губа (Тимофей) Моклоковъ, придворецомъ Челяднинъ²⁾; онъ же (Моклоковъ) участвовалъ въ посольскихъ сношеніяхъ отъ 1508 до 1515 г.

Г. Лихачевъ полагаетъ, что выраженіе: «ящикъ такой то, а въ немъ списки такіе-то (книги посольныя, грамоты Посольныя...) при дьякѣ такомъ-то»³⁾ столь часто встрѣчающееся въ Описи царскаго архива, надо понимать, какъ замѣну фразы: «Посольскіе списки, писанные (или полученные) во время управленія Посольскимъ приказомъ дьяка такого-то. (Въ 72-мъ ящикѣ упоминается дьяка Андрей Θεод. Майко, дипломатическая дѣятельность котораго обнимаетъ 1494—1501 г. и который за это время⁴⁾ всегда упоминается на второмъ мѣстѣ послѣ дьяка Курицына; въ 64-мъ ящикѣ дьякъ Лука Семеновъ, ведшій переговоры съ послами — съ 1508 по 1512 г.; наконецъ въ ящикѣ 139 — извѣстный дипломатъ Ивана IV, впоследствии печатникъ—Ив. Мих. Виссоватовъ). Но необходимо ли это выраженіе описи понимать именно въ вышеуказанномъ смыслѣ,—какъ доказательство существованія уже въ то время центрального дипломатическаго учрежденія? Всѣ изслѣдованія г. Лихачева, по нашему мнѣнію, только доказываютъ, что въ концѣ XV, началѣ XVI в. дипломатическое вѣдомство уже начало обособляться отъ другихъ центральныхъ вѣдомствъ и въ это время только подготовлялось образованіе центрального учрежденія, которое должно было стать въ главѣ Посольскаго вѣдомства. Въ пользу своего мнѣнія о существованіи посольскаго приказа уже при Иванѣ III, г. Лихачевъ приводитъ еще и то соображеніе, что «ядро» извѣстнаго «царскаго архива», опись котораго сохранилась въ А. А. Э., I, № 289, состояла изъ дѣлъ Посольскаго приказа, и самый архивъ, хотя и хранился, вѣроятно, на Казенномъ дворѣ, находился въ завѣдываніи Посольскихъ дьяковъ. Однако, самъ же г. Лихачевъ говоритъ⁵⁾, что кромѣ различныхъ дипломатическихъ документовъ, въ архивѣ хранились «дѣла по государственному управленію вообще, судебныя, акты соборовъ, политическія сыск-

См. Лихачевъ „Разр. дѣлѣ“ стр. 45. (Древніе грамоты и акты Рязанскаго архива, изданіе Пискарева, № 18, стр. 14—23).

Ibidem.

Напр. А. А. Э., т. I, № 289, лст. 64, 72, 139.

„Библи. и Архивъ“, стр. 66.

ныя дѣла, судныя дѣла, вершенныя боярской думой», а также «акты, касающіеся главы Государства,—Государя и его предковъ»; наконецъ, въ ящикахъ упоминаются имена не только «посольскихъ» дьяковъ, но и такихъ, которые не имѣли никакого отношенія къ Посольскому вѣдомству. Слѣдовательно, по своему составу упомянутый архивъ далеко не былъ архивомъ исключительно или даже преимущественно дипломатическимъ, а скорѣе, по опредѣленію самого г. Дяхачева, архивомъ «государственно-политическимъ» и завѣдовалъ имъ, по всей вѣроятности, не посольскій дьякъ, а *печатникъ*, «канцлеръ» того времени (какъ и называютъ его иностранцы), одинаково вѣдавшій внѣшнія и внутреннія «политическія» дѣла, все, что такъ или иначе относилось до власти самого Государя, до его чести и царственныхъ правъ. Этотъ-то печатникъ и явился естественнымъ хранителемъ государственнаго архива, находившагося на Казенномъ дворѣ. Впослѣдствіи, когда печатникомъ сдѣлался посольскій дьякъ Висковатовъ, онъ и сталъ завѣдывать Государственнымъ архивомъ, но именно въ качествѣ печатника, а не въ качествѣ посольскаго дьяка; въ качествѣ печатника онъ и производилъ опись всего царскаго архива ¹⁾, а не только посольскихъ дѣлъ ²⁾. Дьякъ же Андрей Васильевъ (стоялъ во главѣ Посольскаго приказа съ 1563 года), такъ же, какъ его преемникъ въ Посольскомъ приказѣ, Андрей Щелкаловъ, (съ января 1571 года), производили уже перепись *только* посольскихъ дѣлъ, какъ это и видно изъ переписной книги дѣлъ Посольскаго приказа, составленной въ 1626 г. ³⁾; эта книга, говоря о переписи, произведенной Щелкаловымъ, ссылается только на «старую переписную тетрадь дьяка Овдрея Васильева», но ничего не говоритъ о переписи, произведенной Висковатовымъ. Дѣло въ томъ, что какъ Васильевъ, такъ и А. Щелкаловъ—оба были Посольскими дьяками (а Щелкаловъ кромѣ того—и казначеемъ), но ни одинъ изъ нихъ не былъ печатникомъ, почему и не могъ завѣдывать Государственнымъ архивомъ, а завѣдывалъ только специальнымъ—Посольскимъ.

Связь должности печатника съ посольскимъ вѣдомствомъ.

Именно въ должности печатника и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать связующее звено между посольскимъ и казеннымъ вѣ-

¹⁾ А. А. Я., I, 269, стр. 83 б: «по Ивановымъ книгамъ Михайлова тотъ ящикъ у Государя».

²⁾ «Разр. дѣла», стр. 63—64.

³⁾ Арх. Министр. Иностр. Дѣл, переписная книга № 2, л. 386.

домствами, которые сами по себѣ имѣли мало общаго между собой. Важнѣйшею обязанностью печатника въ началѣ XVI вѣка и было именно храненіе государственныхъ грамотъ, къ которымъ онъ же и прикладывалъ печать великаго князя. Онъ не былъ, въ сущность говоря, ни дипломатомъ, ни казначеемъ въ обыденномъ смыслѣ слова, но благодаря тому, что хранилъ «казну», состоявшую, правда, не изъ золота, мѣховъ и самоцвѣтныхъ камней, но изъ вещей не менѣе важныхъ и цѣнныхъ—важнѣйшихъ государственныхъ грамотъ и актовъ всякаго рода, онъ становился въ близкое отношеніе съ вѣдомствомъ Казеннаго двора, такъ какъ гдѣ же удобнѣе и сохраннѣе было хранить эту пергаментную и бумажную казну, какъ не на томъ же Казенномъ дворѣ, на которомъ хранились и драгоценности великаго князя. Итакъ, печатникъ, храни государственную казну, или, по нашему, государственный архивъ, сдѣлался самъ «казначеемъ», почему въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка мы видимъ напр., что одно и тоже лицо—Юрій Дм. Траханиотъ—называется безразлично то печатникомъ, то казначеемъ. Слово «казна» имѣло тогда гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ теперь; казначеемъ въ нашемъ смыслѣ слова былъ въ то время Дм. Влад. Ховринъ-Овца, хранившій разную княжескую «рухлядь».

Не будучи, строго говоря, дипломатомъ, печатникъ естественно становился однако въ самую тѣсную связь съ посольскимъ вѣдомствомъ, такъ какъ хранилъ всѣ дипломатическіе документы въ своей казнѣ; въ XIV—XV вв., когда еще не существовало центральныхъ учреждений и даже *спеціальныхъ* центральныхъ *органовъ* по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, онъ силою вещей являлся *единственнымъ* центральнымъ органомъ по дипломатическому вѣдомству: если надо было отправить пословъ въ какое-нибудь иностранное государство, составить для нихъ инструкцію, наставленіе,—какъ вести себя, что говорить,—гдѣ было для всего этого искать указаній? Конечно, въ княжеской казнѣ, въ которой печатникъ хранилъ старыя грамоты, заключавшія прецеденты на всевозможные случаи дипломатической практики. Послы и самъ великій князь руководились этими прецедентами, а за справками должны были обращаться къ печатнику; онъ, такимъ образомъ, поневолѣ знакомился съ хранящимися въ казнѣ дипломатическими актами и прибрѣталъ извѣстный дипломатическій навыкъ, хотя, конечно, скорѣе теоретическій, чѣмъ практический. Но *малою* посольскаго вѣдомства, завѣдывающимъ внѣшними сношеніями, онъ въ то время не былъ: онъ не снаряжалъ посольства, не велъ *ex officio* переговоровъ съ иностранными послами, приѣзжавшими въ Москву. Эти обязанности возлагались на различныхъ дьяковъ, каждый разъ по особому порученію государя; чаще всего

такое порученіе, разумѣется, возлагалось на дьяковъ, приближенныхъ къ Государю, «ближнихъ» или «введенныхъ», напр. на Феод. Курицына—при Иванѣ III; Курицынъ не былъ, однако, печатникомъ и не завѣдывалъ дипломатическимъ архивомъ, который составлялъ тогда только часть общаго государственнаго архива. Въ помощники дьякамъ «введеннымъ» при переговорахъ съ послами назначали двухъ или трехъ простыхъ дьяковъ (такими дьяками, принимавшими второстепенное участіе въ переговорахъ, но не ведшими ихъ самостоятельно, были напр.: А. Ѡ. Майко и Болдырь Паюсовъ).

На тѣсную связь должности печатника съ дипломатическимъ вѣдомствомъ указываютъ и пр. Ключевскій ¹⁾ и пр. Сергѣевичъ ²⁾. Но пр. Ключевскій какъ будто не различаетъ казначея отъ печатника; изъ его словъ выходитъ, что казенное вѣдомство вообще находилось въ тѣсной связи съ дипломатическимъ. Правда, и казначей (напр. Ховринъ-Овца) посылались иногда послами въ сѣдвія государства, но посломъ великій князь могъ отправить, кого хотѣлъ, кому онъ больше довѣрялъ, и это одно обстоятельство еще не указываетъ на связь двухъ «столь различныхъ» (по собственному выраженію пр. Ключевскаго) вѣдомствъ, какъ посольское и вѣдомство казеннаго двора.

Такой связи, по нашему мнѣнію, вовсе и не было, а было только тѣсное отношеніе къ посольскому вѣдомству должности печатника, который тоже назывался «казначеемъ», потому что хранилъ архивную казну; эта связь была основана на фактѣ храненія печатникомъ посольскихъ дѣлъ. Вся же неясность и запутанность въ этомъ вопросѣ о связи посольскаго и казеннаго вѣдомствъ и о мѣстѣ храненія государственнаго архива происходитъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ отъ недостаточно точнаго разграниченія двухъ различныхъ значеній слова «казна», означавшаго тогда вообще всякое собраніе цѣнностей и мѣсто ихъ храненія. Но цѣнности эти могли заключаться или въ цѣнномъ имуществѣ, или въ цѣнныхъ бумагахъ; изъ «казны», какъ мѣста храненія княжескаго имущества, возникли съ теченіемъ времени два центральныхъ финансовыхъ учрежденія: *дворцовое* — Казенный приказъ (во главѣ котораго и впоследствии всегда стояли казначей) и *государственное* — Большая Казна; изъ «казны» въ смыслѣ государственнаго архива, во главѣ котораго стоялъ печатникъ, *выдѣлилось* впоследствии центральное дипломатическое учрежденіе, Посольскій приказъ. При возникновеніи этого учрежденія—въ 50-хъ гг. XVI в., во главѣ

¹⁾ „Б. Дума“, стр. 172—173.

²⁾ „Юр. древности“, т. I, стр. 475—476, прим.

его стоялъ *печатникъ* (И. М. Висковатовъ). Хотя впоследствии лица стоявшія во главѣ Посольскаго Приказа, не имѣли званія печатника, однако сознание тѣсной внутренней связи этой должности съ Посольскимъ приказомъ всегда было живо въ Московскихъ правительственныхъ сферахъ: стоило стать во главѣ Посольскаго приказа лицу вліятельному и заслуженному (напр. Вас. Щелкаловъ)—и оно получало званіе печатника, которое вообще считалось въ XVI вѣкѣ высшей почестью, которой могъ достичь дьякъ, не выходя изъ рядовъ дьячества. Въ срединѣ XVII вѣка должность печатника окончательно слилась съ должностью начальника Посольскаго приказа.

Начало Посольскаго приказа, какъ вполне сложившагося учрежденія, мы полагаемъ возможнымъ отнести къ 50-мъ годамъ XVI стол., когда во главѣ дипломатическаго вѣдомства сталъ печатникъ И. М. Висковатовъ, а въ дипломатическихъ актахъ ¹⁾ впервые появляется «*дьячья изба* Ив. Михайлова» (1556 г.), въ которой царь «*велѣлъ быти*» Литовскому послу; это, очевидно, не частное жилище дьяка Висковатова, но помѣщеніе дипломатическаго учрежденія, въ которомъ ведутся официальные переговоры съ послами. Упоминаніе «*дьячьей избы*» въ 1556 г. и «*посольной избы*» въ 1564 г. ²⁾ опровергаетъ мнѣніе пр. Ключевского (основанное на извѣстіи Александрo-Невской лѣтописи), будто въ 1565 г. *первые* была построена Посольская изба и вмѣстѣ съ нею возникло и самое учрежденіе, ставшее во главѣ дипломатическаго вѣдомства; наоборотъ, подтверждается мнѣніе г. Дихачева, что выстроенная въ 1565 г. «*Иза*» была только *новымъ* помѣщеніемъ для учрежденія, существовавшаго уже раньше.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о времени возникновенія Посольскаго приказа, какъ сложившагося уже учрежденія, намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ старый взглядъ автора статьи о приказахъ въ Вивлюоніи и пр. Гавр. Успенскаго, которые относятся образованіе Посольскаго приказа къ 50-мъ гг. XVI стол., а Ив. Мих. Висковатова считаютъ его первымъ начальникомъ. Но постепенное выдѣленіе посольскаго вѣдомства изъ общаго центрального управленія—параллельно съ выработкой извѣстныхъ общихъ началъ въ дипломатической дѣятельности московскаго правительства въ сношеніяхъ съ иностранными державами и въ приемахъ пословъ—шло медленно и постепенно въ теченіе конца XV в. и всей первой половины XVI вѣка.

¹⁾ Сб. И. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 533.

²⁾ Датскіе статейные списки, кн. I, л. 407. (см. Дихачева „Библия и Архивъ“ стр. 69).

Вопросъ о времени выдѣленія отдѣльнаго дипломатическаго вѣдомства (которое, безъ сомнѣнія, охватывало довольно продолжительный періодъ) нужно отдѣлить отъ вопроса о времени возникновенія центрального учрежденія, ставшаго во главѣ этого вѣдомства. Отдѣльными же лица, какъ Курицынъ, могли вѣдать посольскія дѣла и гораздо раньше 50-хъ гг. XVI вѣка. Не соглашаясь съ г. Лихачевымъ, который относитъ начало Посольскаго приказа ко времени Ивана III, мы не можемъ согласиться и съ мнѣніемъ проф. Ключевского, относящаго его ко времени слишкомъ позднему подъ вліяніемъ своей теоріи о возникновеніи приказовъ изъ отдѣленія думской канцеляріи. Г. Лихачевъ справедливо возражаетъ противъ его мнѣнія о томъ, что Посольскій приказъ еще во времена управления имъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ сохранялъ характеръ личной подвижной канцеляріи царя, сопровождавшей его въ полномъ составѣ въ его отлучкахъ изъ Москвы. Лихачевъ указываетъ ¹⁾, что если царя и сопровождалъ для личныхъ докладовъ дьякъ, управлявшій Посольскимъ приказомъ, то это не значитъ, чтобы его сопровождало все учрежденіе in concreto: учрежденіе оставалось въ Москвѣ и дѣла въ немъ шли обычнымъ порядкомъ. Иногда и дьякъ, управлявшій приказомъ, не сопровождалъ Государя: Иванъ Грозный, сидя въ Александровской Слободѣ, принималъ тамъ пословъ, но Посольскій приказъ оставался въ Москвѣ, что видно изъ переписки между этими учрежденіемъ и царемъ. Печатникъ Висковатовъ (назначенъ печатникомъ въ 1563 г.—послѣ Никиты Фуникова - Курцова), по нашему мнѣнію, былъ первымъ лицомъ, поставленнымъ, такъ сказать, *de jure*, официально во главѣ Посольскаго вѣдомства (раньше же встрѣчаемъ только лицъ, *de facto* стоящихъ во главѣ этого вѣдомства)—и сейчасъ же вокругъ него образовалось постоянное центральное учрежденіе; это произошло, вѣроятно, около 1556 г., хотя въ качествѣ дьяка Висковатовъ упоминается еще въ 1549 г. (подъячимъ онъ былъ еще въ 1542 г.) ²⁾; въ 1553 г. онъ уже дѣлается вліятельнымъ совѣтникомъ Грознаго ³⁾, а въ 1554 г. уже является, очевидно, старшимъ изъ дьяковъ, ведущихъ переговоры съ Литовскими послами ⁴⁾ «Діячя изба Ивана Михайлова», гдѣ великій князь велѣлъ литовскому послу «дождатися стола», упоми-

¹⁾ „Разр. дѣла“, стр. 65.

²⁾ Сб. И. Р. Н. О., т. LIX, стр. 163 и 296.

³⁾ О его роли при составленіи духовной Ивана IV и приведеніи бояръ къ присягѣ въ 1553 г. см. Сб. И. Р. Н. О., т. LIX стр. 338—344.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 442.

нается въ 1556 г. (7 октября)¹⁾, а затѣмъ — въ 1560 г.²⁾ Еще въ 1542 г. встрѣчается извѣстіе о томъ, какъ «приставъ Василей посломъ молыгъ, чтобы пошли, да шелъ съ ними въ дьячіе избы... и тутъ въ избахъ послы дожидалися стола»³⁾.—По всей вѣроятности, эти «дьячіе избы» не частныя жилища, а спеціальныя помѣщенія для приѣма пословъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для занятій дьяковъ по составленію и переписыванію грамотъ.

2. Полонянничій приказъ.

Во второй половинѣ XVII стол. въ 1668 г., появляется, въ тѣсной связи съ Посольскимъ приказомъ, учрежденіе, имѣвшее значеніе центральной кассы, въ которую поступали со всего Государства *полонянничныя* деньги, шедшія на выкупъ плѣнныхъ; расходъ этихъ денегъ производился Посольскимъ приказомъ. Но въ качествѣ *отдѣльнаго*, хотя и не самостоятельнаго учрежденія, *Полонянничій приказъ* существовалъ всего два года—отъ 1668 до 1670 г. Въ 1670 г. онъ былъ приписанъ къ Посольскому приказу, а въ 1678 г.—къ Земскому⁴⁾. Полонянничій приказъ былъ скорѣе кассой Посольскаго приказа, чѣмъ особымъ центральнымъ учрежденіемъ.

3. Печатный приказъ.

Мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ приказѣ, — *Печатномъ*,—въ виду его тѣсной связи съ первоначальнымъ вѣдомствомъ печатника, хотя его и нельзя причислить къ группѣ приказовъ дипломатическихъ.

Кромѣ Посольскаго приказа, имѣвшаго только случайную связь съ вѣдомствомъ печатника, непосредственно изъ этого вѣдомства образовалось еще другое учрежденіе съ болѣе узкимъ и спеціальнымъ кругомъ обязанностей: это былъ *Печатный приказъ*, удостоверявшій приложеніемъ печати всякіе акты, выдаваемые частнымъ лицамъ въ Москвѣ (въ областяхъ это дѣлала приказныя избы) и бравшій съ нихъ за это печатныя пошлины; печатныя пошлины, взимаемыя въ областяхъ, также присылались въ Москву, въ Печатный приказъ. Невольно отнесъ это учрежденіе къ

¹⁾ П., стр. 532.

²⁾ П., стр. 622.

³⁾ П., стр. 148.

⁴⁾ Вавл., т. XX, стр. 357; Котом., гл. VII, ст. 2.

приказамъ «по управленію дѣлами благочинія». По нашему мнѣнію, въ XVII столѣтіи этотъ приказъ можно скорѣе отнести къ разряду учрежденій по финансовому управленію, такъ какъ онъ служилъ прежде всего фискальнымъ цѣлямъ московскаго правительства, хотя въ то же время онъ имѣлъ, конечно, и характеръ нотаріальнаго учрежденія, удостовѣряющаго подлинность и юридическую силу документовъ. Но прежде всего «печатаніе» грамотъ являлось однимъ изъ многочисленныхъ источниковъ косвенныхъ доходовъ правительства. Печатный приказъ возникъ, вѣроятно, довольно рано (такъ думаетъ и Неволнинъ)¹⁾, хотя самое названіе его является только въ XVII вѣкѣ. При маломъ распространеніи грамотности и незнакомствѣ населенія съ установленными формами юридическихъ актовъ, необходимо должна была сказаться потребность въ такомъ учрежденіи, гдѣ бы лица, знакомыя съ дѣлопроизводствомъ и со всѣми юридическими формами того времени, составляли всевозможные акты для частныхъ лицъ и тутъ же удостовѣряли бы ихъ приложеніемъ печати. Такъ какъ приложеніе печати ко всѣмъ государственнымъ актамъ было дѣломъ печатника, то естественно, что дьяки, прикладывавшіе печати къ частнымъ актамъ и взимавшіе за то пошлины, находились подъ его начальствомъ и мало по малу сгруппировались вокругъ него въ постоянное учрежденіе, которое сначала носило названіе *Печатнаго двора* (въ записныхъ разрядныхъ книгахъ, по Вивліонюнкъ, Печатный дворъ значится съ 1665 по 1686 г.), а затѣмъ — Печатнаго приказа. Новиковъ (на котораго ссылается авторъ статьи въ Вивліонюнкъ), а вслѣдъ за нимъ и Неволнинъ, относятъ появленіе этого приказа къ 1611 г., такъ какъ въ этомъ году, по словамъ Новикова, впервые значится по списку «думный дьякъ и печатникъ Иванъ Грамотный»; но мы знаемъ, что печатники занимали выдающееся положеніе въ центральномъ московскомъ управленіи еще въ концѣ XV вѣка (Юрій Дм. Траханиотъ), и что многіе изъ нихъ — Фуниковъ, Висковатовъ, Василій Щелкаловъ — хотя не носили названія «думнаго дьяка», не существовавшаго въ XVI в., однако присутствовали въ царской думѣ. Поэтому вѣтъ никакого основанія считать именно 1611 г. годомъ основанія Печатнаго приказа.

О территоріальныхъ приказахъ, прямо подчиненныхъ Посольскому или зависящихъ отъ него, мы будемъ говорить позже, когда коснемся вопроса о возникновеніи территоріальныхъ приказовъ вообще.

¹⁾ Т. VI, стр. 168.

С. Приказы по внутреннему управленію.

Общій взглядъ на ихъ возникновеніе.

Теперь мы перейдемъ ко второй группѣ приказовъ по общему управленію, начало которыхъ слѣдуетъ относить ко времени административной реформы 50-хъ годовъ XVI стол.; но окончательно сложились эти приказы только въ 70-хъ и 80-хъ, а нѣкоторые даже въ 90-хъ годахъ этого столѣтія, когда вкругъ ихъ вѣдомства вполне опредѣлился. Какъ уже сказано, приказы эти возникли въ связи съ реформой 50-хъ годовъ. Сообразно самому характеру этой реформы, судебно-финансовому, приказы эти можно раздѣлить на двѣ группы: *административно-финансовыя* (Большой приходъ, Помѣстный приказъ¹⁾, Дворцовый Четвертый приказъ и Четвертый) и *административно-судебныя* (Разбойный приказъ, Холопій судъ и четыре областныхъ судныхъ приказа).

Приказы финансовыя, испытавъ на себѣ сильное вліяніе реформы внутренняго управленія, поскольку она изъяла изъ рукъ намѣстниковъ сборъ разныхъ государственныхъ доходовъ и передала его общинамъ, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе упразднила намѣстническое управленіе, замѣнивъ его земскимъ, возникли однако не столько благодаря этой реформѣ *самой по себѣ*, сколько подъ вліяніемъ потребностей военнаго управленія; или, вѣрнѣе, сама финансовая реформа 50-хъ гг.,—отмѣла кормленій и установленіе вмѣсто нихъ денежнаго жалованья и помѣстной раздачи ратнымъ людямъ,—была вызвана настоятельной необходимостью реорганизациі нашихъ военныхъ силъ и системы содержанія и вознагражденія служилыхъ людей.

Потребности обороны страны уже вызвали образованіе Разряда, какъ центрального учрежденія для организациі этой обороны; Разрядъ вѣдалъ служилое сословіе, доставлявшее *личныя* средства для этой обороны. Но необходимы были еще и *денежныя* средства: прежде всего для экономическаго обезпеченія того же служилого сословія, затѣмъ—для содержанія новаго постояннаго войска (стрѣльцовъ, пушкарей, иноземцевъ, казаковъ). Эта необходимость во всякомъ случаѣ должна была вызвать *центральныя* финансовыя учрежденія того или другого рода, и независимо отъ реформы внутренняго управленія, такъ какъ въ организациі новаго постояннаго

¹⁾ Который впрочемъ возникъ отчасти подъ вліяніемъ нуждъ военнаго управленія, отчасти подъ вліяніемъ реформы кормленій въ 1556 г.

войска централизація была неизбежна; сборъ доходовъ, шедшихъ на покрытие расходовъ по содержанію этихъ войскъ, долженъ былъ сосредоточиться въ Москвѣ, въ какомъ нибудь центральномъ учрежденіи, уже существовавшемъ раньше или специально для этой цѣли созданномъ. Реформа 50-хъ гг. только придала большинству этихъ учреждений ту своеобразную форму «Четей», въ какой они просуществовали до конца XVII столѣтія,—форму учреждений территориально-финансовыхъ, къ которымъ вскорѣ перешло множество функций судебныхъ и административныхъ, учреждений *центральных*—по мѣсту нахождения, *территориальных*—по распространенію своей компетенціи, по съ распределеніемъ предметовъ управленія по *реальной* системѣ, такъ какъ они вѣдали первоначально *только одну* отрасль управленія—сборъ доходовъ, и то опредѣленнаго свойства, а не всѣхъ безъ различія. Это были *центральныя классы* для сбора доходовъ съ *известной* территоріи ¹⁾. По характеру своему Чети болѣе походятъ на *местныя учреждения*, но дѣйствовали онѣ *изъ центра*. Но учреждениями *областными* въ томъ смыслѣ, будто бы онѣ вѣдали извѣстную территорію *во всѣхъ* отношеніяхъ, ихъ ни въ какомъ случаѣ назвать нельзя, особенно по отношенію къ XVI столѣтію. Вопреки Градовскому, первоначальное значеніе Четей было чисто финансовымъ, а областной характеръ онѣ получили только съ теченіемъ времени,—а не наоборотъ.

Помѣстный приказъ въ одинаковой степени испыталъ на себѣ вліяніе какъ необходимости матеріальнаго обезпеченія служилого класса, такъ и реформы 1556 г., измѣнившей *способъ* этого обезпеченія, замѣнившей, если не вполне, то отчасти, систему кормленій системою помѣстій. Судебные приказы созданы уже всецѣло подъ вліяніемъ реформы губнаго вѣдомства 30-хъ и 40-хъ годовъ и реформы 50-хъ гг., преимущественно, конечно, введенія института губныхъ старостъ и ограниченія судебной власти намѣстниковъ и волостелей по дѣламъ холопнымъ, уголовнымъ, земельнымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по *всѣмъ* дѣламъ, переданнымъ въ руки земскихъ судей и цѣловальниковъ. Для суда по дѣламъ, изъятымъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ, должны были явиться посредствующія инстанціи въ Москвѣ, вмѣсто исчезнувшихъ инстанцій въ области; такими инстанціями явились: Разбойный приказъ—по дѣламъ уголовнымъ, переданнымъ въ вѣдѣніе губныхъ старостъ, Холопій

¹⁾ См. Лаппо-Данилевскій „Организація прямого обложенія“, стр. 464—465. „Четверти въ XVII в. служили не конечною, а посредствующею инстанціею для поступленій“... „Онѣ принимали, хранили и выдавали деньги по предписанію... въ другія учреждения“.

судъ—по дѣламъ о холопствѣ, Помѣстный приказъ—по земельнымъ тяжбамъ. Затѣмъ, послѣ исчезновенія намѣстниковъ въ большинство областей и перехода суда по всѣмъ дѣламъ въ руки общинъ, явились въ Москвѣ посредствующія инстанціи по всѣмъ вообще дѣламъ, кромѣ изъятыхъ въ вѣдѣніе *особыхъ судныхъ* приказовъ. Роль такихъ посредствующихъ инстанцій между *думскимъ* и *областными* судомъ выпала на долю *областныхъ судныхъ* приказамъ (Рязанскому, Дмитровскому, Владимирскому и Московскому), возникшимъ уже въ царствованіе Феодора Іоанновича.

Скажемъ сначала о времени возникновенія финансовыхъ приказовъ XVI столѣтія, за исключеніемъ Помѣстнаго, о происхожденіи котораго намъ уже пришлось говорить, когда мы говорили о происхожденіи военныхъ приказовъ.

1. Приказы финансовые.

Тогда какъ вопросу о происхожденіи *Четей*—финансово-областныхъ приказовъ—посвящено много специальныхъ изслѣдованій и онъ давно уже обратилъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ, о происхожденіи двухъ старыхъ финансовыхъ учреждений, вѣдомство конхъ ограничивалось сначала предѣлами стараго московскаго княженія—*Большой Казны и Большого Прихода*—въ нашей исторической литературѣ говорится немного. Впрочемъ, въ послѣднее время изслѣдователи, разбиравшіе вопросъ о происхожденіи четей, по необходимости касались и вопроса о значеніи Большого Прихода въ серединѣ XVI столѣтія, о его отношеніи къ четямъ и о его происхожденіи. Прежде всего, мы видимъ, что оба упомянутыхъ финансовыхъ приказа дѣйствовали *первоначально* ¹⁾ исключительно въ предѣлахъ стараго московскаго княженія. Въ XVII в. она вѣдали различныя сборы съ торговли и промышленности, при чемъ *Большая Казна* собирала преимущественно *прямые сборы* съ городского населенія, занимавшагося торговлей и ремеслами ²⁾ и вообще вѣдала во всѣхъ отношеніяхъ торговыхъ людей, а *Большой Приходъ* собиралъ *косвенные сборы*: «таможенные пошлины, и мыто, и перевозъ, и мостовщину», также сборы «съ лавокъ и съ гостин-

¹⁾ Но не всегда, какъ думали прежде наши изслѣдователи (Неволинъ). Уже въ 80-хъ и 90-хъ гг. XVI стол. Большой Приходъ вѣдаетъ специальные сборы на общегосударственныя надобности съ *тѣхъ самыхъ городовъ*, съ которыхъ Четы собираютъ мѣстные сборы.

²⁾ Котомкинъ, гл. VII, ст. 9 «и собираютъ съ гостей и съ торговыхъ людей... тѣло, и подажи, и откуны, и иные сборы...» и въ томъ приказѣ вѣдомъ гости, и гостиная, и суконная сотня... и многихъ городовъ торговые люди...»

ныхъ дворовъ, и съ погребовъ, и съ мѣры, чѣмъ всякіе товары и питья мѣряютъ...¹⁾, а изъ прямыхъ сборовъ—ямскія и положнячныя деньги, пока для сбора ихъ не возникли особыя учрежденія (Ямской и Положнячный приказъ). Уже то обстоятельство, что вѣдомство Большой Казны и Большого Прихода было первоначально ограничено предѣлами псковныхъ владѣній Московскаго великаго князя, указываетъ на сравнительно раннее происхожденіе этихъ учреждений: и всѣ изслѣдователи²⁾, кажется, согласны въ томъ, что эти два приказа явились *раньше* Четей, вѣдавшихъ въ финансовомъ отношеніи области, позже присоединенныя къ Москвѣ; нѣкоторые³⁾ думаютъ даже, что вѣдомство четей *выдѣлилось* изъ вѣдомства Большого Прихода. Затѣмъ многіе⁴⁾ высказываютъ догадку о связи Большого Прихода съ вѣдомствомъ Большого Дворца, изъ котораго, по мнѣнію г. Милюкова, Большой Приходъ и выдѣлился со временемъ, когда доходы государственныя стали различаться отъ доходовъ дворцовыхъ; подобнаго воззрѣнія не чужды, по видимому, и пр. Лаппо-Даннлевскій, судя по его теоріи послѣдовательной смѣны руководящихъ принциповъ въ распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ: принципъ вотчинный смѣняется у него территориально-сословнымъ.

Существовала ли дѣйствительно тѣсная связь между Большимъ Дворцомъ и Большимъ Приходомъ?

Пр. Платоновъ въ своемъ изслѣдованіи: «Какъ возникли чети?»⁵⁾, по нашему мнѣнію, совершенно основательно отрицаетъ ее, такъ же, какъ и тождество Двороваго Большого Прихода и Двороваго Четвертого Приказа. Самое названіе *Двороваго* Большого Прихода, которое какъ бы указываетъ на все еще непрерывающуюся связь Большого Прихода съ дворцовымъ вѣдомствомъ, появляется впервые въ 1581 г.⁶⁾, между тѣмъ какъ названіе просто Большого Прихода, безъ эпитета «дворовой», встрѣчается еще въ 1564 г.⁷⁾ и 1568 г., а затѣмъ неоднократно въ 70-хъ гг. XVI столѣтія⁸⁾. Поэтому кажется весьма вѣроятнымъ, (какъ и думаютъ

¹⁾ *Ibid*, гл. VII, ст. 10.

²⁾ Согласны съ этимъ и Градовскій и пр. Лаппо-Даннлевскій, хотя такое допущеніе прямо противорѣчитъ принятой ими схемѣ трехъ моментовъ развитія московской централизаціи.

³⁾ Г. Милюковъ, „Госуд. Хоз.“, стр. 84, изд. 1892 г.

⁴⁾ Г. Лихачева „Разр. дьяки“, стр. 478 и г. Милюковъ „Гос. Хоз.“ стр. 84.

⁵⁾ Ж. М. Н. Пр., 1892 г., кн. V, стр. 160 и 166.

⁶⁾ А. А. Э. I, №№ 312 и 318, Д. А. Н. I, № 225.

⁷⁾ Ж. М. Н. Пр., V, 1892 г. стр. 166.—Кирилловъ монастырь платитъ въ Большой Приходъ „ямскіе и прмѣтные деньги...“ (Рукопись Арх. Комм., № 112, стр. 414 и 415). Тамъ же упоминается Большой Приходъ въ 1576 г. (*ib.*, стр. 570).

⁸⁾ Напр., въ 1578 г. по боярской книгѣ этого года—Визл. Т. XX.

пр. Платоновъ и г. Середонинъ)¹⁾, что терминъ «дворовый» происходитъ не отъ слова «дворецъ» въ смыслѣ вѣдомства Большого Дворца, а отъ слова «дворъ», какъ стала называться опричнина въ послѣдніе годы царствованія Грознаго. Не болѣе вѣроятнымъ кажется намъ и предположеніе г. Милюкова (тоже опровергнутое пр. Платоновымъ) о связи Большого Прихода съ Четвертями, будто бы сложившимися внутри его вѣдомства, какъ его отдѣленія и долго находившимися въ зависимости отъ него; прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Новгородская Четверть появляется въ документахъ гораздо раньше Большого прихода, первое упоминаніе Большого Прихода относится къ 1564 г., а «Нижегородская Четверть» существовала уже въ 1558 г., такъ какъ въ этомъ году въ боярской родословной упоминается подьячій этой четверти—Федка Низовцевъ сынъ Языковъ²⁾. (Въ одномъ документѣ XVII стол.³⁾ есть даже, по мнѣнію пр. Загоскина⁴⁾, указаніе на существованіе Новгородской Четверти съ дьякомъ Истомой Новгородовымъ еще въ 1545 г.: мы не можемъ согласиться съ такимъ толкованіемъ упомянутаго документа — подтвержденія нѣкоторыхъ правъ Мезенскихъ самоѣдовъ, дарованныхъ имъ въ 1545 г. (7048 г.) грамотой за подписью дьяка Истомы Новгородова и подтверждаемыхъ грамотой Михаила Феодоровича въ 1631 г.: здѣсь говорится только, что «самоединъ Меньшичко Апицынъ «положилъ» въ Новгородской Четверти передъ дьяки наши» Болтинымъ и Образцовымъ «жалованную грамоту блаж. пам. царя и в. кн. Ивана Вас. всея Руси 53 г., за приписью дьяка Истомы Новгородова»; (Новгородовъ вѣдалъ въ это время Мезень и Кевролу)⁵⁾. Во всякомъ случаѣ четверти являются одновременно съ Большимъ Приходомъ, даже нѣсколько раньше его, слѣдовательно, вполне отъ него независимо. Возникли же какъ онѣ, такъ и Большой Приходъ подъ вліяніемъ одной и той-же причины—административно-финансовыхъ реформъ 50-хъ гг.—и весьма скоро послѣ этихъ реформъ—въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Вѣдомство Четей и вѣдомство Большого Прихода складываются въ одно и то-же время, какъ два независимыя другъ отъ друга финансовыя вѣдомства для сбора двухъ различныхъ родовъ государственныхъ доходовъ: Чети собираютъ *обухъ* («кормленный окупъ») за «намѣстничьи и волостелины доходы» и идутъ эти деньги на жалованье ратнымъ людямъ,

¹⁾ „Сочиненіе Флетчера, какъ историческій источникъ“, стр. 244 и 252.

²⁾ Лихачевъ „Разр. дьяки“, стр. 578, пр. 2.

³⁾ А. А. Э. III, № 194.

⁴⁾ „Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Узарова“, стр. 201. (1892 г.)

⁵⁾ См. Лихачева „Разр. дьяки“ стр. 277. Новгородовъ сидѣлъ, вѣроятно, въ территориальномъ (а не финансовомъ) приказѣ.

вмѣсто прежнихъ кормленій ¹⁾; Большой же Приходъ собираетъ первое время «ямскіе и приметные деньги, и за городовое, и за за-сѣчное, и за емчужное дѣло» ²⁾, то есть опять таки деньги на военныя потребности, только не на жалованье войску, а на усиленіе средствъ обороны страны. Впослѣдствіи вѣдомства того и другого учрежденія (Четей и Большого Прихода) претерпѣли значительныя измѣненія, но для насъ важно именно ихъ первоначальное назначеніе—и вотъ, мы видимъ, что какъ Чети, такъ и Большой Приходъ могли возникнуть только *послѣ* реформы 1556 г., изъясвшея изъ рукъ намѣстниковъ сборъ различныхъ доходовъ и передавшей ихъ въ руки центрального правительства, мѣстными органами котораго явились теперь сами общины— и ³⁾ что эти финансовыя учрежденія возникли ради сбора средствъ на удовлетвореніе одной и той-же коренной потребности Московскаго государства—обороны отъ вѣнскихъ враговъ; только средства эти они получали изъ *разныхъ* источниковъ и, соотвѣтственно этому, шли эти средства на удовлетвореніе *разныхъ* сторонъ одной и той-же потребности.

Итакъ, Большой Приходъ, такъ же какъ и Чети, являются при самомъ возникновеніи своемъ финансовыми учрежденіями чисто публичнаго характера: они собираютъ доходы на обще-государственныя надобности; самые доходы эти возникли не изъ вотчинныхъ правъ князя, но изъ отношеній государственно-правовыхъ: отчасти изъ права служилаго сословія на кормленія (такъ возникъ «кормленый окупъ», собираемый Четами), отчасти изъ татарскаго ига («данная деньги», собираемая тоже Четами, и «ямскія», собираемая первоначально Большимъ Приходомъ), отчасти прямо изъ военныхъ потребностей молодого государства. Собираются эти доходы не съ дворцовыхъ крестьянъ, а съ черныхъ и владѣльческихъ, а также съ посадскихъ людей, т.-е. исключительно съ населенія, стоящаго въ непосредственныхъ податныхъ отношеніяхъ къ государству, а не ко дворцу. Поэтому намъ кажутся неосновательными всѣ догадки о первоначальной связи Большого Прихода съ Большимъ Дворцомъ или съ Дворовымъ Четвертнымъ Приказомъ (Чети появляются въ документахъ на 11 лѣтъ раньше Четвертнаго приказа, который упоминается впервые въ 1569 г. ⁴⁾), тогда какъ Нижегородская Четь—въ 1558 г. ⁵⁾ Зато этотъ послѣдній приказъ развился несомнѣнно изъ дворцоваго вѣдомства: онъ собираетъ подати съ земель, взятыхъ въ опричнину, т. е. опять таки въ частную

¹⁾ Никои. Лѣт., VII, 261.

²⁾ Рус. Арх. Комм., № 112, стр. 414—415.

³⁾ Ис. М. Н. Пр., 1892 г. V, стр. 164.

⁴⁾ „Разр. дѣла“, стр. 273, стр. 2.

собственность государя, подобно старому Дворцу: но подати эти были не частно-владельческого, а публичнаго характера; однако, подати, собираемыя въ одной и той-же мѣстности Большимъ Приходомъ и Дворовымъ Четвертнымъ приказомъ, всегда различаются въ документахъ (благодаря чему мы, вопреки г. Милюкову, не имѣемъ права смѣшивать эти два учрежденія). Въ 1569—1576 гг. съ Поморскихъ вотчинъ Кириллова монастыря въ Большой Приходъ шли ямскія и привѣтные деньги, оброкъ за городовое, за-сѣчное и смучное дѣло, въ Четвертной Приказъ—*оброчныя* деньги съ разныхъ угодій и промысловъ, обложенныхъ сборами ¹⁾.

Оба учрежденія существовали рядомъ, при чемъ ихъ вѣдомства не смѣшивались: каждое собирало опредѣленные доходы. Не смѣшивалось вѣдомство Большого Прихода и съ вѣдомствомъ областныхъ Четей, существовавшихъ несомнѣнно еще до учрежденія *отричныхъ*, тогда какъ Четвертной приказъ (Дворовый) явился подъ вліяніемъ превращенія опричнины въ «дворъ», слѣдствіемъ чего было измѣненіе ея характера: какъ уже сказано, Чети собирали преимущественно оброчныя (откупныя) деньги за разные платежи, которые прежде производились въ пользу *мѣстныхъ* правительственныхъ органовъ; какъ замѣтилъ г. Чечулинъ ²⁾, въ Чети шли, главнымъ образомъ, доходы *мѣстнаго* характера (напр., съ Можайска въ 1595—98 гг. шли въ Устюжскую четъ денежные четвертные доходы: за намѣстничъ и за постельничъ доходъ и за присудъ оброкъ и пошлины, оброкъ съ огородовъ, садовъ, бань и мельницъ, мѣховыя деньги (съ посадскихъ) и «подазаныя пошлины...»), а въ Большой Приходъ—доходы *общегосударственные* (съ Можайска въ Большой Приходъ за тѣ-же годы шли ямскія, приметныя, полоничныя, кормовыя и пищальныя деньги) ³⁾. Это подтверждаетъ наше мнѣніе, что чети были собственно мѣстныя учрежденія, перенесенныя въ центръ (по своему административному значенію, а не по историческому происхожденію: мы отнюдь не примыкаемъ къ взгляду Неволіна и Градовскаго, полагавшихъ, будто чети существовали первоначально, какъ мѣстныя учрежденія, въ областяхъ), вѣрнѣе, центральныя кассы для сбора *извѣстныхъ* доходовъ съ *извѣстныхъ* мѣстностей.

Итакъ, уже въ 60-хъ—70-хъ гг. XVI стол. мы видимъ строго выработанную «систематизацію поступленій» между различными центральными учрежденіями, ту систематизацію, попытка къ которой пр. Лаппо-Данилевскій думаетъ видѣть только въ XVII

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. ib., стр. 65—66.

²⁾ Города Моск. Государства въ XVI в. 1889 г. стр. 186—187.

³⁾ См. Чечулинъ, op. cit., стр. 186—187.

вѣкъ. Доходы дворцовые ¹⁾ рѣзко различаются отъ государственныхъ; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на доходы, имѣющіе специальное назначеніе (преимущественно—кромѣ ямскихъ и полоничныхъ—на военныя потребности) и на неимѣющіе такового: первые собираютъ Большой Приходъ и Чети, вторые идутъ въ Большую Казну (которая первоначально, вѣроятно, вѣдала все сборы съ городского населенія, съ торговли и промышленности, а потомъ сохранила за собой только прямыя сборы съ городского класса, а косвенныя (таможенныя, мытныя и т. д.) передала Большому Приходу: въ 1680 г. она получила ихъ обратно). Наконецъ, и поступления, имѣющія специальное назначеніе, дѣлятся между Большимъ Приходомъ и Четями, смотря по тому, имѣютъ ли они общегосударственное или мѣстное значеніе, идутъ ли на оборудованье войска матеріальными средствами или на содержаніе личнаго его состава—служилого класса. Такая систематизация государственныхъ доходовъ и распредѣленія ихъ по различнымъ учрежденіямъ могла явиться только послѣ реформъ 50-хъ гг., послѣ окончательнаго торжества государственнаго начала, или вѣрнѣе—центральной власти—надъ публичными правами служилого сословія. Только когда у этого сословія было отнято право самому непосредственно вознаграждать себя за службу и за отправленіе суда и право это перешло къ центральному правительству, могла возникнуть рубрика «четвертныхъ доходовъ»; а вмѣстѣ съ ними—и самыя Чети. Только при появленіи новыхъ родовъ постоянного войска, всецѣло зависящаго отъ центральнаго правительства, и при новой организаціи обороны страны, объединившей это дѣло въ рукахъ того же правительства, могли собратъся въ *одномъ* центральномъ учрежденіи для всего государства (Большой Приходъ) давно уже существовавшія, но крайне разнообразныя и прежде преимущественно натуральныя повинности воинскаго характера (городовое и засѣчное дѣло, пищальныя и емчужныя деньги и т. д.).

Наконецъ, самое выдѣленіе государственныхъ доходовъ отъ дворцовыхъ съ достаточной яркостью могло обнаружиться не раньше, чѣмъ *вся* функція собственно государственнаго управленія, а слѣдовательно — и *вся государственные* доходы собрались въ рукахъ центральнаго правительства: только будучи собраны во едино, они могли составить одно цѣлое и, какъ одно цѣлое, быть противопоставлены доходамъ дворцовымъ, которые тоже вѣдалсь центральными учрежденіями. Теперь, когда для сбора доходовъ публичнаго характера потребовались новыя отдѣльныя

¹⁾ Къ нимъ мы причисляемъ и доходы съ «дворовыхъ земель», т. е. взятыхъ въ опричнину.

учрежденія, ось публичные доходы сосредоточились въ этихъ учрежденіяхъ и были изъяты изъ вѣдѣнія дворцовыхъ приказовъ, почему эти послѣдніе составили особую, замкнутую группу, отличную отъ группы новыхъ финансовыхъ приказовъ съ государственнымъ характеромъ. Прежде многія финансовыя функціи публичнаго характера отправлялись казначеями, органами дворцоваго управленія, несомнѣнно частно-хозяйственнаго происхожденія. Такъ, казначей собирали таможенныя пошлины ¹⁾, ведомки денежныхъ пошлинъ ²⁾, штрафы за пользованіе фальшивыми мѣрами ³⁾; они же сдавали на откупъ пятинную и анбарную пошлины ⁴⁾. Затѣмъ сборъ доходовъ государственнаго характера,—напр. съ городского населенія,—перешелъ въ новое финансовое учрежденіе публичнаго типа—въ приказъ Большой Казны. Нельзя сказать, чтобы этотъ послѣдній приказъ непосредственно выдѣлился или образовался изъ дворцоваго Казеннаго приказа, съ которымъ его смѣшиваютъ Карамзинъ ⁵⁾ и Невозинъ ⁶⁾; но Большая Казна, несомнѣнно замѣнила старое вѣдомство казначеевъ (стоявшихъ во главѣ Казеннаго приказа) въ нѣкоторыхъ его функціяхъ, а именно—въ сборѣ доходовъ публичнаго характера.

Приказъ Большаго Прихода.

Точно опредѣлить время учрежденія Большой Казны, Большаго Прихода и Четей по намъ извѣстнымъ источникамъ нѣтъ возможности; можно только сказать, что возникли они подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформы 50-хъ гг. и очень скоро послѣ нея, не позже середины 60-хъ гг. XVI стол. Первое упоминаніе о Большомъ Приходѣ относится къ 1564 г. ⁷⁾, но можно думать, что еще въ 1554—56 гг. это учрежденіе, если еще не существовало, то уже складывалось подъ вѣдѣніемъ дьяка Третьяка. Митрофанова сына Карачарова, подпись котораго встрѣчается на грамо-

¹⁾ Д. А. И. т. I, № 101,—1556 г. и А. А. Э. I. № 263,—1563 г.

²⁾ Д. А. И., I, № 51, XIII—1555 г.

³⁾ Д. А. И., I, № 45—1550 г.

⁴⁾ Д. кз. А. И. I, № 74—1555 г. см. Сергѣевича, „Юрид. Древн.“, т. I, стр. 417.

⁵⁾ Т. IX, пр. 100 и 444.

⁶⁾ Т. VI, стр. 163—164.

⁷⁾ Рукопись Арх. Комм., № 112, стр. 414—415; см. также А. А. Э. I, №№ 262, 263 и 269;—дьяки Меньшой Мезеньтъевъ и Иванъ Булгаковъ. Прежде первымъ упоминаніемъ Большаго Прихода считалось извѣстіе боярской книги 1573 г. (Визл. 7. XX) Этотъ годъ указываетъ Невозинъ (т. VI, стр. 165) и пр. Владимірскаго Буданова („Обзоръ“, 157).

тахъ, отправленныхъ въ этомъ году изъ Москвы Новгородскимъ дьякамъ, при чемъ всѣ эти грамоты, числомъ пять ¹⁾, говорятъ о сборѣ и отдачѣ на откупъ различныхъ торговыхъ пошлинъ: тамги, пятинной, аубарной, вѣсчей, недоборныхъ таможенныхъ пошлинъ; только одна изъ грамотъ (№ 61) говоритъ о непроездѣ торговыхъ людей въ пѣмецкіе города безъ грамоты, подписанной Карачаровымъ. Какъ видимъ, вѣдомство дьяка Карачарова вполне совпадаетъ съ вѣдомствомъ позднѣйшаго Большого Прихода. Однако, г. Лихачевъ ²⁾ полагаетъ, что Карачаровъ былъ дьякомъ Новгородской Четверти, которая, по его справедливому замѣчанію, въ это время навѣрное уже существовала, хотя упоминается она впервые въ 1558 г. Вѣроятно, это свое предположеніе г. Лихачевъ основываетъ на общепринятомъ прежде мнѣніи, будто вѣдомство Большого Прихода ограничивалось предѣлами стараго Московскаго княжества, а области, присоединенныя впоследствии, вѣдались въ финансовомъ отношеніи областными четвертями. Однако мы видимъ, что въ концѣ XVI стол. сборы съ однихъ и тѣхъ же городовъ—и не только близкихъ къ Москвѣ, но и отдаленныхъ отъ нея, напр., Вологды—поступаютъ, смотря по своему характеру, одни въ четверти, другіе—въ Большой Приходъ ³⁾. Впрочемъ, съ другой стороны, принимая во вниманіе обособленное административное положеніе Новгорода и его области, ихъ значительную независимость отъ общихъ государственныхъ установленій, особенно по вопросамъ финансоваго управленія, возможно допустить, что г. Лихачевъ правъ, считая Карачарова дьякомъ только что складывавшейся тогда Новгородской четверти, а не Большого Прихода. Тогда начало этого послѣдняго учрежденія придется отнести къ серединѣ 60-хъ годовъ XVI стол., т. е. приблизительно лѣтъ на десять раньше, чѣмъ это дѣлало большинство нашихъ изслѣдователей. Неоспоримымъ, по нашему мнѣнію, свидѣтельствомъ существованія въ серединѣ 60-хъ гг. особаго центрального учрежденія вѣдающаго таможенные (и, вѣроятно, вообще ко свенные торговые сборы, являются три документа, относящіеся къ 1563 и 1564 гг. и регулирующие торговлю на ярмаркѣ въ селѣ Веси-Егонской, Городецкаго уѣзда, хотя въ этихъ документахъ ⁴⁾ самое названіе Большого Прихода ни разу не встрѣчается. Во всѣхъ этихъ гра-

¹⁾ Д. А. Н., 7. I, №№ 49, 61, 74, 96 и 101.

²⁾ „Разр. дьяки“, стр. 273.

³⁾ См. Чечулина, „Города Моск. Госуд.“, стр. 186—187; Милукова, „Госуд. хозяйство Россіи“, стр. 27; пр. Платонова, — „Какъ возникли Четы? — Ж. М. Н. Пр., 1892 г. кн. V, стр. 164—166.

⁴⁾ А. А. Э., I, №№ 262, 263 и 269.

мотах фигурируют два дьяка: Меньшой Мелентьевъ и Иванъ Булгаковъ сынъ Коренева; они судятъ прикащиковъ князей Прозоровскихъ за нарушение ими торговыхъ привилегій Симонова монастыря, получаютъ поручныя записи съ истцовъ и съ отвѣтчиковъ (№ 262), даютъ на оброкъ монастырю таможенные пошлины съ Весь-Егонскаго торгога (263) и получаютъ съ монастырскихъ прикащиковъ этотъ оброкъ въ Москвѣ (ib.), а также «протаможныя деньги» (штрафъ за неуплату тамги—(№ 269), судятъ во второй инстанціи тяжбы между таможенниками и торговыми людьми, одобравъ недоборовъ и другія подобныя дѣла (ib.), припимаютъ на поруки въ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ и въ пенѣ прикащиковъ, цѣловальниковъ и земскихъ судей (ib.) Итакъ, ихъ функціи вполне совпадаютъ съ позднѣйшими функціями Большого Прихода. Изъ этихъ же актовъ мы видимъ, что раньше эти дѣла вѣдали дворцовые казначеи, что дьяки Булгаковъ и Мелентьевъ приняли ихъ отъ казначеевъ Тютина и Сукина, которые еще въ 7066 г. (1559 г.) отдавали на оброкъ тамгу въ Весь-Егонской (№ 263). (Подобно тому, пошлины въ Холопьемъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, отдавались на откупъ еще въ 1562 г. казначеями Тютинымъ и Фуниковымъ); казначеи же должны были судить таможенные дѣла въ 1560 г. (№ 262). Итакъ, вѣдомство Большого Прихода, какъ и вѣдомство Большой Казны, замѣнило собою послѣ реформъ 50-хъ гг. вѣдомство старыхъ казначеевъ съ отправленіи финансовыхъ функцій публичнаго характера, такъ какъ разница между частными и публичными доходами Государя послѣ этихъ реформъ стала особенно рѣзкой. Если говорить о выдѣленіи Большого Прихода и Большой Казны изъ старыхъ дворцовыхъ вѣдомствъ, то они скорѣе выдѣлились изъ Казеннаго вѣдомства, чѣмъ изъ Большого Дворца. Но мы полагаемъ, что Большой Приходъ не *выдѣлился* изъ казеннаго вѣдомства, а *создался рядомъ* съ нимъ и независимо отъ него, какъ *новое* учрежденіе, отвѣчающее *новымъ* потребностямъ финансоваго управленія. Этотъ процессъ образованія вѣдомства Большого Прихода и рисуютъ намъ три упомянутыя грамоты. Скоро появляется и самое названіе «Большого Прихода» (въ 1564 г.)¹⁾.

Приведемъ вкратцѣ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ о началѣ приказа Большого Прихода. Авторъ статьи о Московскихъ приказахъ²⁾ отыскалъ указаніе на него въ боярской книгѣ 1573 г. (нынѣ утраченной) и этотъ годъ долгое время считался первымъ, подъ которымъ упоминается данный приказъ. Такъ думаютъ Не-

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр., 1892, кн. V, 166.

²⁾ Визл. Т. XX, стр. 286.

воинъ и пр. Будановъ. Дмитріевъ относить ¹⁾—вопреки Неволину—Большой Приходъ къ группѣ приказовъ обще государственныхъ, а не мѣстныхъ, Московскихъ (къ которымъ онъ относитъ, напр., Бронный, Каменный, Житный, Печатный и два земскихъ двора); въ средѣ же приказовъ, центральныхъ для всего Государства, которые онъ опять дѣлитъ на четыре группы, онъ ставитъ Большой Приходъ среди приказовъ, въ которыхъ основаніемъ для распределенія дѣлъ служило назначеніе собираемыхъ ими доходовъ (къ этой же группѣ онъ относитъ Большую и Казну Большой Дворецъ). Съ нимъ согласны Градовскій и г. Лаппо-Данилевскій: по схемѣ Градовскаго Большой Приказъ приходится, очевидно, отпестить къ приказамъ, возникшимъ во второй періодъ развитія московской централизаціи (періодъ выдѣленія разныхъ отраслей управленія изъ вѣдѣнія мѣстныхъ органовъ въ вѣдѣніе московскихъ приказовъ) и окончательно опредѣлявшимся въ третій періодъ—закрѣпленія сословій и нарастанія новыхъ государственныхъ задачъ. ²⁾ Мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что въ противоположность приказу Большой Казны—Большой Приходъ всегда оставался *чисто финансовымъ* учрежденіемъ и никогда не принималъ *сословнаго* характера. Его вѣдомство и въ XVI, и въ XVII вѣкѣ опредѣлялось не родомъ лицъ, съ которыхъ онъ собиралъ налоги, но родомъ поступленій, свойствомъ самыхъ платежей. Нечего и говорить, что онъ никогда не имѣлъ территориальнаго, мѣстнаго значенія, хотя возможно, что въ него поступала преимущественно сборы съ городовъ, лежащихъ ближе къ Москвѣ, тогда какъ земля болѣе отдаленная и позже присоединенная (Казань, Смоленскъ, Новгородъ) вѣдалась еще въ финансовомъ отношеніи мѣстными (или даже центральными, т. е. дѣйствовавшими уже изъ Москвы) учрежденіями территориальнаго характера (Новгородскій Приказъ, Казанскій Дворецъ), которыхъ однако не слѣдуетъ смѣшивать съ позже возникшими четами, одинаковаго характера съ Большимъ Приходомъ, съ кругомъ вѣдомства, порежняемымъ характеромъ поступленій.

Поэтому, г. Лаппо Данилевскій вполне правъ, ставя ³⁾ Большой Приходъ въ ряду центральныхъ учреждений, въ которыхъ «принципомъ распределенія поступленій» служили «различія въ характерѣ податей». Но, слѣдуя схемѣ Градовскаго, г. Лаппо-Данилевскій считаетъ систематизацію поступленій третьимъ и послѣднимъ моментомъ московской финансовой политики и приурочиваетъ ее ко времени Михайла Феодоровича и Алексѣя Михайловича. Самъ

¹⁾ „Исторія Суд. инстанцій“—, 127.

²⁾ Градовскій, т. II, стр. 340, изд. 1899.

³⁾ Op. cit., стр. 476.

же онъ, однако, замѣчаетъ, что Большой Приходъ «извѣстенъ со второй половины XVI вѣка»¹⁾; но, насколько намъ извѣстно, Большой Приходъ въ этомъ отношеніи (т.-е. въ отношеніи опредѣленія круга вѣдомства) не измѣнялъ въ XVII вѣкѣ своего характера по сравненію съ XVI вѣкомъ. И тогда, и теперь кругъ его вѣдомства опредѣлялся только характеромъ собираемыхъ имъ доходовъ; но самый характеръ этотъ—мало-по-малу, хотя весьма постепенно—измѣнялся: въ XVI вѣкѣ въ Большой Приходъ преимущественно поступали *прямые* сборы на *спеціальныя* военныя надобности (пищальные, кормовыя деньги; оброкъ за различныя натуральныя повинности по оборонѣ страны—за городовое, засѣчное и емчужное дѣло) и близко стоявшія къ нимъ по характеру ямскія и полонянничныя деньги—тоже *прямые* сборы со *спеціальнымъ* назначеніемъ. Въ XVII же вѣкѣ эти сборы (особенно сборы на военныя надобности) отступаютъ на второй планъ передъ *косвенными* сборами съ торговаго и промышленнаго оборота, сборами безъ опредѣленнаго назначенія: почти всѣ эти сборы (кромя спеціальнаго вида ихъ—кабачникъ денегъ, собиравшихся въ Новой четверти) идутъ теперь (до 1680 г.) въ Большой Приходъ, составляя главный контингентъ его поступленій. Ямскія деньги и послѣ учрежденія особаго *финансоваго* ямскаго приказа продолжали идти отчасти въ Большой Приходъ; съ одного и того же города онѣ поступали то въ Большой Приходъ, то въ Ямской приказъ. Полонянничныя деньги въ началѣ XVII стол.²⁾ перешли въ Посольскій приказъ³⁾.

Г. Лихачевъ, очевидно, относитъ начало Большаго Прихода къ 60-мъ г.г. XVI стол., такъ какъ, не упоминая его въ числѣ учреждений, посылавшихъ грамоты Новгородскимъ дьякамъ въ 1554—56 г.г.⁴⁾, онъ перечисляетъ въ другомъ мѣстѣ⁵⁾ дьяковъ, сидѣвшихъ, по его мнѣнію, въ Большомъ Приходѣ, а начинается этотъ перечень съ 1564 г. (7073) (съ дьяковъ Мелентьева и Булакова). Г. Милюковъ настаиваетъ на выдѣленіи Большаго Прихода изъ вѣдомства Большаго Дворца (о чемъ уже сдѣлалъ докладу г. Лихачевъ)⁶⁾ и полагаетъ, будто это выдѣленіе произошло «въ послѣдней четверти XVI вѣка»; слѣдовательно, онъ придерживается общепринятаго взгляда о началѣ Большаго Прихода, относя его къ срединѣ 70-хъ г.г. XVI в. При этомъ онъ утвер-

¹⁾ Ор. cit., стр. 475.

²⁾ Лапо-Данилевскій, ор. cit., стр. 477.

³⁾ Ibid., 478.

⁴⁾ „Разр. дьяки“, стр. 246—399.

⁵⁾ Ор. cit., 472, прил.

⁶⁾ Ор. cit., стр. 478, прил.

ждасть, что Большой Приходъ и Дворцовый Четвертной приказъ (который упоминается не раньше 1581 г., тогда какъ просто «Четвертной приказъ» встрѣчается уже въ 1569 г.)—одно и то же учрежденіе. Уже пр. Платоновъ ¹⁾ указавъ на кроющееся здѣсь противорѣчіе, тѣмъ болѣе, что самъ же г. Милюковъ ²⁾—въ другомъ мѣстѣ—говоритъ, что чети складывались, по его мнѣнію, «къ послѣдней трети или четверти XVI вѣка». Выходитъ, будто чети выдѣлялись изъ Большого Прихода въ то самое время—или даже раньше, чѣмъ самъ онъ выдѣлился изъ Большого Дворца, и что Большой Приходъ тождественъ съ учрежденіемъ, названіе котораго начинается встрѣчаться въ документахъ, по крайней мѣрѣ, на 15 лѣтъ позже появленія въ нихъ Большого Прихода, и къ тому же встрѣчается на ряду съ названіемъ этого послѣдняго, не только не вытѣсняя его и не смѣшиваясь съ нимъ, но даже явно отъ него отличаясь. Наконецъ, самъ пр. Платоновъ ³⁾ прямо высказываетъ, что, по его мнѣнію, Большой Приходъ существовалъ уже въ 60-хъ годахъ XVI стол., какъ особое учрежденіе, отдѣльно отъ Четвертного приказа, съ которымъ онъ не имѣлъ никакой генетической связи.

До реформъ 50-хъ г.г. большинство сборовъ публичнаго характера шло въ вѣдомство казначеевъ, органовъ частно-хозяйственнаго происхожденія, но къ срединѣ XVI стол. почти исключительно публичныхъ по предметамъ вѣдѣнія; частные сборы шли въ вѣдомство Большого Дворца и въ другія дворцовыя вѣдомства—«пути» (ловчій, сокольничій, конюшій, стольничій и др.). Но послѣ уничтоженія кормленій, когда явилась необходимость изыскать новые источники доходовъ для содержанія войска, или, по крайней мѣрѣ, реорганизовать старые, увеличивъ ихъ доходность, почувствовалась потребность сконцентрировать всѣ эти старые доходы, получившіе теперь новое назначеніе, въ одномъ центральномъ учрежденіи, не имѣющемъ никакихъ постороннихъ функцій, кромѣ сбора этихъ доходовъ. Такимъ образомъ возникаетъ новое, специально финансовое учрежденіе: на ряду со специальными податями на военныя нужды, и раньше имѣвшими то же назначеніе ⁴⁾, по собиравшимся разными органами и учрежденіями, въ него поступаютъ разнообразныя сборы съ торговли и промышленности, не имѣвшіе specialнаго назначенія ни прежде, ни теперь, но въ силу преобладанія военныхъ нуждъ государства надъ всѣми про-

¹⁾ Ор. cit., стр. 160.

²⁾ „Госуд. хозяйство“, стр. 299—300.

³⁾ Ор. cit., стр. 60.

⁴⁾ Какъ показываетъ самое ихъ названіе—лицальные, емчужныя деньги и т. д.

чими—идущіе преимущественно на удовлетвореніе этихъ же нуждъ. Итакъ, Большой Приходъ, подобно Разряду и Помѣстному приказу, возникъ прежде всего въ силу тѣхъ обстоятельствъ, которыя, по выраженію Хлѣбникова, превращали Московское государство въ «военный лагерь», заставляя его всѣ свои личныя и денежныя силы напрягать на организацію и обезпеченіе содержанія военной силы, способной отразить нападеныя сосѣдей. Большой Приходъ служилъ той же цѣли, что и Помѣстный приказъ, что и Чети—содержанію войска и снабженію его всѣмъ необходимымъ. Помѣстный приказъ вѣдалъ земельное обезпеченіе лицъ служилого класса, Чети—денежное, а Большой Приходъ давалъ средства на содержаніе лицъ низшихъ служилыхъ разрядовъ—пушкарей, затянщиковъ, стрѣльцовъ и т. д., и на снаряженіе артиллеріи, постройку крѣпостей, оборудованіе интендантской части и т. под.

Приказъ Большой Казны.

О времени возникновенія Большой Казны сохранилось мало извѣстій, но надо думать, что это финансовое учрежденіе возникло нѣсколько *позже* Большого Прихода. На это указываетъ—по нашему мнѣнію—сословный характеръ этого приказа, вѣдавшаго торговое сословіе не только въ финансовомъ отношеніи (Большая Казна собирала съ торговыхъ людей *прямые сборы*), но и въ судебномъ. Вопреки мнѣнію Градовскаго и пр. Лаппо-Данилевскаго, мы полагаемъ, что центральныя финансовыя учрежденія съ распределеніемъ предметовъ вѣдомства по сословіямъ, какъ и *особице сословныя* учрежденія, появляются въ Москвѣ позже, чѣмъ финансовыя приказы, кругъ вѣдомства которыхъ опредѣлялся характеромъ шедшихъ въ нихъ поступленій и отчасти ихъ назначеніемъ (такой именно характеръ и носили Чети и Большой Приходъ); другими словами, принципъ систематизаціи поступленій (хотя, конечно, весьма примитивной и далеко не строго проведенной въ частностяхъ) предшествовалъ, по нашему мнѣнію, сословному принципу ихъ распределенія. Начало приказа Большой Казны мы относимъ къ концу XVI вѣка, ко времени начала развитія сословнаго принципа при первыхъ двухъ преемникахъ Ивана Грознаго, развитія, выразившагося, между прочимъ, въ попыткахъ Бориса Годунова поднять значеніе служилого класса—дворянъ и дѣтей боярскихъ—какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Первое извѣстіе о приказѣ Большой Казны находится въ извѣстной запискѣ о состояніи Московскаго государства, составленной неизвѣстными авторами для королевича Владислава въ промежу-

токъ между 1610 и 1613 г.г. ¹⁾). Итакъ, несомнѣнно что приказъ этотъ существовалъ во времена Василя Шуйскаго; на это указываетъ и другое извѣстіе, приводимое пр. Лаппо-Данилевскимъ ²⁾), изъ документовъ Архива Мин. Иностран. Дѣлъ, о томъ, что въ концѣ 50-хъ годовъ XVII стол. Счетному приказу было велѣно «описать приказъ Большой Казны за 50 лѣтъ»... Слѣдовательно, приказъ этотъ существовалъ уже въ самомъ началѣ столѣтія и былъ учрежденъ, по всему вѣроятію, въ царствованіе Бориса Годунова или его предшественника. По записнымъ разряднымъ книгамъ ³⁾ приказъ Большой Казны значится только съ 1628 г. (по 1709). Съ теченіемъ времени приказъ этотъ приобретаетъ мало-по-малу значеніе центральной государственной казны, куда, по мнѣнію пр. Лаппо-Данилевскаго ⁴⁾), другіе приказы передавали ежегодно оставшіяся въ нихъ суммы. Олсарій ⁵⁾ называетъ приказъ Большой Казны «великой царской сокровищницей». Къ концу XVII стол.— съ 1680 г., когда въ нее были переданы таможенные и кабацкіе доходы Большого Прихода и Четей ⁶⁾ (и нѣкоторые другіе сборы: съ бань, мельницъ, харчевень и др.), Большая Казна становится первымъ по значенію и центральнымъ для всѣхъ другихъ учрежденій финансовымъ приказомъ, каковымъ и остается до учрежденія въ 1699 г. «Ратуши» (такъ была названа въ ноябрѣ этого года учрежденная нѣсколько ранѣ Бурмистерская Палата). Но такое значеніе Большой Казны, какъ центрального учрежденія, должно существовавшее ввести нѣкоторое единство и систему въ Московское финансовое управленіе, складывалось и подготавливалось постепенно съ середины XVII стол. При основаніи же своемъ она была несомнѣнно финансово-сословнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ доходы съ торговаго класса; она была, пожалуй, первымъ изъ центральныхъ московскихъ учрежденій, въ которомъ сословный характеръ выразился съ извѣстной полнотой и рѣзкостью; вѣдомство ея первоначально ограничивалось исключительно предѣлами городского, посадскаго класса, занимавшагося торговлей и промышленностью ⁷⁾). Переходъ въ вѣдѣніе Большой Казны денежнаго (монетнаго) дѣла, чеканки монетъ указываетъ уже на начинающееся превращеніе ея изъ чисто-сословнаго учрежденія съ узкими предѣлами вѣдомства въ центральное учрежденіе для завѣдыванія

¹⁾ Напечатана въ А. Ист., т. II. № 855.

²⁾ „Организація“ стр. 422.

³⁾ Др. Росс. Вѣд. т. XX.

⁴⁾ Ор. сіт., стр. 489.

⁵⁾ Цитировано у пр. Лаппо-Данилевскаго стр. 489.

⁶⁾ П. Собр. Зап., № 1572.

⁷⁾ См. Котошкннъ, гл. VII, ст. 9, стр. 109, изд. 1884-г.

ходомъ всего финансоваго управления Московскаго государства. Старые изслѣдователи приписывали приказу Большой Казны болѣе раннее происхождение, чѣмъ это дѣлаемъ мы; причиной этого намъ кажется то обстоятельство, что они смѣшивали (или, по крайней мѣрѣ, не достаточно ясно различали) Большую Казну съ дворцовымъ Казеннымъ приказомъ, развившимся изъ стараго вѣдомства казначеевъ великаго князя. Именно, Неволнинъ ¹⁾ полагаетъ, что приказъ Большой Казны существовалъ во время царствования Ивана IV, при чемъ ссылается на Карамзина ²⁾, который говоритъ однако не о Большой Казнѣ, а о Казенномъ Приказѣ; Неволнинъ думаетъ, что это одно и то же. По той-же причинѣ, очевидно, начало приказа Большой Казны онъ относитъ еще ко времени Ивана III, въ концѣ правленія котораго, дѣйствительно, встрѣчаются указанія на существованіе центрального учрежденія, ставшаго во главѣ *дворцовою* казеннаго вѣдомства (позднѣйшаго Казеннаго приказа).

Правда, нельзя отрицать извѣстной преемственной связи стараго вѣдомства казначеевъ, до середины XVI вѣка вѣдавшихъ—на ряду съ дворцовыми доходами—и большинство государственныхъ, съ позднѣйшимъ вѣдомствомъ Большой Казны; можно даже, пожалуй, говорить о прямомъ *выдѣленіи* второго вѣдомства изъ перваго (хотя это вопросъ еще спорный и, по нашему мнѣнію, его придется рѣшить скорѣй въ отрицательномъ смыслѣ); но ни въ какомъ случаѣ нельзя допускать смѣшенія двухъ совершенно различныхъ учрежденій, болѣе вѣка существовавшихъ рядомъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Одно изъ нихъ (Казенный приказъ) въ XVI в. было преимущественно, а въ XVII исключительно дворцовымъ учрежденіемъ съ частно-хозяйственнымъ характеромъ функций; другое—всегда отличалось чисто публичнымъ характеромъ (Большая Казна). Г. Лихачевъ ³⁾ полагаетъ, что приказъ Большой Казны существовалъ уже въ 50-хъ г.г. XVI стол. Онъ считаетъ дьяками этого учрежденія дьяковъ Юрія Сидорова и Петра Данилова, подписавшихъ нѣкоторыя грамоты изъ отправленныхъ въ Новгородъ въ 1554—56 г.г. Однако большинство этихъ грамотъ, по содержанію не касаются предметовъ вѣдомства позднѣйшей Большой Казны: дьякомъ Сидоровымъ подписаны за этотъ промежутокъ времени восемь грамотъ ⁴⁾; изъ нихъ пять ⁵⁾ касаются

¹⁾ П. Собр. Соч., т. VI.

²⁾ Т. IX, 100, 444.

³⁾ „Разр. дьяки“, стр. 269—270.

⁴⁾ Пять изъ нихъ напечатаны въ Доп. къ А. Ист., т. I, №№ 88, 90, 91, 97, 98 и 112. Одна не издана; содержаніе ея напечатано у г. Лихачева, *op. cit.*, стр. 270, пр. 1; другая также не издана: (№№ 90 и 131 по рукописи, доставленной въ Археологическую Комиссію въ 1840 г. изъ Новгородскаго Губернскаго Пролома.

⁵⁾ Всѣ пять напечатаны въ Д. къ А. И., т. I.

военной администраціи¹⁾; одна (№ 90—неизданная) касается суднаго дѣла о перепашкѣ земли,—и только дѣл по содержанію могутъ считаться относящимися къ вѣдомству Большой Казны: № 98 говоритъ о постройкѣ вѣсовъ въ городѣ Невлѣ, а № 131 (ея содержаніе напечатано у г. Лихачева) содержитъ приказаніе новгородскимъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому прислать въ Москву отчетъ о пріемѣ ими «писчихъ денегъ» отъ старорусскихъ сборщиковъ Манасѣина и Тверитинова. Петръ Даниловъ подписалъ двѣ грамоты, одна изъ которыхъ²⁾ говоритъ о жалованьи Невельскимъ пищальникамъ, а другая³⁾ объ отставкѣ Новгородскаго старосты Борзунова и приказываетъ ему явиться для (отчета) сдачи должности московскимъ казначеямъ Сукину и Тютину. Наконецъ, одна грамота⁴⁾, подписанная обоими дьяками вмѣстѣ, говоритъ о присылкѣ въ Москву мастеровъ серебрянаго дѣла; этихъ мастеровъ, дѣйствительно, впоследствии вѣдала Большая Казна. Итакъ, мы видимъ, что изъ одиннадцати грамотъ, подписанныхъ обоими дьяками,—Сидоровымъ и Даниловымъ, только четыре⁵⁾ могутъ считаться указывающими на принадлежность этихъ двухъ дьяковъ къ вѣдомству Большой Казны. Но доказательствомъ, хотя бы и косвеннымъ, существованія въ это время—въ 50-хъ г.г. XVI вѣка—центрального учрежденія, впоследствии называющагося приказомъ Большой Казны, эти четыре грамоты служить не могутъ. Предметы, вошедшіе потомъ въ вѣдомство Большой Казны, конечно, существовали и въ то время и поручались кому нибудь изъ дьяковъ, но это еще не указываетъ на выдѣленіе уже тогда особаго вѣдомства Большой Казны. Очень возможно, что нѣкоторые отрасли сословно-финансоваго управленія (и, пожалуй, самыя важныя), вѣдавшіяся впоследствии въ Большой Казнѣ, въ 50-хъ г.г. XVI в. находились еще въ вѣдѣніи дворцовыхъ казначеевъ⁶⁾, которые служили въ это время второй инстанціей по многимъ гражданскимъ искамъ⁷⁾.

¹⁾ № 83 говоритъ о присылкѣ въ Москву пищальныхъ денегъ и объ описи жилищъ и пустыхъ дворовъ; № 90—о приводѣ къ крестному дѣлованію Невельскихъ пищальниковъ; № 91—о наборѣ пищальниковъ на службу въ Ивангородъ; № 112—о закупкѣ мѣды для литья пищалей и пушекъ; № 97—о новозрещенныхъ татарахъ, роданныхъ для кормленія по Новгородскимъ монастырямъ.

²⁾ Д. А. Н., т. I, № 90, III.

³⁾ *ib.*, № 86.

⁴⁾ № 130 по рукописи. Содержаніе ея тоже напечатано у г. Лихачева, стр. 269.

⁵⁾ №№ 86 и 98, Д. къ А. Н., т. №№ 130, 131 рукописи.

⁶⁾ На это указываетъ напр. Д. А. Н., т. I, № 86; см. стр. 74—о новгородскомъ старостѣ Берзуновѣ.

⁷⁾ См. указанную книгу вѣдомства казначеевъ, статьи III, V, VI, VII, IX, XXI.—Хрестоматія пр. Владимирскаго - Буданова, изд. III, стр. 1—37.

Указаніемъ на существованіе приказа Большой Казны можно скорѣй считать другое извѣстіе, приводимое г. Лихачевымъ ¹⁾, но относящееся къ гораздо болѣе позднему времени,—ко времени Московскаго осаднаго сидѣнья 1610—13 г.г.,—извѣстіе мѣстнаго сборника кн. Ромодановскихъ; здѣсь говорится ²⁾ «...да он же, государь, слышываетъ, будто изъ с нимъ былъ в ту пору на Москвѣ у казны, какъ Олександро Гасавской да Федоръ Опродоновъ были в осадѣ на Москве»... Но неясно, о какой казнѣ здѣсь говорится? Можетъ, о дворцовомъ Казенномъ приказѣ?

Пр. Градовскій, перечисляя ³⁾ приказы, существовавшіе при вступленіи на царство Михаила Феодоровича, не говоритъ о Большой Казнѣ, но упоминаетъ о Казенномъ Дворѣ. И дѣйствительно, Большая Казна, какъ учрежденіе фискально-сословное, должна была возникнуть весьма незадолго до начала смутнаго времени, почему указаній на нее (прямыхъ) до 1610—13 г.г. мы и не встречаемъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что ея вѣдомство и въ позднѣйшее время *отчасти* совпадало съ вѣдомствомъ дворцоваго Казеннаго Приказа, который также вѣдалъ—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—торговыхъ и вообще посадскихъ людей.

Вопросъ о происхожденіи четей.

Перейдемъ теперь къ породившему много споровъ и привлекающему къ себѣ особенное вниманіе нашихъ историковъ вопросу о четяхъ. Много повліяло на отношеніе нашихъ ученыхъ къ этому вопросу—въ смыслѣ признанія четей территоріальными учрежденіями—извѣстное сообщеніе Флетчера о московскихъ приказахъ, относящееся къ 1585 году.

Начиная съ Карамзина и до выхода въ свѣтъ трудовъ пр. Платонова ⁴⁾ и гг. Милюкова ⁵⁾ и Середонина⁶⁾, наши историки и юристы считали чети территоріальными учрежденіями, центральными органами областного управленія, хотя, впрочемъ, многіе изслѣдователи признавали преобладающій финансовый характеръ четей.

¹⁾ „Разр. дѣла“, стр. 42, прим. 1.

²⁾ Ручкопись Акад. Наукъ, № 42, л. 89.

³⁾ Собр. сочин., т. II, стр. 362—368.

⁴⁾ „Какъ возникли чети?“—Ж. М. Н. Пр., 1892, V.

⁵⁾ „Госуд. хоз. Россіи в реформа Петра Великаго“ 1892 г. напечатано сначала въ Ж. М. Н. Пр., 1890—1891 г.

⁶⁾ „Соч. Флетчера „Of the Russe commonwealth“, какъ истор. источникъ“ 1892.

Еще Карамзинъ полагалъ, будто Иванъ III раздѣлялъ Русь въ административномъ отношеніи на трети ¹⁾ (Владимирскую, Рязанскую и Новгородскую), при чемъ въ составъ этихъ третей не вошли старыя области собственно Московскаго княжества; изъ этихъ третей, по мнѣнію Карамзина, образовались со временемъ чети. Однако уже Соловьевъ ²⁾ усомнился въ справедливости извѣстія о раздѣленіи Руси на трети Иваномъ III, такъ какъ Рязань была присоединена къ Московскому великому княженію только при Василіи III.

Взглядъ Карамзина вполне раздѣляетъ Неволинъ ³⁾, который добавляетъ, что по мѣрѣ присоединенія удѣловъ къ Москвѣ, центральные органы ихъ управленія просто переносились въ Москву а мѣстные оставались на мѣстѣ; изъ этихъ-то «удѣльныхъ правительствъ», перенесенныхъ въ Москву, и произошли «трети» Ивана III, преобразованныя въ четверти при Иванѣ IV. Взглядъ Неволина раздѣляютъ Троцкая ⁴⁾ и Кавелинъ ⁵⁾; первый называетъ чети областными приказами, произошедшими изъ удѣльныхъ правительствъ; Кавелинъ относитъ чети въ одну категорію съ собственно такъ-называемыми «территориальными» приказами и говорить, что онѣ учреждались, вѣроятно, по мѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи ⁶⁾. Перечисливъ областные приказы, къ которымъ онъ относитъ и чети, онъ замѣчаетъ, что они находились «подъ вѣдомствомъ государственнаго посольскаго приказа». Трудно понять, относится ли это замѣчаніе ко всемъ перечисленнымъ приказамъ, или только къ приказамъ Литовскому, Лифляндскому, Малороссійскому и Смоленскому, упомянутымъ послѣдними, — и по отношенію къ комъ оно является совершенно справедливымъ.

Областная гипотеза происхожденія четей нашла себѣ много сторонниковъ въ нашей литературѣ; особенно подробно была она развита Лохвицкимъ и Градовскимъ, внесшими въ нее, однако, весьма существенную поправку: чети, по ихъ мнѣнію, являются

¹⁾ Не являются ли эти загадочныя «трети» начала XVI в. остаткомъ старихъ вѣрствовъ, когда городъ Москва дѣлился между сыновьями вел. князя на участки для сбора доходовъ; участки эти—по числу сонаследниковъ—назывались «третями» или «четвертями». Князья держали въ нихъ своихъ намѣстниковъ. (См. извѣстіе разрядныхъ книгъ, подъ 7024 г., приведенное у г. Алхачева „Разр. дѣлк“, стр. 51).

²⁾ Исторія Россіи, томъ V, I, гл. V, стр. 1520 sqq.

³⁾ Т. VI, стр. 182—183.

⁴⁾ Исторія судебныхъ учрежденій.

⁵⁾ „Основныя начала русскаго судоустройства“, Собр. Соч., Т. I, стр. 69—70. 1859 г.

⁶⁾ Ib., стр. 70.

уже не «правительствами удѣльныхъ княжествъ», цѣликомъ перенесенными въ Москву, а искусственно возникшими центральными органами для управления множествомъ разнородныхъ административныхъ единицъ, на которыя московскіе князья разбили въ цѣляхъ политическихъ и фискальныхъ всю присоединенную къ Москвѣ территорію, какъ удѣльныя княжества, такъ и Новгородскія земли, и татарскія владѣнія. При этомъ Лохвицкій особенно напираетъ ¹⁾ на фискальныя соображенія, которыми руководилось въ данномъ случаѣ московское правительство: «разсматривая землю и народъ, какъ податную единицу», говоритъ онъ, «московскіе князья естественно стремились поставятъ какъ можно меньше посредствующихъ ступеней управления между собой и народомъ, потому что каждая предшествующая ступень брала себѣ часть доходовъ»; въ этихъ словахъ уже ясно указывается на преимущественно финансовый характеръ четей, но мысль эта, въ сожалѣнію, не была развита Лохвицкимъ подробнѣе.

Градовскій обращаетъ больше вниманія на политическіе мотивы учрежденія четей, на усилія московскаго правительства подавить—путемъ уничтоженія областныхъ центровъ—сепаратистскія стремленія во вновь присоединенныхъ къ Москвѣ земляхъ ²⁾.

Лохвицкій ³⁾ считаетъ трети и четверти, учрежденныя еще Иваномъ III, «территориальными министерствами», вѣдавшими массу городовъ и волостей, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, не имѣвшихъ между собою никакихъ административныхъ связей, благодаря разъединяющей московской политикѣ; такимъ же территориальнымъ приказомъ, одинаковаго съ четями типа, Лохвицкій считаетъ и Сибирскій приказъ.

Градовскій согласенъ съ этимъ мнѣніемъ Лохвицкаго: онъ указываетъ на отсутствіе у четей сплошной территоріи, опредѣленныхъ естественныхъ или историческихъ границъ; распредѣленіе городовъ и волостей между четями было чисто искусственнымъ и объясняется только намѣреннымъ стремленіемъ московскаго правительства къ раздробленію и дезорганизаци провинціи, къ ослабленію связей между ея отдѣльными частями. Предметы вѣдомства областныхъ приказовъ были весьма разнообразны, но преимущественно они имѣли финансовое значеніе; однако, самъ Градовскій замѣчаетъ, что это слишкомъ широкое опредѣленіе, такъ какъ «подъ терминъ финансоваго управления можно подвести

¹⁾ „Губернія“, стр. 26, вѣд. 1864 г.

²⁾ Собр. соч., Т. II, стр. 827, 1899 г.

³⁾ „Губернія“, стр. 81.

всѣ отрасли тогдашней московской администраціи¹⁾. Перечисляя функціи четей, Градовскій на ряду съ чисто финансовыми ставитъ и устраненіе беспорядковъ въ мѣстномъ управленіи и право суда во вѣрренныхъ имъ областяхъ. Но были ли это ихъ первоначальныя функціи, ради которыхъ онѣ и возникли, — или позднѣйшія, съ теченіемъ времени привзошедшія въ сферу ихъ вѣдомства, — онъ не говоритъ. Вообще же Градовскій, подобно Неволяну и Лохвицкому, смѣшиваетъ еще великорусскія чети (хотя и называетъ ихъ «собственно такъ-называемыми областными приказами» — стр. 395) съ чисто территоріальными приказами, возникшими вслѣдствіе внѣшнихъ завоеваній на окраинахъ московскаго государства; однако онъ замѣчаетъ, что послѣдніе поглотили цѣлыя области, сохранили — хотя бы приблизительно — географическое или историческое очертаніе старыхъ земель, тогда какъ «прочія четверти» не напоминали никакихъ историческихъ дѣленій. Градовскій полемизируетъ²⁾ съ Неволинымъ, замѣтившимъ, что однѣ русскія области имѣли центральное управленіе исключительно въ Москвѣ, въ ея приказахъ; «другія, сверхъ того, еще на мѣстѣ — общее или центральное управленіе; во владѣніяхъ перваго рода города не находились ни въ какой зависимости другъ отъ друга, были всѣ непосредственно подчинены московскимъ приказамъ. Во владѣніяхъ втораго рода города, составляющіе вмѣстѣ съ ихъ уѣздами одну цѣльную часть, зависѣли отъ начальника главнаго города и посредствомъ этого только начальника относились къ московскимъ приказамъ»³⁾. Ко владѣніямъ втораго рода Неволинъ относитъ Новгородъ и Псковъ, Смоленскъ, Казань, Астрахань и Сибирь, значить подъ владѣніями перваго рода остается подразумѣвать чети (если исключить московскій уѣздъ).

(Продолженіе въ слѣд. выпускѣ).

¹⁾ Т. II, стр. 326.

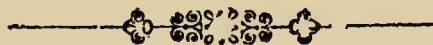
²⁾ Стр. 321.

³⁾ Т. VI, стр. 183.

Н. П. Воркертъ.

О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ
ОБРАЗОВАНІЯ
МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.

—
Выпускъ II.

МОСКВА.

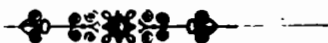
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1888.

И. И. Вернеръ.

О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ
ОБРАЗОВАНІЯ
МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.

—
Выпускъ II.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1903.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Введеніє.....	3
I. Общія причини возникновенія системы приказовъ.....	9
II. Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія системы московскихъ приказовъ...	15
III. Время происхожденія дворцовыхъ приказовъ.....	22
1. Приказъ Большого Дворца.....	26
2. Областные Дворцы .у.....	30
3. Ямской приказъ.....	35
4. Казенный приказъ.....	37
5. Связь казеннаго вѣдомства съ вѣдомствомъ дипломатическимъ.....	41
6. Конюшенный приказъ.....	43
7. Постельный приказъ.....	44
8. Ловчій и Сокольничій прикази.....	45
9. Житенный приказъ .)......	—
10. Дворы: Кормовой, Хлѣбный, Житенный и Сытенный.....	46
11. Дворцовые прикази, возникшіе въ XVII столѣтіи.....	47
IV. Приказы по государственному управленію.....	51
Общій взглядъ на ихъ возникновеніе.....	—
A. Приказы военные.....	
1. Разрядъ.....	55
2. Областные разряды.....	66
3. Помѣстный приказъ.....	68
4. Приказы по военному управленію.....	73
5. Военно-сословные прикази.....	76
6. Интендантскіе прикази.....	78
B. Приказы дипломатическіе.....	79
1. Посольскій приказъ.....	—
2. Полонянничій приказъ.....	89
3. Печатный приказъ.....	—
C. Приказы по внутреннему управленію.....	91
Общій взглядъ на ихъ возникновеніе.....	—
I. Приказы финансовыя.....	93
1. Приказъ Большого Прихода.....	99
2. Приказъ Большой Казны.....	105
3. Вопросъ о происхожденіи четей.....	109
4. Хронологическія данныя о четахъ XVI столѣтіи.....	130
5. Новая Четь.....	144
6. Приказы Счетныхъ дѣлъ и Домочный.....	145

	<i>Стр.</i>
7. Военно-финансовые приказы	143
8. Денежный Дворъ	146
II. Приказы судебные. Общія причины ихъ возникновенія	—
1. Разбойный приказъ	149
2. Приказъ Холодьяго суда	164
3. Земскіе дворы	168
4. Судные областные приказы	172
5. Челобитяный приказъ	175
6. Приказъ Тайныхъ дѣлъ	176
7. Судебно-сословные приказы XVII в. ...	178
8. Расправная Палата	181
III. Приказы территориальные	182
А. Территориальные приказы по западной окраинѣ	184
В. Территориальные приказы по восточной окраинѣ	190
Общіе выводы	196

Самое раздѣленіе всѣхъ московскихъ областей въ порядкѣ мѣстнаго управленія на два типа, сдѣланное Неволнинымъ, вполне правильно. Но, говоря объ отношеніи центральныхъ учрежденій къ мѣстнымъ въ различныхъ московскихъ областяхъ, Неволнинъ не обратилъ вниманія на взаимныя отношенія центральныхъ учреждений въ управленія областями того и другого типа. Напротивъ, говоря въ другомъ мѣстѣ объ отношеніяхъ между приказами «общими»¹⁾ и «особенными» (территориальными), онъ не проводитъ рѣзкаго различія между четами и окраинными территориальными приказами, хотя и замѣчаетъ, что области «отдаленныя, непохожія по своимъ условіямъ на центръ государства», управлялись *всегда* однимъ центральнымъ учрежденіемъ во *всѣхъ* отношеніяхъ, тогда какъ въ другихъ областяхъ нѣкоторые предметы управленія съ теченіемъ времени стали переходить изъ вѣдомства «особенныхъ» приказовъ въ вѣдомство «общихъ». — «Общіе» же приказы, по мнѣнію Неволнина, кажется, дѣйствовали сначала *только* въ предѣлахъ стараго московскаго княженія. Такимъ образомъ, Неволнинъ по вопросу о судьбѣ четей, о ихъ первоначальномъ и позднѣйшемъ значеніи высказываетъ взглядъ, совершенно обратный взглядамъ позднѣйшихъ изслѣдователей: по ихъ мнѣнію, чети при своемъ возникновеніи были исключительно *финансовыми* учрежденіями, а потомъ только приобрѣли характеръ *областныхъ* приказовъ; по мнѣнію Неволнина, напротивъ — изъ вѣдомства четей, управлявшихъ сначала областями во *всѣхъ* отношеніяхъ, стали со временемъ выдѣляться нѣкоторыя отрасли въ вѣдѣніе приказовъ по общему управленію, а чети получили преимущественно *финансовое* значеніе. Во всякомъ случаѣ, за Неволнинымъ остается заслуга указанія двухъ типовъ областного управленія въ московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в., хотя имъ не разграничены съ достаточной ясностью два типа «областныхъ приказовъ» (если по старому причислять къ нимъ чети); онъ не указываетъ, что въ областяхъ перваго типа мѣстныя учрежденія *несредственно* сносились по различнымъ дѣламъ съ различными центральными учрежденіями (это и были области четей, подчиненныя четямъ только въ финансовомъ отношеніи, а во всѣхъ другихъ вѣдавшіяся различными приказами), владѣнія же втораго типа вѣдались по самымъ различнымъ дѣламъ *однимъ и тѣмъ же* учрежденіемъ, — соответствующимъ территориальнымъ приказамъ, — и только черезъ его посредство сносились съ общими московскими приказами.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ изслѣдователей (напр. Лох-

¹⁾ Соч., Т. II, стр. 181.

вицкій) совсѣмъ упустили изъ виду различіе, указанное Невольнымъ, а Градовскій даже прямо отрицаетъ его, совершенно правильно, впрочемъ, утверждая, что воеводы «великихъ городовъ» — Новгорода, Казани—имѣли немногимъ больше власти, чѣмъ воеводы значительныхъ великорусскихъ городовъ; количество подчиненныхъ имъ пригородовъ было очень невелико, а вся дѣйствительная власть управленія сосредоточивалась въ московскомъ приказѣ; все это совершенно вѣрно, но самый фактъ существованія въ XVI—XVII в.в. двухъ типовъ областей, съ различнымъ отношеніемъ къ центральнымъ московскимъ учрежденіямъ, остается неоспоримымъ. Дѣло въ томъ только, что Невольный искалъ различія между областями того и другого типа въ порядкѣ сношеній мѣстныхъ органовъ власти съ центральными учрежденіями,—сношеній непосредственныхъ или черезъ посредство другихъ, тоже мѣстныхъ органовъ,—и Градовскій справедливо доказалъ, что на этой почвѣ большого различія не было; но различія слѣдовало искать въ порядкѣ сношеній данной мѣстности съ различными центральными учрежденіями. Итакъ, различіе между областями того и другого административнаго типа надо было основывать на существованіи или отсутствіи промежуточной административной инстанціи не на мѣстѣ, въ лицѣ какого-нибудь мѣстнаго органа областного управленія, но въ Москвѣ, въ лицѣ того или другого центрального учрежденія.

Собственно въ вопросѣ о времени появленія четей и процессѣ ихъ образованія Градовскій почти цѣликомъ повторяетъ мнѣнія Невольна: онъ говоритъ о «третяхъ» Ивана III, о вліяніи на происхожденіе и характеръ четей завоеваній московскаго государства; «четверть», говоритъ онъ ¹⁾, «завѣдывала въ своихъ городахъ тѣмъ, чѣмъ завѣдывалъ князь въ своемъ княжествѣ въ качествѣ администратора», — слѣдовательно, она замѣнила удѣльное правительство. Усматривая три фазиса въ развитіи московской централизаци, Градовскій считаетъ чети—областные приказы—соотвѣтствующими первому изъ нихъ, когда «московское государство сосредоточило въ Москвѣ власть высшаго управленія въ томъ видѣ, какъ она принадлежала удѣльнымъ князьямъ» ²⁾. «Въ этотъ періодъ Москва только замѣнила своими приказами прежнее удѣльное управленіе», при чемъ земская община и система кормленій остались нетронутыми (эта послѣдняя мысль прямо противорѣчитъ позднѣйшему взгляду на процессъ и причины образованія четей). Градовскій, какъ и Лохвицкій, уже указываютъ на *преимуществен-*

¹⁾ *op. cit.*, стр. 333.

²⁾ *op. cit.*, стр. 340.

но финансовый характер функций четей, такъ что ихъ взглядъ на значеніе четей въ ряду Московскихъ приказовъ является уже, строго говоря, переходомъ отъ стараго взгляда на чети, какъ на обыкновенныя территориальныя учрежденія, къ новому взгляду на нихъ, какъ на учрежденія чисто финансовыя, центральныя кассы для сбора поступленій (я то не всѣхъ, а только известнаго рода) съ известной территоріи. Самъ Градовскій, примыкая еще вполне къ старому взгляду въ вопросѣ о самомъ процессѣ происхожденія четей и о его причинахъ (непосредственныхъ), много способствовалъ разрушенію этого взгляда своимъ весьма важнымъ указаніемъ на то, что чети не имѣли сплошной территоріи, границы которой опредѣлялись бы какими-нибудь естественными или историческими причинами, а состояли изъ раздробленныхъ территориальныхъ единицъ, искусственно собранныхъ подъ управленіемъ одного центрального учрежденія. Придуманное имъ самимъ объясненіе этого факта—стремленіе Москвы подавить сепаратизмъ во вновь присоединенныхъ земляхъ—было слишкомъ искусственно, чтобы долго продержаться въ литературѣ. Такимъ образомъ Градовскій, самъ того не желая, разрушилъ господствовавшее мнѣніе объ областномъ характерѣ четей, такъ какъ доказалъ, что *областей*, вѣдавшихся четами,—въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ слово «область» (какъ нѣчто цѣлое)—вовсе не было, а былъ искусственный агломератъ территорій, объединенныхъ *только* тѣмъ обстоятельствомъ, что *нѣкоторыя* (далеко не всѣ) поступления шли изъ нихъ въ одну и ту же центральную кассу.

Дмитріевъ ¹⁾, подобно Градовскому, смѣшиваетъ чети съ приказами Новгородскимъ, Казанскимъ, Сибирскимъ и другими въ одну группу «областныхъ приказовъ», которую считаетъ самою древнею по времени происхожденія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на финансовый характеръ четей. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «всѣхъ раньше возникаютъ, кажется, финансовыя приказы»; приведя въ связь это его мнѣніе съ только что приведеннымъ о возникновеніи областныхъ приказовъ, приходится вывести, что первыми по времени появленія были финансовыя приказы съ областной компетенціей. Какъ мы знаемъ, изъ *финансовыхъ* приказовъ (но не всѣхъ вообще приказовъ) чети, дѣйствительно, являются древнѣйшими; онѣ гораздо старше Большой Казны и Новой Чети, и, какъ кажется, на нѣсколько лѣтъ старше Большого Прихода. Однако, разница между ними и позднѣйшими финансовыми учрежденіями не особенно велика: онѣ тоже собирали не всѣ вообще доходы съ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, а только доходы

¹⁾ «Исторія Суд. Наст.», стр. 127, 129.

опредѣленнаго свойства, такъ и называвшіеся «четвертными»; Дмитріевъ уже указываетъ на выдѣленіе особыхъ «четвертныхъ» доходовъ, къ которымъ относятъ промысловые, соляные, кабацкіе и таможенные сборы (что не совсѣмъ точно по отношенію къ XVI в., какъ доказали позднѣйшія изслѣдованія).

Главное отличіе «областныхъ четей» отъ другихъ финансовыхъ приказовъ заключалось въ болѣе *точномъ* опредѣленіи территоріи, на которую простиралось ихъ вѣдомство; но нельзя сказать, чтобы различіе состояло въ томъ, что Большой Приходъ—Большая Казна, Новая Четь, дѣйствовали на пространствѣ всего государства, а «областныя» чети только въ предѣлахъ своей области. На самомъ дѣлѣ и такъ называемые «общіе» финансовые приказы дѣйствовали далеко не на протяженіи всего государства, почему составилось даже мнѣніе (не совсѣмъ точное) будто Большая Казна и Большой приходъ дѣйствовали только въ предѣлахъ стараго московскаго княженія.—Нельзя отрицать, что весьма часто различные сборы съ одной мѣстности шли и въ какую нибудь четь, и въ Большой Приходъ или Большую Казну, т. е., другими словами, что подчиненіе данной мѣстности вѣдомству чети вовсе не исключало подчиненія ея дѣйствию «общихъ» финансовыхъ приказовъ. Но были, безъ сомнѣнія, мѣстности, вовсе изыятія изъ ихъ вѣдѣнія, къ каковымъ, прежде всего, надо отнести области территоріальныхъ окраинныхъ приказовъ, а затѣмъ многія дворцовыя земли и города, специально приписанные сборами къ какому нибудь приказу для его содержанія. Вообще же надо сказать, что географическія границы вѣдомства четей были опредѣлены гораздо точнѣе, чѣмъ границы вѣдомства Большаго Прихода или Большой Казны, отличались гораздо большей устойчивостью.

Пр. Владимірскій-Будановъ считаетъ «трети», изъ которыхъ развились чети ¹⁾ (извѣстныя со временъ Ивана IV), органами центрально-областного управленія, мѣстными по району, центральными по власти, съ преимущественно финансовымъ характеромъ. Онъ противопоставляетъ ихъ Большой Казнѣ и Большому приходу, какъ учрежденіямъ, вѣдавшимъ финансы только стараго московскаго княженія. Далѣе, онъ указываетъ еще на новый существенный признакъ четей, какъ административныхъ учрежденій,—именно на то, что онѣ имѣли дѣло почти исключительно съ *тялыми*, податнымъ населеніемъ, по отношенію къ которому отправляли и судебныя функціи (преимущественно по гражданскимъ дѣламъ). Такимъ образомъ, пр. Будановъ, указавъ на *сословный* характеръ

¹⁾ «Обзоръ», стр. 179.

четей, сталъ въ противорѣчіе съ Градовскимъ, по мнѣнію котораго именно съ образованіемъ сословія, бывшимъ одной изъ причинъ раздѣленія областей, областныя приказы стали терять свое самостоятельное значеніе. Градовскій ¹⁾ считалъ чети выразительницами именно областного, *территоріальнаго* начала въ нашей администраціи, а пр. Будановъ выдвигаетъ ихъ *сословное* значеніе, въ связи съ финансовымъ, на которое указывалъ и Градовскій.

Пр. Ключевскій и г. Лихачевъ въ вопросѣ о четахъ находятся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ неправильно разобраннаго извѣстія Флетчера, причемъ пр. Ключевскій, продолжая считать чети территоріальными ²⁾ учреждениями, вноситъ новое пониманіе самаго слова «четь», четверть. Онъ полагаетъ, что дѣло идетъ о раздѣленіи на четыре части не территоріи московскаго государства, а канцелярія боярской думы: это объясненіе принимаетъ и г. Лихачевъ. Въ связи съ такимъ пониманіемъ слова «четь» ³⁾ естественно должно было явиться и другое объясненіе происхожденія четей,—оно стало приурочиваться уже не къ перенесенію въ Москву органовъ удѣльнаго управленія, а къ дифференціаціи главнаго и единственнаго органа центральнаго управленія въ самой Москвѣ—боярской думы. Самое названіе «четей» въ концѣ XVI в. пр. Ключевскій считаетъ особымъ обозначеніемъ четырехъ главныхъ приказовъ, во главѣ которыхъ стояли думныя дьяки, докладчики думы (Разрядъ, Посольскій, Помѣстный и Казанскій Дворецъ); приказы эти, по его мнѣнію, не составляли въ то время отдѣльныхъ центральныхъ учреждений (почему и управлялись дьяками), а продолжали входить въ составъ думы, составляя съ нею одно органически неразрывное цѣлое.

Пр. Лаппо-Данилевскій въ данномъ вопросѣ находится подъ вліяніемъ Градовскаго (его теорія о трехъ періодахъ развитія московской централизаціи). Чети, по мнѣнію Лаппо-Данилевскаго, произошли вслѣдствіе «механическаго», а не органическаго роста московскаго государства; такъ какъ «малоокрѣпшее государство» не могло сразу опредѣлить своихъ отношеній ко вновь присоединенной области, оно учреждало для управленія ею новое центральное учрежденіе чисто территоріальнаго характера, но съ развитіемъ сословнаго раздѣленія этотъ характеръ четей сталъ сглаживаться, замѣнясь сословнымъ; четь стала вѣдать податное, тяглое сословіе, такъ какъ служилое было всецѣло изъято въ вѣдѣніе Разряда. Однако четь никогда не терла окончательно тер-

¹⁾ Т. II, стр. 338.

²⁾ „Б. Дума“, стр. 408.

³⁾ „Разр. дьяки“, стр. 75.

риториальнаго характера и, являясь по преимуществу финансовым учрежденіемъ, соотвѣтствовала, вообще говоря, «территориально — сословному принципу распределенія поступлений»; но возникла она, во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ территориальнаго принципа, а принципъ сословный, привзошедшій въ нее позже, уже измѣнилъ ея значеніе и привелъ мало-помалу къ ея разложенію ¹⁾.

Общимъ во взглядахъ всѣхъ упомянутыхъ ученыхъ на происхожденіе четей является то обстоятельство, что всѣ они связываютъ его съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ и уже по одному этому относятъ его ко времени весьма раннему. Старѣйшіе изъ представителей этого взгляда говорятъ даже о «третяхъ», «учрежденныхъ», будто бы, еще Иваномъ III, какъ объ учрежденіяхъ, изъ которыхъ ко времени Ивана IV — возникли чети. Хотя большинство упомянутыхъ изслѣдователей и отмѣчаютъ по преимуществу *финансовый* характеръ функций четей, однако никто изъ нихъ не ставитъ происхожденіе четей въ связь съ реформами Грознаго по внутреннему управленію, а самый яркій представитель этого взгляда — Градовскій — даже прямо утверждаетъ, что въ *первый* періодъ развитія Московской централизаціи, которому (по его словамъ) и соотвѣтствовали чети, «земская община и система кормленій», — основа стараго управленія, — остались неприкосновенны». Слѣдовательно, онъ прямо отрицаетъ всякую связь четей съ реформой Ивана IV, уничтожившей кормленія и намѣстничества въ большей части государства, поставившей этимъ самымъ земскія общины въ новыя, невѣдомыя до той поры отношенія къ центральному правительству и тѣмъ измѣнившей весь смыслъ общиннаго земскаго начала (управленіе общинъ сдѣлалось теперь органомъ правительственной администраціи). Градовскій отрицаетъ, разумѣется, эту связь, такъ какъ считаетъ чети учреждениями, возникшими подъ вліяніемъ иныхъ, гораздо болѣе *раннихъ* причинъ. Итакъ, общая во взглядахъ всѣхъ указанныхъ ученыхъ черта та, что образованіе четей является для нихъ слѣдствіемъ не внутренней, а *внѣшней* политики Москвы, внѣшняго роста Московскаго государства и притомъ роста не органическаго, а *механическаго*.

Особнякомъ въ этомъ отношеніи стоятъ только мнѣнія ир. Ключевскаго и г. Лихачева, впрочемъ, высказанныя вскользь; для нихъ чети — несомнѣнно — результатъ внутренней политики Москвы, продуктъ дифференціаціи ея управленія, но не областного, а центрального.

Отъ всѣхъ изложенныхъ взглядовъ существенно отличается

¹⁾ „Организація прямого обложенія“, стр. 453—455.

новѣйшая теорія происхожденія четей, развитая г.г. Милюковымъ, Середонинымъ и пр. Платоновымъ. Не отрицая того несомнѣннаго факта, что вѣдомство каждой чети охватывало известную, опредѣленную территорію, эти ученые настаиваютъ главнымъ образомъ на финансовомъ, *фискальномъ* характерѣ четей, которыя уже при самомъ своемъ возникновеніи являлись «центральными кассами» для сбора податей съ опредѣленной территоріи. Такое пониманіе характера функцій четей еще можно было бы согласить со старыми взглядами на ихъ значеніе; но существенно новой и несогласимой съ прежними теоріями является та связь, въ которую упомянутые ученые ставятъ образованіе четей со всей финансовой политикой московскаго правительства въ теченіе XVI в., слѣдовательно, и со всѣмъ центральнымъ управленіемъ,—связь, благодаря которой чети становятся въ ряду другихъ финансовыхъ приказовъ того времени—Большого Прихода и Большого Дворца ¹⁾. Эта связь у г. Середонина и пр. Платонова естественно ведетъ къ сближенію появленія четей съ административными реформами Грознаго: оба они ищутъ причинъ появленія четей въ области внутренней, административно-финансовой политики Москвы середины XVI в. Поэтому имъ приходится признать чети учреждениями *второй* половины (или даже—последней трети) этого вѣка, и отрицать всякую ихъ связь съ «третьими» Ивана III, которыя, если и существовали, то имѣли совсѣмъ иное значеніе.

Г. Милюковъ еще не указываетъ на связь четей съ реформами 50-хъ годовъ; онъ считаетъ чети продуктомъ естественной эволюціи центрального финансового управленія въ Москвѣ XVI вѣка. Сначала, по его мнѣнію, всѣ *государственные* доходы вѣдаетъ Большой Дворецъ наряду съ *дворцовыми* ²⁾; затѣмъ, «къ послѣдней четверти XVI вѣка» доходы государственные выдѣляются изъ дворцовыхъ и собираются въ новомъ учрежденіи—Большомъ Приходѣ—учрежденіи уже публичнаго характера. Въ теченіе же послѣдней четверти столѣтія и государственные доходы въ свою очередь дѣлятся на *спеціальные общегосударственные* сборы—продуктъ *новыхъ* государственныхъ потребностей (напр., полонянничныя, ямскія, кормовыя и пищальныя деньги) и на *мытные* сборы—«отчасти из-

¹⁾ Изъ старыхъ изслѣдователей одинъ Лохвицкій высказалъ нѣсколько аналогичные взгляды: онъ указываетъ на стремленіе московскаго правительства стать въ непосредственныя отношенія къ плательщикамъ налоговъ, устранить всякія промежуточныя инстанціи, и сосредоточить сборъ налоговъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. (См., „Губернія“ стр. 25).

²⁾ Здѣсь замѣтно вліяніе Лаппо-Данилевскаго („вотчинный принципъ распредѣленія поступлений“) и пр. Ключевскаго (теорія вотчиннаго происхожденія власти московскихъ князей).

стари сложившіеся (стабая «дань»,—«ордынскій выходъ» въ XVI в. впрочемъ, уже незначительная), отчасти вновь переведенные на деньги (оброчныя деньги за пользованіе казенной землей и угодами и за разныя натуральныя повинности) или вновь обращенныя на государственное управленіе ¹⁾. Доходы перваго рода попрежнему шли въ Большой Приходъ, доходы втораго рода собирали выдѣлявшіяся изъ него новыя фискальныя учрежденія²⁾. Чети однако, по мнѣнію г. Милюкова, долго еще сохраняли свою связь съ Большимъ Приходомъ, какъ этотъ послѣдній сохранялъ связь съ Большимъ Дворцомъ, изъ котораго онъ выдѣлился въ свое время. Г. Милюковъ первый сдѣлалъ попытку выяснитъ взаимное отношеніе позднѣйшихъ областныхъ четей и «Четвертнаго приказа», упоминаемаго документами 70-хъ и 80-хъ г. г. XVI столѣтія. Какъ указалъ впоследствии пр. Платоновъ, этотъ указъ упоминается впервые еще въ 1569 г.; но г. Милюковъ полагалъ еще, что самое раннее извѣстіе о немъ относится къ 1582 г. ³⁾, на шесть лѣтъ позже извѣстія объ одновременномъ существованіи нѣсколькихъ четвертей ⁴⁾. Считаая чети учрежденіями, выдѣлявшимися изъ Большаго Прихода, г. Милюковъ естественно приходитъ къ выводу о тождествѣ Большаго Прихода съ Четвертнымъ приказомъ: онъ полагаетъ, что названіе «Четвертнаго Прихода» Большой Приходъ «получилъ отъ своего раздѣленія на чети». Въ этомъ предположеніи его еще болѣе укрѣпляютъ — съ одной стороны — эпитеты «дворовый», «дворцовый», которые документы 80-хъ г. г. обыкновенно придаютъ четвертному приказу, а съ другой — упоминаніе тѣми-же документами какого-то «Двороваго Большаго Прихода» ⁵⁾. Совершенно правильно отождествляя эти два учрежденія ⁶⁾, г. Милюковъ дѣлаетъ затѣмъ неосновательно предположеніе о тождествѣ ихъ съ Большимъ Приходомъ. Строго говоря, онъ даже не возбуждаетъ вопроса — являются ли «Дворовый» Большой Приходъ и *просто* Большой Приходъ — однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ: для него это очевидно. Эпитетъ «дворовый», по его мнѣнію, указываетъ

¹⁾ Ту-же мысль о раздѣленіи доходовъ обще-государственныхъ и мѣстныхъ между Большимъ Приходомъ и Четями высказываетъ и г. Чечулинъ. („Города Моск. госуд.“, стр. 187).

²⁾ А. А. Э., Т. I, № 312.

³⁾ См. „Госуд. хоз.“ стр. 26—29.

⁴⁾ „Госуд. хоз.“, стр. 34.

⁵⁾ Д. къ А. И., Т. I, № 225, — 1581 г.

⁶⁾ Доказательствомъ ихъ тождества можетъ служить уже то обстоятельство, что тѣ же самыя дѣла — Андрей Арцибашевъ и Тим. Федоровъ — которые въ 1581 г. сидѣли въ „Дворовомъ Большомъ Приходѣ“, въ 1582 г. сидятъ въ „Дворовомъ Четвертномъ Приходѣ“. (А. А. Э., № 312 и Д. А. И. I, № 225).

только на генетическую связь Большого Прихода съ вѣдомствомъ Большого Дворца.

Противъ такого пониманія вопроса основательно выступилъ г. Середонинъ въ своемъ изслѣдованіи о книгѣ Флетчера: «Of the Russe Commonwealth». Онъ указалъ, что «Дворовый» (а не Дворцовый) Большой Приходъ встрѣчается въ актахъ только съ 80-хъ г. г. XVI стол., когда названіе «дворъ» замѣнило терминъ «опричнина». Документы же 70-хъ г. г. говорятъ только о Большомъ Приходѣ, безъ эпитета «Дворовый». Послѣ изслѣдованій пр. Платонова можно прибавить, что эти же документы говорятъ о «Четвертномъ приказѣ», тоже безъ эпитета «дворовый», и притомъ говорятъ о Большомъ Приходѣ и о Четвертномъ приказѣ, какъ о двухъ другъ отъ друга независимыхъ учрежденіяхъ, собирающихъ одновременно доходы различнаго свойства съ одной и той же мѣстности. Если бы чети были только отдѣленіями Большого Прихода, то «откуда могло бы явиться—замѣчаетъ г. Середонинъ—такое искусственное распределеніе поступленийъ между главнымъ учрежденіемъ и его центральными отдѣленіями?»

Самъ г. Середонинъ выдвигаетъ другую теорію возникновенія четей. Обращаясь къ вопросу о *непосредственныхъ причинахъ* ихъ возникновенія (вопросъ этотъ почти не затронуть г. Милюковымъ), онъ указываетъ на *два* такихъ причины: введеніе самоуправленія общинъ и учрежденіе опричнины. Необходимо замѣтить, что г. Середонинъ не считаетъ чети исключительно финансовыми учрежденіями, центральными кассами для сбора податей (какъ это дѣлаютъ г. Милюковъ и пр. Платоновъ). Онъ прямо указываетъ, что чети—въ противоположность Большому Приходу—имѣли кромѣ финансовыхъ функцій также функція судебныя и административныя.

Отсюда понятна та связь, въ которую онъ ставитъ возникновеніе четей съ административными реформами 50-хъ г. г.

Съ уничтоженіемъ намѣстниковъ исчезла средняя инстанція для сношеній населенія съ правительствомъ. Тогда, по мнѣнію г. Середонина, стало расширяться вѣдомство *казначеевъ*, въ помощь которымъ—для управленія областями (очевидно—преимущественно для сбора съ нихъ доходовъ) стали назначаться «дьяки»¹⁾. Въ вѣдомствѣ этихъ дьяковъ, оставшихся въ Москвѣ и *оттуда* управлявшихъ областями и собиравшихъ съ нихъ доходы, г. Середонинъ видитъ прототипъ, зародышъ будущихъ четей.

Но настоящее начало четей онъ связываетъ съ учрежденіемъ

¹⁾ См. А. А. Э., I, №№ 262, 263 и 269.

опричинны, почему и относить его не къ 50-мъ годамъ XVI вѣка, а къ 70-мъ годамъ,—послѣ 1567 г. (года учрежденія опричинны).

По его мнѣнію, дѣло происходило такъ: земли, взятыя въ опричинну, были изъяты изъ вѣдѣнія какъ Большого Дворца, такъ и казначеевъ,—и вотъ эти то земли и составили вѣдомство четей,—почему города, основанные послѣ 1567 г., и не попали въ чети. Сначала всѣ земли, взятыя въ опричинну, вѣдались въ Дворовомъ Четвертномъ Приказѣ, гдѣ сидѣли дьяки и куда шли «четвертные доходы», отличные отъ дворцовыхъ, шедшихъ въ Большой Дворецъ, и государственныхъ, собиравшихся казначеями, а позже шедшихъ въ Большой Приходъ; «четвертные» же доходы составляли какъ бы личную собственность царя, шли на удовлетвореніе нуждъ опричинны.

Но единство Четвертного Приказа скоро нарушается и вмѣсто одного приказа является нѣсколько четвертей, завѣдываніе которыми поручается отдѣльнымъ дьякамъ. Сначала четверти еще не имѣютъ постоянного круга вѣдомства: онъ то расширяется, то сужается, смотря по личности дьяковъ, ими завѣдывавшихъ. И называются чети сначала по именамъ этихъ дьяковъ—своихъ начальниковъ, а не по городамъ, какъ впоследствии.

Полагая, что чети вѣдали земли, взятыя въ опричинну, г. Середонинъ этимъ самымъ утверждаетъ, что управление ими находилось *en* надзора боярской думы, вѣдавшей «земщину». Онъ естественно долженъ былъ возстать противъ обычнаго толкованія сообщенія Флетчера о четахъ и особенно противъ того новаго освѣщенія, которое далъ этому извѣстію пр. Ключевскій своею гипотезой о развитіи четей изъ отдѣленій думской канцеляріи и о тождествѣ ихъ съ четырьмя важнѣйшими приказами того времени. Противъ этого толкованія еще раньше, впрочемъ, возсталъ г. Милюковъ, просто указавшій на невѣрность перевода, сдѣланнаго Бодянскимъ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, если и принять гипотезу пр. Ключевского о происхожденіи четей изъ отдѣленій думской канцеляріи, то предположеніе о тождествѣ ихъ съ четырьмя «главенствующими» приказами (высказанное еще Соловьевымъ²⁾)—и поддержанное пр. Загоскинымъ³⁾ придется все-таки безусловно отвергнуть.

¹⁾ Op. cit., стр. 28, пр. 1.

²⁾ „Исторія Россіи“, Т. VII, гл. IV, стр. 683. (2-е изданіе).

³⁾ Пр. Загоскинъ полагаетъ, что три важнѣйшіе и древнѣйшіе приказа — Разрядъ, Посольскій и Помѣстный—дѣлили между собой областное управленіе всѣмъ государствомъ, при чемъ первый вѣдалъ южныя окраины, второй—западные, а третій—центр.—Позже къ нимъ присоединился Казанскій Дворецъ. Эти три приказа, существо-

Гипотеза эта одинаково несостоятельна, признаемъ ли мы чети учрежденіями финансовыми или областными.

Тогда надо будетъ допустить, что послѣ введенія самоуправленія и централизаціи поступленій при думской канцеляріи (вѣрнѣе—подъ вѣдѣніемъ «думскихъ» или «думныхъ» дьяковъ) ¹⁾ образовались центральныя кассы для *нѣкоторыхъ* изъ этихъ поступленій (другія шли въ В. Приходъ), откуда денежныя суммы выдавались по мѣрѣ надобности на различныя потребности (преимущ. военныя) подъ непосредственнымъ контролемъ думы. Но мы предпочли бы—вслѣдъ за пр. Платоновымъ—предположить, что чети являлись центральными кассами не при думѣ (а тѣмъ менѣе—при «четырехъ главныхъ приказахъ»), но при высшемъ военно-административномъ учрежденіи—при Разрядѣ. Это станетъ особенно яснымъ, если обратить вниманіе на спеціальное назначеніе «четвертныхъ сборовъ». Сборы эти, называвшіеся вообще также «оброчными деньгами» (что указываетъ на присущій имъ характеръ выкупа за какую-то подать или повинность) шли на содержаніе служилыхъ людей, денежныя оклады которыхъ выплачивались изъ суммъ, собранныхъ въ четверти съ мѣстныхъ плательщиковъ.

Пр. Платоновъ совершенно ясно и просто объяснилъ ²⁾ причину такого спеціальнаго назначенія четвертныхъ денегъ и видѣть съ тѣмъ — связь четей съ реформами 50-хъ г. г., помѣченную уже г. Середонинымъ, указавшимъ на нее въ болѣе общихъ выраженіяхъ. Пр. Платоновъ отнесъ эту связь къ определенному факту—къ уничтоженію кормленій въ 1555—56 г. Съ уничтоженіемъ различныхъ видовъ кормленія («намѣстничъ, волостельничъ, посельничъ доходъ», «присудъ» и т. п.), дававшихся раньше служилымъ людямъ, какъ награда за службу и какъ средства ея управленія, общины, освобожденные отъ обязанности непосредственно «кормить» служилыхъ людей, стали платить выкупъ или «оброкъ» за эти кормленія прямо въ Москву, центральному правительству, а это послѣднее само уже стало выдавать изъ получаемыхъ отъ нихъ суммъ жалованье служилымъ людямъ. Реформа эта ясно описана въ Никоновской лѣтописи: «на грады и на волости (велѣлъ в. князь) положить оброки... и тѣ оброки збирати къ царскимъ казнамъ своимъ дьякомъ; бояръ же... и всѣхъ воиновъ устроить и кормленіемъ, праведными уроки... а городовыхъ въ *четвертной годъ*, а

вашиѣ съ очень давняго времени, назывались „третями“, а съ учрежденіемъ Казанскаго Дворца стали называться четвертями.

¹⁾ Термина „думный дьякъ“ въ XVI в. еще не существовало, но были уже дьяки, состоявшіе при думѣ для дѣлопроизводства.

²⁾ Ж. Ман. Нар. Просв., 1892 г., V кн., стр. 162—165.

инныхъ въ третей годъ денежнымъ жалованьемъ ¹⁾). Такимъ образомъ, известное выраженіе, что съ введеніемъ реформъ 50-хъ годовъ разрушилась стѣна, стоявшая между правительствомъ и общинами, можно перефразировать такъ: съ введеніемъ реформъ 50-хъ г. г. *сдвинулась* стѣна между общинами и служилыми людьми—кормленщиками. Раньше общины непосредственно «кормили» ихъ: это была ихъ натуральная повинность; теперь между ними и кормленщиками сталъ московскій дьякъ, собиравшій съ общинъ оброкъ, замѣнявшій старую натуральную повинность, и выдававшій его прежнимъ кормленщикамъ: дьякъ этотъ—съ теченіемъ времени—сталъ во главѣ новаго центрального учрежденія, *чети*, собиравшей «кормленый окупъ» съ областей, почему и сами кормленщики, получавшіе теперь денежный окладъ изъ четей, стали называться «четвертчиками». Чети возникли, вѣроятно, весьма скоро послѣ уничтоженія кормлицъ, т. е. о Новгородской чети говорится уже въ 1558 г. ²⁾ (черезъ два года послѣ реформы 1556 г.), и создались онѣ самой силою вещей: въ Москвѣ стало скопляться огромное количество поступленій совершенно новаго, невиданнаго до тѣхъ поръ характера и происхожденія; ихъ нельзя было приурочить ни къ одному изъ существующихъ финансовыхъ учреждений; надо было, значить, для пріема и расхода ихъ по назначенію создать новыя центральныя учрежденія.

Но вѣдь по назначенію своему эти новыя поступленія шли на матеріальное обезпеченіе служилого класса, на организацію военныхъ силъ страны, а этимъ дѣломъ, какъ известно, непосредственно вѣдалъ Разрядъ. Ему же естественнѣе всего было вѣдать и распределеніемъ денежныхъ окладовъ между служилыми людьми. Поэтому, вмѣсто новыхъ центральныхъ учреждений, одинаковыхъ по значенію съ другими приказами, для пріема и расхода четвертныхъ сборовъ создались простыя центральныя кассы, находившіяся въ вѣдомствѣ Разряда и прямо ему подчиненныя. Было ли съ самаго начала нѣсколько такихъ кассъ или только одна (Четвертной приказъ), какъ склоненъ думать пр. Платоновъ, не совсѣмъ ясно: мы думаемъ скорѣе, что кассъ съ самаго начала было нѣсколько и назывались онѣ по именамъ дьяковъ, ими непосредственно управлявшихъ (что бывало чаще) или по территоріи, имъ подвѣдомственной (Новгородская четь въ 1558 г.). Можетъ быть и такъ,

¹⁾ П. С. Р. Л. т. VII, стр. 261.—Здѣсь, повидимому, кормленіе сохранено еще для лицъ болѣе знатныхъ.

²⁾ Дяхачевъ, „Разрядные дьяки“ стр. 573, прим. 2.—Какъ уже сказано, мы не считаемъ—вопреки пр. Загоскину—указаніемъ на существованіе Новгородской чети въ 1545 г. жалованную грамоту 1631 г. (А. А. Э., III, № 194).

что Четвертной приказъ вѣдалъ большую часть государства, а наряду съ нимъ существовали для нѣкоторыхъ мѣстностей, стоявшихъ въ особыхъ условіяхъ (напр., для Новгорода), отдѣльныя чети.

Во всякомъ случаѣ—ни чети, ни Четвертной пр. не имѣютъ никакой генетической связи ни съ Дворовымъ четвертнымъ приказомъ, ни съ Дворовымъ Б. Приходомъ,—(а, слѣдовательно, и съ опричниной, вопреки г. Середонину)—уже потому, что оба «дворовыхъ» учрежденія появляются въ актахъ только съ начала 80-хъ годовъ XVI столѣтія, тогда какъ *просто* «Четвертной приказъ» упоминается еще въ 60-хъ г. г. XVI стол. ¹⁾, а Новгородская четь—даже въ 1558 г. Отрицавъ прямую генетическую связь опричнины съ четами ²⁾ мы уже по этому одному не находимъ основательнымъ утвержденіе г. Середонина, будто вѣдомство четей было изъято изъ подъ надзора думы. Наоборотъ, намъ кажется, что вѣдомство это находилось въ очень близкихъ отношеніяхъ къ думѣ, въ виду тѣсной связи думы съ Разрядомъ (что не даетъ, однако, права считать разрядъ простой канцеляріей думы) и потому еще, что дума вообще, какъ извѣстно, много занималась вопросами обороны государства и особенно—экономическаго обезпеченія служилаго сословія—какъ землей, такъ и деньгами (часто она сама разбирала помѣстныхъ дѣла).

Итакъ, вѣдомство четей первоначально было *чисто финансовымъ*: сборъ «кормленнаго окупа» съ земель, освобожденныхъ отъ обязанности содержать кормленщиковъ, и доставленіе средствъ для содержанія служилыхъ людей—бывшихъ кормленщиковъ.

Но къ функціямъ чисто финансовымъ скоро присоединились разнообразныя функціи по областному управленію—точнѣе—по *контролю надъ земскимъ самоуправленіемъ общинъ*. Когда, вслѣдъ за управленіемъ намѣстниковъ, мѣстное управленіе было передано въ руки общинъ, земство стало въ прямыхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ верховной власти—къ боярской думѣ съ царемъ во главѣ. Но тутъ сейчасъ же сказавалась потребность въ посредствующей судебно-административной инстанціи, находящейся также въ столицѣ въ непосредственной близости къ верховной власти (чтобы не разрушать снова только что достигнутой централизаціи управленія и связи между правительствомъ и общинами). Такой посредствующей инстанціей сначала, по всей вѣроятности, явилось вѣдомство казначействъ, но уже очень скоро оно стало замѣняться въ этомъ отношеніи вѣдомствомъ четей, въ которомъ къ тому времени уже

¹⁾ Рукопись Археографич. Комиссіи, № 112.

²⁾ На отсутствіе ея указалъ и доказалъ его документально—ссылкой на мѣстическое дѣло Вас. Зябкова съ Ѳ. Нагнѣтъ—пр. Платовою.

сосредоточился сборъ областныхъ доходовъ, произошедшихъ именно отъ уничтоженія стараго намѣстническаго управленія. Къ четямъ перешли доходы упраздненныхъ намѣстниковъ и волостей, — къ нимъ же мало-по-малу стали переходить ихъ функціи по мѣстному управленію. Расширеніе круга вѣдомства четей въ этомъ направленіи шло параллельно съ постепеннымъ суженіемъ компетенціи органовъ земства, компетенція вначалѣ весьма широкой.

Сначала финансовыя чети только изъ соображеній административнаго удобства какъ для правительства, такъ и для земства выступаютъ въ качествѣ посредствующей инстанціи между думой и земствомъ по дѣламъ суда и управленія. Но уже очень скоро онѣ приобретаютъ право контроля надъ дѣйствіями выборныхъ земскихъ органовъ и этотъ контроль съ теченіемъ времени все расширяется и усиливается, а самостоятельное значеніе земства все падаетъ. Наконецъ, являются и мѣстные органы контроля надъ земствомъ, зависящіе отъ четей, — городовые воеводы начала XVII стол. Затѣмъ и вся власть въ мѣстномъ управленіи переходитъ въ руки воеводъ (а, слѣдов., и четей), а земскіе органы получаютъ — по большей части — чисто служебное значеніе и занимаютъ подчиненное положеніе орудій приказнаго управленія. Въ XVII вѣкѣ — еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ — въ рукахъ четей (которыя и называются съ этихъ поръ по важнѣйшимъ городамъ подчиненной имъ территоріи) сосредоточивается почти все *гражданское* (т. е. съ изъятіемъ дѣлъ служилскаго сословія) управленіе областями московскаго государства, за исключеніемъ Московскаго уѣзда и земель, изъятыхъ въ вѣдѣніе особыхъ территориальныхъ приказовъ. Этотъ несомнѣнный для XVII в. фактъ важнаго значенія четей въ сферѣ областного управленія подалъ многимъ изслѣдователямъ поводъ предполагать, что и въ XVI в. — при самомъ возникновеніи своемъ — чети имѣли тотъ же кругъ вѣдомства, тѣ же самыя функціи, что и лѣтъ 50—60 спустя. Переносъ позднѣйшее явленіе приблизительно на полвѣка назадъ, эти изслѣдователи (Неволинъ, Градовскій и др.) и причинъ для него стали искать въ отношеніяхъ еще болѣе ранняго періода: считая *областныя* чети существовавшими еще въ началѣ царствованія Грознаго, они видятъ непосредственную причину ихъ возникновенія въ присоединеніи уѣзловъ къ Москвѣ и доходятъ до того, что даже «трети» Ивана III принимаютъ за областныя раздѣленія Московскаго государства. Такъ, напр., пр. Загоскинъ отождествляетъ трети, которымъ онъ приписываетъ очень раннее происхожденіе, *) съ приказами Раз-

*) По его мнѣнію, прикази подобнаго рода возникли „ранѣ эпохи, принимаемой г. Лихачевымъ“, т. е. *ранѣ начала XVI вѣка*.

ряднымъ, Посольскимъ и Помѣстнымъ, между которыми раздѣлялось, по его мнѣнію, все областное управленіе въ эпоху Ивана III ¹⁾. Чтобы объяснить, какимъ образомъ присоединеніе удѣловъ вызвало образованіе четей, эти изслѣдователи обратили вниманіе на судьбу удѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ и по аналогіи заключили, что такова же должна была быть и судьба общихъ удѣльныхъ «правительствъ»: они также, будто бы, были цѣликомъ перенесены въ Москву. Въ этомъ объясненіи происхожденія четей сказалась долго существовавшая въ нашей историко-юридической наукѣ тенденція—толковать явленія государственной жизни и публичнаго права и даже выводить самое ихъ существованіе по аналогіи съ явленіями въ области частнаго хозяйства и частныхъ правъ Московскихъ государей. Перенесеніе цѣликомъ въ Москву управленія удѣльными «дворцами», поступившими въ полную частную собственность московскихъ великихъ князей, вполне естественно и понятно. Но очень (трудно допустить, чтобы такая крайне искусственная и сопряженная съ огромными техническими неудобствами въ сферѣ общаго управленія мѣра могла быть такъ же легко, скоро и повсемѣстно примѣнена къ государственному управленію вновь присоединенныхъ къ Москвѣ *велико-русскихъ земель*. Да къ тому же и факты противорѣчатъ такому предположенію. Еще изслѣдованія Лозвицкаго ²⁾ и самого же Градовскаго ³⁾ разбили окончательно мнѣніе о существованіи въ XVI в. какой-то сплоченной, исторически образовавшейся территоріи въ вѣдомствѣ каждой четверти. Территоріи эти создавались мало-помалу, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, путемъ приписки къ какой нибудь изъ центральныхъ кассъ для приѣма мѣстныхъ сборовъ той или другой мѣстности, составлявшей одно цѣлое въ податномъ отношеніи (вотчинѣ какого-нибудь монастыря или крупнаго землевладѣльца, волости черной или владѣльческой, земель, населенныхъ инородцами); правительство руководилось при этой припискѣ весьма разнообразными соображеніями чисто конкретнаго, казуистическаго свойства: многія изъ нихъ—именно благодаря этому своему свойству—и остались для насъ неизвѣстными, такъ что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы никакъ не можемъ сказать, почему та или другая мѣстность была приписана къ той, а не къ другой четверти ⁴⁾; одно несомнѣнно,—что при распредѣленіи во-

¹⁾ «Отчетъ о 82-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова», 1892 г. стр. 203—204.

²⁾ *op. cit.*, стр. 25—31.

³⁾ *op. cit.*, стр. 324—326.

⁴⁾ Процессъ случайнаго дробленія территоріи въ финансовыхъ цѣляхъ прекрасно изображенъ Лозвицкимъ: *op. c.*, 25—31.

лостей и городов между четыми московское правительство не столько не заботилось о цѣлости и единствѣ ихъ территорій. Наконецъ, самыя названія четей по городамъ (Новгородская, иначе— Нижегородская—«приказъ Новгородской чети Новгороду Нижегороду»; Костромская, Устюжская, Владимирская, Галицкая, одно время также—Ярославская),—хотя эти названія даже приблизительно не указываютъ (за исключеніемъ развѣ Новгородской чети) территориальныхъ предѣловъ вѣдомства чети, а только самый значительный городъ, находившійся въ ея вѣдѣніи,—самыя эти названія, прежде всего, конечно, подавшія поводъ къ мнѣнію объ областномъ характерѣ четей,—появляются только въ самомъ концѣ XVI-го и началѣ XVII вѣка: о *Нижегородской* чети впервые упоминается только въ 1601 г. ¹⁾, о *Галицкой* въ 1606 г. ²⁾, объ *Устюжской* — въ 1611 г. ³⁾; еще позже появляются чети *Владимирская* и *Костромская*, не упомянутыя въ известной запискѣ о Московскомъ государствѣ, составленной для королевича Владислава въ 1610—1613 г.г. ⁴⁾; по свидѣтельству Вивліонки, первая изъ нихъ значится въ записныхъ книгахъ съ 1629 г., а вторая—съ 1627 г.—Исключеніе надо сдѣлать только для *Новгородской* четверти, которая—попеременно съ *Новгородскимъ приказомъ*—неоднократно встрѣчается въ документахъ конца XVI в., начиная съ 1558 г. ⁵⁾. Но здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не о финансовой чети, а о территориальномъ учрежденіи по областному управленію, принадлежащемъ къ тому же типу крайнихъ территориальныхъ приказовъ, къ которымъ принадлежали, напр., Сибирскій приказъ и Казанскій Дворецъ и которые возникали *только* въ земляхъ, присоединенныхъ къ Москвѣ открытымъ завоеваніемъ (какъ это было и съ Новгородомъ).

Однако, если оставить въ сторонѣ свидѣтельство 1558 г. и всѣ упоминанія о Новгородскомъ *приказѣ*, начинающіяся съ 1575 г.), то увидимъ, что и Новгородская четь упоминается впервые въ самомъ концѣ XVI столѣтія—въ 1597 г. ⁶⁾ всего четырьмя годами раньше перваго упоминанія Нижегородской чети.

Указанія же на существованіе Новгородской чети къ 1558 г., равно какъ и указанія на существованіе Галицкой чети въ 1576 г. ⁷⁾

¹⁾ А. А. Э., II, № 18.

²⁾ А. А. Э., II, № 39.

³⁾ С. Г. Гр. и Д., II, № 219 и Успенскій, ор. с., стр. 315;

⁴⁾ А. И., II, № 855.

⁵⁾ Лихачевъ, ор. ст., стр. 273, прим. 2.

⁶⁾ Когда ею управляли думный дьякъ Ив. Алекс. Норвандій да дьякъ Посникъ Дмитріевъ (см. Милюкова, ор. с., стр. 33, пр. 1).

⁷⁾ Лихачевъ, ор. с., стр. 147, пр. 1.

мы не можем считать достоверными доказательствами существованія этихъ учреждений въ указанные годы, т. к. оба извѣстія почерпнуты изъ частныхъ рукописныхъ родословно - разрядныхъ сборниковъ гораздо болѣе поздною происхожденія ¹⁾; такіе сборники легко могли придать современнымъ имъ и обычнымъ для нихъ названія старымъ четямъ, не имѣвшимъ еще въ то время, къ которому относится данное извѣстіе, такого названія, а называвшимся просто по именамъ дьяковъ. по вѣдавшимъ еще въ XVI в. тѣ самыя земли, которыя потомъ вѣданы въ Новгородской и Галицкой чети. Такъ, напр., четь Андрея Щелкалова обыкновенно отождествляется съ позднѣйшей Новгородской четью, а четь Дружны Петелпина—съ Устюжской.

Итакъ, областныя названія четей появляются только при Борисѣ Годуновѣ; въ XVI-мъ же вѣкѣ онѣ назывались только по именамъ управлявшихъ ими дьяковъ. Это показываетъ, что онѣ еще не имѣли тогда характера центральныхъ учреждений съ административными функциями, болѣе или менѣе опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства и коллегіальнымъ (или приближающимся къ нему) устройствомъ, почему и не назывались приказами. Четью называлась въ XVI в. центральная касса для приема податныхъ сборовъ извѣстнаго характера (преимуществ. оброчного, выкупного за старые кормленщичьихъ доходы) съ опредѣленныхъ мѣстностей, порученная одному какому инб. лицу, облеченному довѣріемъ царя, — обыкновенно дьяку, уже заповѣдававшему какимъ нибудь другимъ центральнымъ учрежденіемъ. Лицамъ служилого класса— боярамъ и дѣтямъ боярскимъ—чети въ XVI в. никогда не поручались; какихъ либо признаковъ коллегіальнаго рѣшенія, «одиначества» товарищей, въ четахъ XVI в. тоже не замѣчается—это были чисто личныя порученія.

Нисколько не отрицая того обстоятельства, что съ развитіемъ воеводскаго управленія и съ упадкомъ самоуправленія общинъ чети пріобрѣтаютъ постепенно характеръ центральныхъ учреждений по областному управленію (но все еще съ преобладающимъ финансовымъ характеромъ и съ крайне черезполосной территоріей) и входятъ такимъ образомъ въ общую семью приказовъ, пріобрѣтая всѣ ихъ характерныя черты,—признавая все это, мы однако отказываемся видѣть въ областномъ характерѣ четей такую бы то ни было связь съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ, со старымъ историческимъ дѣленіемъ сѣверо - восточной Руси

¹⁾ Первое — изъ собранія кн. Вяземскаго въ И. Общ. Люб. Др. Писменности, № XXI, а второе—изъ рукописи гр. Уварова, № 800.—Изъ Галицкой чети въ 1576 г. судѣли дьяки Терентій Лихачевъ и Памалло Савинъ, а въ „Нижегородской“—въ 1558 г.—подьячій Федка Назовцевъ сынъ Лизковъ.

XIV—XV в.в. Самъ же Лохвицкій (сторонникъ территориальнаго происхожденія четей) ¹⁾ указываетъ, что это старое историческое дѣленіе—по крайней мѣрѣ—въ центрѣ московскаго государства—къ концу XVI в. было безъ остатка сметено финансовой политикою московскаго правительства, системой пожалованія земель и раздачи жалованныхъ и тарханныхъ грамотъ общинамъ, монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ и замѣнилось повымъ, механическимъ дѣленіемъ. Признаетъ это и Градовскій, приписывающій даже это разрушеніе областного единства созвательной борьбѣ московскаго правительства съ областнымъ сепаратизмомъ. Странно было бы предполагать, что старое историческое дѣленіе Московскаго государства, не существовавшее уже почти сто лѣтъ, вдругъ оживаетъ во всей своей неприкосновенности въ концѣ XVI стол. и даже создаетъ особые центральные органы для управленія этими историческими областями.

Финансовыя чети существовали ранне территориальныя приблизительно на полѣтка: таково наше положеніе. Онѣ возникли подъ влияніемъ развитія земскаго самоуправленія, въ виду необходимости обезпечить содержаніе служилыхъ людей, которое тѣ перестали получать—съ введеніемъ самоуправленія общинъ—изъ непосредственнаго источника. Подъ влияніемъ упадка того же самоуправления, подчиненія его сильной опеке правительства, чети получаютъ значеніе центральныхъ учреждений по областному управленію, «областныхъ приказовъ», по выраженію Градовскаго.

Вся исторія развитія четей стоитъ въ тѣсной органической связи съ судьбами земскаго самоуправления: онѣ являлись органами, посредствомъ которыхъ центральное правительство сносилось съ общинами, получало съ нихъ публичные доходы, направляло и регулировало ихъ дѣятельность.

Хронологическія данныя о четахъ XVI столѣтія.

Укажемъ теперь нѣкоторыя хронологическія данныя относительно четвертнаго приказа и четей XVI стол., называвшихся по именамъ дяковъ. Древнѣйшимъ указаніемъ на четвертнѣй приказъ является пока указаніе жалованной грамоты Кириллову монастырю 1569 г., извлеченное пр. Платоновымъ изъ рукописи Археогр. Комиссіи ¹⁾. Въ виду того, что еще въ 1562 г. въ вотчины Кириллова монастыря былъ посланъ писецъ Никита Яхотовъ, писавшій исключительно однѣ оброчныя статьи «за намѣст-

¹⁾ оп. cit., стр. 23—25.

ничъ доходъ и за присудъ»,—пр. Платоновъ вполне основательно полагаетъ, что уже въ этомъ году Кирилловъ монастырь платилъ «четвертные деньги» (т.-е. именно оброкъ за доходы кормленщиковъ — «кормленый окупъ») въ четвертной приказъ или соответствующее ему по характеру центральное финансовое учреждение. Дѣятельность четвертного пр. можно прослѣдить и въ 70-хъ гг.,—такъ въ 1574 г. власти того-же Кириллова монастыря просятъ о дозволеніи «платить имъ самимъ оброчныя деньги) въ Москвѣ въ четвертной приказъ»¹⁾. Но уже въ началѣ 80-хъ годовъ вмѣсто просто четвертного пр. появляется *Дворцовый четвертной приказъ*—впервые упомянутый въ 1582 г.²⁾; появленіе это, повидному, стоитъ въ связи съ реформой, произошедшей около этого времени въ опричнинѣ. Но одновременно нѣкоторые акты упоминаютъ и просто четвертной приказъ,—такова, напр., платежная 1596 г. (7104 г.)³⁾.

Въ *дворцовомъ* четвертномъ приказѣ сидятъ въ 1582 г. дьяки Арцыбашевъ и Тимофей Федоровъ, а въ четвертномъ пр. въ 1596 г.—дьяки Семенъ Сумароковъ и Емельяновъ. О «четвертномъ» приказѣ—безъ эпитета дворцовый упоминается еще въ царствованіе Годунова въ 1601 г.⁴⁾ и при Іоаннѣ Ивановичѣ — въ 1606 г.⁵⁾, по послѣ смутнаго времени онъ окончательно исчезаетъ. Интересенъ документъ 1606 г. (уставная грамота посадскимъ людямъ города Шуи о судѣ и расправѣ и о сборѣ пошлинъ): изъ него мы видимъ, что терминъ «четвертной приказъ» былъ въ это время равнозначущъ съ терминомъ «четверть»: въ одномъ мѣстѣ грамоты говорится: «а выборы тѣхъ земскихъ людей посадскіе люди посылаютъ къ намъ, въ Москву, въ *четвертной приказъ*»; въ другомъ же мѣстѣ говорится: «а въ которыхъ дѣлѣхъ налюбленнымъ судьямъ крестьяномъ управы учинити не можно, и они суда своего списки и обонхъ пестцовъ присылаютъ къ намъ, къ Москвѣ, къ докладу, въ *четверть*, *иди будетъ въ приказъ*»... Очевидно, здѣсь четвертной пр.—все равно, что четверть, «въ приказъ», т.-е. *въ вѣдомствѣ* которой находится данный городъ. Отсюда вытекаетъ, что нѣтъ надобности предполагать, будто первоначально существовало единое для большей части государства финансовое учреждение—четвертной приказъ, изъ котораго потомъ *выдѣлились* отдѣльныя чети. Никакого особаго, отличнаго отъ позднѣйшихъ (якобы) четей четвертного приказа, вѣроятно, и не существовало: любая четь, не

¹⁾ Рукопись № 112; Ж. М. Н. Пр., 1892, V, стр. 164.

²⁾ *Иб.*, стр. 165.

³⁾ А. А. Э., Т. I, № 812.

⁴⁾ А. Юр., I, № 216, II.

⁵⁾ А. А. Э., II, № 215.

⁶⁾ А. А. Э., II, № 52.

имѣвшая еще въ XVI вѣкѣ никакого особаго названія, могла именовать четвертнымъ приказомъ по отношенію къ мѣстности, которую она вѣдала. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: называлась же въ XVII в. Нижегородская четъ также: «приказомъ Новгородской чети Новгороду Нижнему». Перейдемъ теперь къ хронологическимъ даннымъ о четахъ XVI столѣтія, называвшихся *по именамъ дѣлковъ*, ими управлявшихъ.

Раньше всего встрѣчаемъ въ актахъ четъ знаменитаго Андрея Щелкалова. По предѣламъ своего территоріальнаго вѣдомства эта четъ отождествляется обыкновенно съ позднѣйшей Новгородской или Нижегородской четью; но въ XVI в. она всюду встрѣчается *наряду* съ территоріальнымъ Новгородскимъ приказомъ, какъ отдѣльное отъ него учрежденіе, и нигдѣ съ нимъ не смѣшивается. Территоріальный приказъ, по всей вѣроятности, развился изъ вѣдомства Новгородскихъ намѣстниковъ, которые—въ виду особыхъ политическихъ и бытовыхъ условій Новгорода—были наделены очень широкими полномочіями. Въ рукахъ ихъ было сосредоточено множество самыхъ разнородныхъ функций—военныхъ, дипломатическихъ (сношенія со Швеціей) и по мѣстному управленію; поэтому весьма естественно, что въ Москвѣ довольно рано должна была появиться особая канцелярія для сношеній центрального правительства съ этими намѣстниками. Эта-то канцелярія—возникшая, вѣрно, скоро вслѣдъ за присоединеніемъ Новгорода въ 1478 г.—и преобразилась со временемъ въ территоріальный приказъ, вѣдавшій самый Новгородъ съ его окрестностями. По этому приказу никогда не были подчинены всѣ бывшія Новгородскія «земли», т. е. Москвѣ не было никакого расчета поддерживать территоріальное и административное единство этихъ земель, и безъ того объединенныхъ особыми бытовыми условіями, общимъ политическимъ прошлымъ, столь рѣзко отличавшимся отъ политическаго прошлаго остальной Московской Руси. Впрочемъ, этотъ территоріальный Новгородскій приказъ могъ вѣдать—въ виду своей давнишней административной связи съ Посольскимъ приказомъ—сношенія не только съ намѣстниками Вел. Новгорода, но и съ намѣстниками другихъ городовъ сѣверо-западной окраины. На этотъ именно приказъ, а не на финансовую четъ указываетъ, безъ сомнѣнія, одно мѣсто въ «Описи царскаго архива»: «ящикъ 108, а въ немъ разныя грамоты присылные изъ Наугородскаго приказу Новгорода Нижнего, изъ Смоленска, и изъ Новгорода изъ Великаго, и изъ Пскова, и изъ иныхъ многихъ городовъ» (звѣстіе это относится, приблизительно, къ 1575 г. ¹⁾). Однако, здѣсь

¹⁾ А. А. Э., т. I, № 289.

уже замѣтна административная связь, существовавшая позже между обоими Новгородами: Нижнимъ и Великимъ и выразилась въ самомъ наименованіи соответствующей чети. Какъ мы уже сказали, функція новгородскихъ намѣстниковъ были весьма широки и разнообразны; вначалѣ онѣ обнимали и финансовое управленіе областью, сборъ доходовъ. Но московское правительство, одновременно съ проведеніемъ реформы 1555-56 г.г., уничтожившей кормленія и передавшей сборъ доходовъ самимъ общинамъ, сдѣлало попытку и въ Новгородѣ ограничить финансовыя функція намѣстниковъ, изъять изъ ихъ вѣдѣнія хотя бы часть денежныхъ сборовъ и передать ихъ непосредственнымъ представителямъ центрального правительства (т. е. передача ихъ земству являлась, по мѣстнымъ условіямъ, неудобною). Попытка эта была сдѣлана въ 1554—1556 г.г.¹⁾, когда при Новгородскомъ намѣстникѣ вк. Палецкомъ, а затѣмъ—при смѣнившемъ его вк. М. В. Глинскомъ—состояли дьяки Казаринъ Дубровскийъ и Ѳеодоръ Сырковъ (а потомъ²⁾—Дубровскийъ и Ѳеодоръ Еремѣевъ)³⁾.

Здѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ зарождающейся финансовой четью: вѣдомство дьяковъ Сыркова и Дубровскаго почти тождественно съ вѣдомствомъ созданный чети Андрея Щелкалова. Для образованія чети надо было только *перенести* это вѣдомство дьяковъ, собиравшихъ различные мѣстные доходы, изъ области въ центр, изъ Новгорода въ Москву. Перенесена была, собственно, только касса для приема поступленій: учрежденія—въ строгомъ смыслѣ слова—не было ни въ Новгородѣ, ни въ Москвѣ—до самаго конца XVI столѣтія (приблизительно—до 1597 г.). По перенесеніи этой финансовой кассы въ Москву мы даже видимъ упрощеніе въ управленіи ею: въ Новгородѣ ее вѣдали два дьяка, чѣмъ—до известной степени—ей сообщался характеръ коллегіальнаго учрежденія, въ Москвѣ же она прямо подчинена дьяку Посольскаго приказа—(съ 1 января 1571 г.)—Андрею Щелкалову. Тотъ же самый дьякъ—въ продолженіе своей дѣятельности въ Посольскомъ приказѣ—не разъ завѣдывалъ и приказомъ Б. Прихода (напр., въ 1575 г.⁴⁾ и въ 1587 г.). Такъ какъ онъ былъ въ то-же время казначеемъ, то очевидно, что управленіе Новгородской областью какъ въ финансовомъ, такъ и въ административномъ отношеніи могло сосредоточиться въ его рукахъ двумя путями: во-первыхъ—по должности *посольскаго дьяка* онъ долженъ былъ вѣдать террито-

¹⁾ См. Д. къ А. И., Т. I, стр. 65—157, а также Сергіевича, „Юридич. Древности“, I, стр. 493—498, и Лихачева „Разрядные дьяки“, стр. 246—284.

²⁾ Упоминается еще дворцовый дьякъ Леонасій Бабкинъ, состоявшій, вѣроятно, при дворецкомъ С. В. Шереметевѣ.

³⁾ А. И., I, № 191.

риальный Новгородский приказ и, действительно, кажется, вѣдалъ его съ середины 70-хъ годовъ; во-вторыхъ—по должности *казначея* онъ вѣдалъ нѣкоторые доходы, собираемые на мѣстѣ, когда сборъ этихъ доходовъ сосредоточился въ центральной московской кассѣ. Но переносъ этотъ совершился гораздо позднѣе, только въ 80-хъ годахъ. Мы не знаемъ, что сдѣлалось съ дьячьимъ управленіемъ въ Новгородѣ послѣ 1556 г.; во видимъ, что въ 1571 г. таможенную уставную грамоту даетъ намѣстникъ ¹⁾. Однако, въ 1576 г. доходы въ Новгородѣ собираетъ опять дьякъ—Поспѣвъ Дмитріевъ Хворощинъ, впоследствии дьякъ Новгородской четверти. Вообще мы думаемъ, что съ середины 50-хъ г.г. до конца 80-хъ XVI в. финансовое управленіе въ самомъ Новгородѣ и его уѣздахъ было подчинено одному или нѣсколькимъ дьякамъ, находившимся на мѣстѣ, въ Новгородѣ, и отсылавшимъ собранныя суммы въ Москву. Такой порядокъ не исключаетъ, однако, возможности отправления нѣкоторыхъ функций финансового управленія намѣстникомъ. Что же касается бывшихъ Новгородскихъ земель, то въ 50-хъ годахъ нѣкоторыя изъ нихъ—ближайшія къ Новгороду (Ивангородъ, Невель, Старая Русса, Ладога—вообще область Новгородскихъ пятинь) ²⁾ вѣдались въ финансовомъ отношеніи тѣми же дьяками, которые сидѣли въ самомъ Новгородѣ. Въ 80-хъ же годахъ бывшія Новгородскія земли—правда, болѣе отдаленныя отъ Новгорода, не входявшія въ составъ пятинь—сносятся по дѣламъ финансового управленія непосредственно съ Москвою, съ четью Авддея Щелкалова. Въ 1580 г. четь эта свосится съ Хлыновымъ (Вяткой) ³⁾, въ 1588 г.—съ Двиной ⁴⁾, въ 1591 г.—съ Соловецкимъ монастыремъ ⁵⁾. Извонецъ, въ 1590 году эта четь сносятся съ Новгородскимъ уѣздомъ ⁶⁾. Къ концу 80-хъ г.г. эта четь замѣнила собой разнообразныя финансовыя управленія, дѣйствовавшія въ Новгородѣ съ середины 50-хъ г.г. и собиравшихъ «четвертные доходы»; между ними было и отдѣленіе Б. Дворца—Новгородскій Дворецъ—съ дьякомъ Арцыбашевымъ, который въ 1588 г. распоряжается дѣломъ объ освобожденіи отъ податей деревни, находящейся въ вѣдомствѣ Б. Дворца ⁷⁾; вмѣстѣ съ нимъ распоряжается дворецкій и воевода Новгородскій—князь Хворостининъ, а

¹⁾ См. Милюкова, „Народное Хозяйство“, стр. 31.

²⁾ Д. къ А. И., I, № 93.

³⁾ А. А. Э., I, № 305.—А. Юридич., I, стр. 362.

⁴⁾ А. А. Э., I, № 338.

⁵⁾ *ibid.*, №№ 352 и 353.

⁶⁾ Милюковъ, *op. cit.*, стр. 32.—Ивановъ, Описание архива старинъ дѣлъ, стр. 240.

⁷⁾ А. Ист., I, № 222.—Милюковъ, стр. 31, в.р. 3.

изъ Москвы—дворцовый дьякъ Семейка Емельяновъ (этотъ Емельяновъ вмѣстѣ съ дьякомъ Сумароковымъ служилъ въ 1596—97 г. въ четвертномъ приказѣ ¹⁾). Въ періодъ отъ 1591 г. до 1597 г. четь Андрея Щелкалова постепенно преобразуется въ постоянно центральное учрежденіе—кассу для сбора доходовъ съ опредѣленной территоріи. Учрежденіе это скоро получаетъ названіе Новгородской или Нижегородской четверти, первыми дьяками которой являются:—Посникъ Дмитріевъ Хворощинъ и Иванъ Нормакій. Оброкъ, который въ 1599 г. платился въ четь Андрея Щелкалова, въ 1598 г. идетъ въ «четверть дьяковъ Ивана Нормакцова да Посника Дмитріева» (Хворощина ²⁾). Грамоты, подписанныя въ 1580 г. и 1585 г. Андреемъ Щелкаловымъ ³⁾, подтверждены въ 1599 г.—первая:—дьякомъ Нормакимъ, а вторая—Нормакимъ и Хворощинимъ. Точное свидѣтельство о существованіи Нижегородской чети съ дьяками Нормакимъ и Хворощинимъ относится еще къ 1597 г.—Прписъ этихъ дьяковъ, по словамъ г. Милюкова, находится на древнѣйшихъ документахъ Новгородскаго приказа, сохранившихся послѣ пожара 1626 г.—приходо расходной книгъ 1597 и смѣтномъ спискѣ 1599 г.—Въ 1597 г. въ Новгородъ пишутъ (о приготовленіи питья для царскаго гонца) «изъ приказу дьяковъ Ивана Нормакцова да Посника Дмитріева» ⁴⁾. Около этого времени Андрей Щелкаловъ передалъ управленіе Посольскимъ приказомъ брату своему—Василію (по Вивліюэякъ это произошло въ 1595 г.—Василій Щелкаловъ уже въ 1587 г. управлялъ Посольскимъ приказомъ вмѣстѣ съ братомъ); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставилъ Новгородскій приказъ и свою финансовую четь, предѣлы вѣдомства которой обнимали область старыхъ новгородскихъ пятинъ и «земель». (Заволочье, Двину, Вагу ⁵⁾, Вятку и другія мѣстности). Оба эти учрежденія, соединеніе которыхъ подъ управленіемъ одного лица вначалѣ было чисто личнымъ и случайнымъ, за время управленія ими Андрея Щелкалова настолько слились другъ съ другомъ, что по уходѣ его (между 1595 и 1597 г.г.) составляли уже одно органическое цѣлое, одно учрежденіе территориально-финансоваго характера, управлять которымъ были призваны два дьяка—Ив. Нормакій и П. Д. Хворощинъ; уже одно это обстоятельство говоритъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вполне сложившимся учрежденіемъ, вылившимся въ опредѣленные, за-

¹⁾ А. Юр., № 216, II и III.

²⁾ Милюковъ, *op. cit.*, стр. 82, пр. 8.

³⁾ А. А. Э. I, № 305 и А. II, I, № 141 и 156.

⁴⁾ Пам. Дипл. Снож. т. II, стр. 393 и 421.

⁵⁾ Вага вѣдалась четью А. Щелкалова, затѣмъ—Казанскимъ Дворцомъ (А. Юр. № 337—отъ 1607 г.), въ XVII в.—Б. Дворцомъ. (А. Э., IV, № 250).

конечныя формы. И дѣйствительно—уже въ 1601 г. мы встрѣчаемъ въ документахъ названіе «Нижегородской чети» съ дьяками Салмановымъ и Матюшкинымъ ¹⁾. Эти дьяки замѣнили, вѣроятно, въ Новгородской четверти Норманскаго и Хворощина въ 1599 г., т. е. въ этомъ году послѣдніе два дьяка подписали свѣдѣніи списокъ чети и въ этомъ же году Норманціи уже является дьякомъ Б. Дворца ²⁾. По нашему мнѣнію, это *первое* достовѣрное извѣстіе о существованіи чети съ областнымъ наименованіемъ, т. е. приведенныя г. Лихачевымъ изъ родословно — разрядныхъ книгъ извѣстія о Нижегородской чети—1558 г.—и о Галицкой—1576 г. ³⁾—мы отказываемся признать достовѣрными, въ виду ихъ несовременности: къ тому же областныя наименованія четей, упомянутыя въ этихъ документахъ, исчезаютъ потомъ безслѣдно приблизительно на сорокъ и даже первыя извѣстія о «*дьячыхъ*» четахъ появляются лишь 18 лѣтъ спустя послѣ извѣстія 1558 г. о Нижегородской чети. Способно возбудить сомнѣніе и самое названіе «Нижегородская» (а не «Новгородская») четь; оно слѣдуетъ явно указываетъ на несравненно позднѣйшее происхожденіе этого извѣстія, такъ какъ въ 50 г.г. XVI стол., насколько извѣстно, не существовало еще никакой административно-финансовой связи между Нижнимъ Новгородомъ и старыми Новгородскими землями (Новгорода Великаго).

Предѣлы территоріальной компетенціи новаго учрежденія были очень обширны: оно обнимало и Новгородъ со Псковомъ, и бывшія Новгородскія «земли» и «пятны»—до Ватки и Перми включительно—и многіе иговыя города (Нижній, Арзамасъ и другіе). Называлось это новое учрежденіе безразлично—то Новгородской ⁴⁾, то Нижегородской ⁵⁾—четвертью, но съ 1618 г. второе наименованіе исчезаетъ, уступая мѣсто первому, несомнѣнно древнѣйшему. Въ 1657 г. эта четь была прямо подчинена Посольскому приказу, въ тѣсной связи съ которымъ находился еще въ XVI в. старыи территоріальный Новгородскій приказъ ⁶⁾. Связь эта, какъ кажется, нѣсколько ослабѣла къ концу XVI в., когда территоріальный приказъ слился съ финансовой четью; въ серединѣ же XVII-го столѣтія она возобновилась, что указываетъ на усиленіе областного, территоріальнаго значенія Новгородской чети въ ущербъ чисто-

¹⁾ А. А. Э., Т. II, № 18—отъ 29 сентября 1601 г.

²⁾ А. А. Э. I, № 300—подтверженіе 7106 г.

³⁾ Лихачевъ, *op. cit.*, стр. 147, прим. 1 и стр. 273. пр. 2.

⁴⁾ А. А. Э., Т. II, №№ 101 и 195 (1609 г.).

⁵⁾ А. А. Э., II, № 18 (1602 г.) и 22 (1602 г.); А. А. Э., III, № 18 (1613 г.), 42 (1614 г.), 72 (1615 г.), 100 (1618) и др.

⁶⁾ А. А. Э., I, № 289, листъ 108.

«Ивансовому, фискальному.—Наконецъ, въ 1670 г. эта четъ получила старинное названіе «Новгородскаго приказа».

Кромѣ чети Андрея Щелкалова—даже нѣсколько раньше ея—встрѣчаемъ мы чети: брата его, Василя Щелкалова—въ 1578—79 г. ¹⁾ и затѣмъ—въ 1585 г. ²⁾—и «четъ дьяковъ Андрея Арцыбашева и Алексѣя Псакова»—тоже въ 1578 г. ³⁾.

Четъ Василя Щелкалова (существовавшая еще въ 1573 г., когда Вас. Щелкаловъ еще не служилъ въ Разрядѣ) ⁴⁾ по этимъ извѣстіямъ собирала доходы съ Каширы (въ 1578 г.) и съ Галича (въ 1585 г.), а отъ 1578 г. до 1586 г.—съ Бѣлоозера ⁵⁾: всѣ эти города вошли впоследствии въ составъ Галицкой чети ⁶⁾. Но кромѣ этихъ городовъ та же четъ вѣдала въ 1599 г. Вологду, принадлежавшую позже къ Новгородской чети ⁷⁾, а въ 1595 г.—Сибирь ⁸⁾ вѣдалась Василюмъ Щелкаловымъ въ качествѣ дьяка «Посольскаго и четвертнаго приказа». Вас. Щелкаловъ управлялъ своей четвертью, по всей вѣроятности, до тѣхъ поръ, пока сидѣлъ въ Разрядѣ, т.-е. до 1594 г. (впрочемъ, Флетчеръ говоритъ, что уже въ 1585 г. четвертью Вас. Щелкалова управлялъ Сапунъ Авраимовъ, его помощникъ въ Разрядѣ). Въ 1601 г. грамота на Бѣлоозеро объ устройствѣ ямовъ идетъ уже изъ «чети окольничьяго Мих. Мих. Салтыкова», за приписью дьяка Ивана Вахромѣева ⁹⁾. Наконецъ, въ 1606 году встрѣчаемъ впервые названіе Галицкой чети (съ дьякомъ Андреемъ Алябьевымъ ¹⁰⁾; къ ея вѣдомству отходятъ Бѣлоозеро и Кашира. Сибирь также изъ чети Вас. Щелкалова перешла въ четъ Ивана Вахромѣева, которую Кавелинъ ¹¹⁾ неправильно называетъ, основываясь на показаніи Вивлюонип, четью Варооломея Иванова: эта четъ правила Сибирью отъ 1596 г. до 1599 г., когда Сибирь перешла въ вѣдомство Казанскаго Дворца ¹²⁾.

Возвращаясь къ чети Вас. Щелкалова, мы видимъ, что ея существованіе совпадаетъ по времени съ управленіемъ Вас. Щел-

¹⁾ Писцовая книга Калачова, II, стр. 1306.

²⁾ А. А. Э., I, № 326.

³⁾ Рукопись Археограф. Комиссiи, стр. 645. — см. ир. Платонова, «Какъ возникла четъ?», стр. 168.

⁴⁾ См. Лихачева, «Библіотекa и Архивъ», стр. 128, ир. 1.

⁵⁾ А. И., I, № 217.

⁶⁾ Лаппо-Данилевскій, «Организація прямого обложенія», стр. 546.

⁷⁾ Лихачевъ, «Разр. Дѣянъ», стр. 194.

⁸⁾ Лихачевъ, *op. cit.*, приложеніа, стр. 97.

⁹⁾ А. А. Э., II, № 18.

¹⁰⁾ А. А. Э., II, № 39.

¹¹⁾ П. С. Соч., Т. I, стр. 68.

¹²⁾ Лихачевъ, *op. c.*, прил., стр. 97.

каловымъ Разрядомъ (отъ 1577 г. до 1594 г.) Сибирью же В. Щелкаловъ править и позже, въ качествѣ дьяка Посольскаго приказа; лочно также и Вологодой (принадлежавшей обыкновенно къ Новгородской чети) онъ править еще въ 1599 г. Это обстоятельство— въ связи съ данными, почерпнутыми изъ одного мѣстнаго дѣла (Вас. Зюзина съ Феод. Пагимъ) 1576 года ¹⁾, — побудило проф. Платонова высказать предположеніе, что чети 70-хъ—80-хъ г.г. были связаны не съ лицами управлявшихъ ими дьяковъ (Андрея и Василія Щелкаловыхъ), а съ учрежденіемъ, въ которомъ эти дьяки слѣдили — съ Разрядомъ.

Чети или, вѣрнѣе, четвертной приказъ (т. е. пр. Платоновъ стоитъ за первоначальное существованіе единого четвертного приказа или «четверти», цѣлость котораго нарушилась только въ 80-хъ г.г., хотя онъ и раньше распался на чети)—по мнѣнію пр. Платонова—былъ подчиненъ Разряду въ качествѣ центральной кассы, собиравшей поступления, шедшія на уплату жалованья бывшимъ кормленщикамъ; поэтому четвертной приказъ всегда находился въ вѣдѣніи старшаго разряднаго дьяка, ex officio являвшагося его начальникомъ.

Вполнѣ примыкая къ данному пр. Платоновымъ объясненію характера четей и ихъ первоначальнаго значенія въ виду другихъ приказовъ, мы однако не видимъ основанія считать ихъ единымъ учрежденіемъ, при самомъ основаніи своемъ органически связаннымъ съ Разрядомъ въ качествѣ непосредственно подчиненной ему кассы.

Гипотеза эта представляется намъ искусственной: она предполагаетъ такую утонченную выработанность взаимныхъ отношеній между центральными учрежденіями, какая врядъ ли могла существовать въ Москвѣ XVI вѣка, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ известную гипотезу, считающую Разрядъ— канцеляріей думы. Невѣрнымъ кажется намъ и предположеніе о первоначальномъ единствѣ четвертного приказа: въ исторіи Московской центральной администраціи гораздо чаще встрѣчаются случаи соединенія нѣсколькихъ независимыхъ учрежденій съ одинаковой (или прибли-

¹⁾ Данные эти таковы: разрядный дьякъ Андрей Щелкаловъ долженъ навести справку объ одной жалованной грамотѣ „въ своемъ приказѣ“ (слова пр. Платонова) и „за своей приписью“ прислать эту справку ко двору, въ Старину; на это онъ отвѣчаетъ, что „четвертные дьяки“ ищутъ грамоту „во всякъ четвертяхъ“ и, что слышатъ, онъ пришлетъ. Но въ подлинникѣ не сказано: „въ своемъ приказѣ“, а сказано просто: „да чтобъ еси велѣлъ сыскать изъ книгъ грамоты... да за своей приписью и печатью къ намъ прислать“. Прямого указанія на подчиненіе четей Разряду здѣсь нѣтъ. Щелкаловъ долженъ „велѣть“ искать грамоту въ четвертяхъ совершенно такъ-же, какъ онъ долженъ „велѣть“ искать явокъ по приказамъ“, ему вовсе не подчиненнымъ.

зительно одинаковой) компетенціей, но съ предѣлами вѣдомства ограниченными извѣстной территоріей, въ *одно* учрежденіе, обнимающее въ извѣстномъ отношеніи своимъ вѣдѣніемъ *все* государство (или большую часть его ¹⁾), чѣмъ случан дифференціація какого нибудь центрального учрежденія, выдѣленія изъ учрежденія, вѣдающаго *все* государство, нѣсколькихъ учреждений, подѣлившихъ между собой область его компетенціи—все равно, по принципу реального или территориального раздѣленія: поэтому одинаково искусственнымъ кажутся намъ предположенія г. Милюкова—о выдѣленіи Б. Прихода изъ Б. Дворца и четвертного приказа—изъ Б. Прихода, — и пр. Платонова—о выдѣленіи четей изъ единого четвертного приказа.—Наконецъ рассматриваемая теорія противорѣчитъ извѣстнымъ фактамъ: прежде всего—на ряду съ четымя *разрядныхъ* дьяковъ—братьевъ Щелкаловыхъ, намъ уже въ 70-хъ г.г. (1578) извѣстна четь дьяковъ Арцыбашева и Псакова, собиравшая оброкъ съ Каргопольскихъ рыбныхъ ловель ²⁾: Арцыбашевъ былъ вторымъ разряднымъ дьякомъ только одинъ годъ—въ 1577 г. ³⁾, о службѣ же въ Разрядѣ Псакова мы ничего не знаемъ; въ 1581 г. встрѣчаемъ «дворцовую четь» того же дьяка А. Арцыбашева и Тим. Ѳедорова ⁴⁾, вѣдающую откупъ сбора съ рыбныхъ ловель въ Двинскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ 80-хъ и 90-хъ г.г. встрѣчаемъ нѣсколько четвертей, управляемыхъ дьяками, не состоявшими въ то время въ числѣ разрядныхъ (четь Дружины Петелина, Ив. Вахромиѣва, Ив. Нормцакаго). Далѣе, мы видимъ, что четь Андрея Щелкалова продолжалъ дѣйствовать попрежнему и, по уходѣ его изъ Разряда въ Посольскій приказъ (въ 1576 г.), даже расширяетъ предѣлы своей территоріи; то же повторяется и съ Вас. Щелкаловымъ, оставившимъ Разрядъ въ 1594 г., но продолжающимъ вѣдать Сибирь—въ 1595 г. и Вологду въ 1599 г. Поэтому надо думать, что фактъ существованія четей А. и В. Щелкаловыхъ не обусловленъ прямо ихъ дѣятельностью въ качествѣ разрядныхъ дьяковъ. Имъ просто было поручено завѣдываніе четвертными сборами съ извѣстныхъ областей: это было личное порученіе, обусловленное довѣріемъ Государя и высокимъ служебнымъ положеніемъ Щелкаловыхъ. Но одновременно съ ними такія же порученія получали и другіе дьяки, также дававшіе свои имена

¹⁾ Такъ было съ областными дворцами, разрядами и *самими* четями—въ концѣ XVII стол. (соединеніе Б. Прихода, Новгородскаго приказа, Владимирской и Галицкой четвертей въ 1680 г.).

²⁾ Царская грамота 7086 г.—см. Ж. М. Н. Пр., 1892 г., кн. V, стр. 168.—Каргополь вѣдался потомъ въ Нижегородской чети.

³⁾ Лихачевъ, *op. c.*, стр. 554.

⁴⁾ А. А. Э., Т. I, № 312.

четямъ; только пять доставались области менѣ важныя. По уходѣ Щелказовыхъ со служебной арены, ихъ чети достались другимъ дьякамъ: четь Вас. Щелкалова — Сапуну Аврамову, четь А. Щелкалова — Нв. Нормацикому. Первая изъ этихъ четей (впоследствии Газлицкая) — дѣйствительно была какъ будто связана съ Разрядомъ до начала XVII стол. Вас. Щелкаловъ управляетъ ею *только* до тѣхъ поръ, пока сидитъ въ Разрядѣ ¹⁾, хотя Вологдою и Сибирью править и позже, такъ какъ эти земли не входили въ составъ чети. Затѣмъ эту четь получаетъ Сапунъ Аврамовъ, преемникъ Вас. Щелкалова въ Разрядѣ. Но въ 1601 г. Бѣлоозеро уже вѣдается въ чети околицычяго Салтыкова и дьяка Нв. Вахромѣева, — явцы, не имѣвшихъ ничего общаго съ Разрядомъ. Что же касается до чети Андрея Щелкалова, то въ ней замѣтна связь не съ Разрядомъ, а съ Посольскимъ приказомъ: А. Щелкаловъ по уходѣ изъ Разряда дѣлается посольскимъ дьякомъ и именно съ этихъ поръ мы получаемъ опредѣленное представление о его чети и о предѣлахъ ея вѣдомства; послѣ него, четь эта достается Нв. Нормацикому, который никогда въ Разрядѣ и не служилъ. Итакъ, если можно еще говорить объ органической связи съ Разрядомъ будущей Газлицкой чети (и то только до 1601 г.), то никакъ нельзя сказать того же про другія чети конца XVI ст. Къ этимъ четямъ больше всего подходитъ названіе «дьячьихъ канцелярій», принимаемое некоторыми исследователями ко всемъ вообще приказамъ. Конечно, сказанное вовсе не заставляетъ насъ отрицать тотъ несомнѣнный, по нашему мнѣнію, фактъ, что чети были учреждены именно для сбора выкупныхъ и оброчныхъ денегъ за старыя кормленія и для уплаты изъ этихъ денегъ жалованья служилымъ людямъ — бывшимъ кормленщикамъ, — при чемъ частью онѣ сами выплачивали эти деньги служилымъ людямъ (иногда даже прямо на мѣстѣ — безъ доставки ихъ въ Москву — такъ бывало въ Новгородской чети), частью доставляли ихъ въ Разрядъ; это однако еще не подчиняло ихъ Разряду, не исключало возможности ихъ самостоятельнаго существованія и развитія, совершенно независимаго отъ судебъ Разряда.

Кромѣ упомянутыхъ четей въ концѣ XVI в. существовала еще четь Дружины Петелипа, вѣдавшая въ 1589 г. Сольвычегодскъ ²⁾; Петелипъ управлялъ Казанскимъ и Мещерскимъ дворцомъ отъ 1587 г. до 1595 г., четью же онъ заведывалъ, какъ кажется, съ

¹⁾ Но появляется эта четь тремя годами *раньше* начала службы Вас. Щелкалова въ Разрядѣ — въ 1578 г. (Лихачева „Библ. и Арх.“, стр. 198, пр. 1).

²⁾ А. А. Э., Т. I, № 343; — потому Сольвычегодскъ вѣдался въ Устюжской чети.

1587 г. ¹⁾ по 1590 г., такъ какъ въ 1590 г. встрѣчаемъ грамоту въ Усольскій уѣздъ, въ Коряжемскій монастырь, за приписью дьяка Елизарія Вылузгина ²⁾. Значитъ, въ этомъ году Петелинъ пересталъ завѣдывать четью (въ кот. видятъ обыкновенно Устюжскую четь), хотя еще нѣсколько лѣтъ продолжалъ вѣдать Казанскій Дворецъ. Это совершенно разрушаетъ предположеніе объ органической связи этихъ двухъ учреждений, которое дѣлалось на основаніи неправильно понятаго сообщенія Флетчера. Въ 1590 г. Усольскій уѣздъ, какъ мы сказали, вѣдался въ чети Елизарія Вылузгина, бывшаго, по словамъ Флетчера, въ 1589 г. дьякомъ Помѣстнаго приказа (онъ управлялъ имъ съ 1587 г. по 1601-1602 г.) ³⁾. Въ 1589 г. Вылузгинъ, по Флетчеру, также управлялъ четью; нѣкоторые исследователи думаютъ—по нашему мнѣнію—безъ всякихъ основаній, что вѣдомство этой чети совпадало по территоріи съ вѣдомствомъ Костромской чети. Единственнымъ объясненіемъ такого сближенія можно считать то обстоятельство, что удалось подмѣтить близость между территоріями трехъ указанныхъ Флетчеромъ четей—Андр. и Вас. Щелкаловыхъ и Дружини Петелина—и трехъ позднѣйшихъ областныхъ четей—Новгородской, Галицкой и Устюжской. Отсюда явилось стремленіе—по аналогіи найти между областными четями такую, которая бы соотвѣтствовала четвертой изъ указанныхъ Флетчеромъ—чети Елиз. Вылузгина. Но, во первыхъ, намъ извѣстно, что Вылузгинъ въ 1590 г. вѣдалъ Усольскій уѣздъ, который принадлежалъ потомъ къ Устюжской чети и никогда не входилъ въ составъ Костромской; а, во вторыхъ, Костромская четь и въ XVII в. появляется значительно *позже* всѣхъ другихъ, почему и называется «Новоприбылой»; она не упомянута въ запискѣ «о порядкѣ великихъ людей Московскаго государства», 1610—1613 г.г. ⁴⁾, въ которой говорится о четахъ Нижегородской, Галицкой, Устюжской, Ярославской ⁵⁾ и Владимирской,—а въ запискахъ значится только съ 1627 г.—Скорѣе можно предположить, что Вылузгинъ управлялъ послѣ Петелина Устюжской четвертью. Въ 1569 г. этой четвертью управляетъ уже дьякъ Пв. Вахромеевъ: въ его четь идетъ перевозная пошлина съ Устюжны—Желѣзнопольской ⁶⁾.

¹⁾ Усольскій уѣздъ онъ вѣдалъ также въ 1587 г. — Лихачевъ «Разр. дьяки», указатель, стр. 61.

²⁾ А. А. Э., Т. I, № 349, № 343—тоже въ Коряжемскій мон.—подписанъ еще Петелинъ.

³⁾ Лихачевъ, *op. cit.*, стр. 183, пр. 2.

⁴⁾ А. Н., Т. II, № 355.

⁵⁾ Нѣкоторые ученые отождествляютъ эту Ярославскую четь съ Костромской въ виду того, что потомъ она уже нигдѣ не упоминается.

⁶⁾ А. А. Э., I, № 367.

Относительно чети дьяка Вахромеева существуют различныя мнѣнія. Г. Середонинъ думаетъ, что Вахромеевъ принялъ четь Андрея Щелкалова послѣ ухода этого послѣдняго изъ Посольскаго приказа въ 1594 г. и сдѣлался такимъ образомъ дьякомъ будущей Новгородской четверти; Новгородскій же территориальный приказъ достался дьяку Нормецкому и оба учрежденія имѣли отдѣльное управленіе до 1597 г., когда и четь досталась Нормецкому ¹⁾. По г. Милюкову указалъ, что въ 1597 г. ²⁾ четь Пв. Вахромеева упоминается въ источникахъ ³⁾, какъ *отдѣльная* отъ Новгородской, и вѣдаетъ Тверь и Торжокъ, принадлежавшія прежде къ Владимірской чети,—но въ томъ же 1597 г. онъ (Вахромеевъ) вѣдалъ и Соловецкій монастырь ⁴⁾, бывший раньше въ чети Андрея Щелкалова ⁵⁾, въ 1596 г.—Устюжну, принадлежавшую позже къ Устюжской чети ⁶⁾, а въ 1598 г.—Верхотурье, вѣдавшееся потомъ въ Сибирскомъ приказѣ ⁷⁾. Онъ же — по документамъ Сибирскаго приказа — вѣдалъ Сибирь въ 7104 г. и 7105 г. ⁸⁾, т.-е. въ 1596—1597 г.г. ⁹⁾, принялъ онъ управленіе Сибирью отъ Вас. Щелкалова.

Всѣ приведенные факты заставляютъ насъ думать, что четь Пв. Вахромеева не совпадала своей территоріей ни съ одной изъ позднѣйшихъ четей и поэтому не можетъ быть отождествлена ни съ Устюжской четью,—какъ это дѣлаетъ Неволнинъ ¹⁰⁾, ни съ Новгородской, какъ это дѣлаютъ г.г. Середонинъ и Лихачевъ.—Этому не противорѣчитъ упоминаніе въ 1604 г. Вахромеева въ качествѣ дьяка «Новгородской чети»,—вмѣстѣ съ окольникчпмъ Мих.

¹⁾ Взглядъ г. Середонина на новгородскую область и четь А. Щелкалова вкратцѣ таковъ: Новгородъ сначала не былъ въ вѣдомствѣ четей, но управлялся особымъ Дворцомъ, а потомъ Разрядомъ, подчиненнымъ Посольскому Приказу. Въ качествѣ начальника этого учрежденія А. Щелкаловъ и управлялъ Новгородомъ, подъ надзоромъ Думи. Четь же онъ вѣдалъ помимо Думи и другихъ приказовъ; въ нее входили земля, взятая въ опричнину—Вага, Двина и др. Съ уничтоженіемъ опричнины не зачѣмъ было обходить думи въ управленіи нѣкоторыхъ областей и всѣ земля, бывшія подъ управленіемъ одного лица—въ качествѣ ли чети, или территориальнаго приказа—стали сливаться въ вѣдѣніе одного учрежденія. Такъ и четь Андрея Щелкалова составила вмѣстѣ съ Новгородскимъ приказомъ одно учрежденіе—Нижегородскую четверть. Но произошло это не сразу: оба учрежденія совсѣмъ было раздѣлились въ 1595 г. съ уходомъ Щелкалова изъ Посольскаго приказа, но зато вновь и окончательно соединились и слились въ 1597 г. подъ управленіемъ Нормецкаго.

¹⁾ Ор. сіт., стр. 88, пр.

²⁾ Пах. Дил. Сном., Т. П, 393.

³⁾ Д. А. II, I, № 140.

⁴⁾ Въ 1591 г.—А. А. Д., I, №№ 352 и 353.

⁵⁾ А. А. Д., I, № 367.

⁶⁾ А. II, II, № 3.

⁷⁾ Четверть дьяка Пв. Вахромеева.

⁸⁾ Лихачевъ „Разр. дьяки“, стр. 97, прии.

⁹⁾ Смѣшался на А. А. Д., I, № 367—см. Т. II, стр. 175.

Мих. Салтыковымъ ¹⁾. Вахромеевъ могъ попасть въ эту четь позже, именно около 1604 г., такъ какъ еще въ 1601 г. онъ— вмѣстѣ съ Салтыковымъ и съ дьякомъ Богданомъ Пивановымъ — сидитъ въ особой чети и сносится по поводу устройства Бѣлозерскихъ ямовъ съ дьяками Нижегородской чети Салтыковымъ и Матюшкинымъ ²⁾. Въ 1602 г. въ Нижегородской чети сидятъ кн. Туренинъ и тѣ же дьяки Салмановъ и Матюшкинъ ³⁾, а въ 1606—1607 г.г. — дьяки Нечай Федоровъ и Грпг. Елпзаровъ ⁴⁾. Дьяки Вахромеевъ и Б. Ивановъ, очевидно, сидѣли въ этой чети въ промежутокъ времени отъ 1602 до 1606 года. Но какъ случилось, что та же самая четь окольникьяго Салтыкова и дьяка Вахромеева, которая въ 1601 году вѣдала Бѣлоозеро, принадлежавшее потомъ (1614 г.) къ Галицкой чети, и которую документы прямо различаютъ отъ Нижегородской,—въ 1604 г.—т.е. всего три года спустя— отождествляется документами съ этой самой Нижегородской четью ⁵⁾? Мы не беремъ рѣшить это затрудненіе, хотя ключъ къ нему лежитъ, быть можетъ, въ томъ обстоятельствѣ, что въ указанную эпоху терминъ: «Новгородская» и «Нижегородская» четь еще не сдѣлались синонимами. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что дьякъ Вахромеевъ не былъ дьякомъ Новгородской чети послѣ Андр. Щелкалова, въ 1595 г., а сдѣлался имъ только въ 1604 г., когда четью этой сталъ управлять окольникій М. М. Салтыковъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что четь окольникьяго Салтыкова и дьяка Вахромеева въ 1601 г. вѣдала Бѣлоозеро, а въ 1604 г. отождествляется съ Новгородской четью, можно объяснить еще и тѣмъ, что чети ⁶⁾, какъ канцеляріи ⁷⁾, были связаны только съ лицомъ, ими управлявшимся, а не съ той или другой областью, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что когда окольникій Салтыковъ получилъ въ управленіе другую область, то лица его канцеляріи—его секретари—дьяки Вахромеевъ и Б. Ивановъ—остались попрежнему въ «его» чети, его канцеляріи, и стали вмѣстѣ съ нимъ править новою областью, ему порученной. Такимъ образомъ и вышло, что въ 1601 году «четью окольникьяго Салтыкова»

¹⁾ Грамота отпечатана Лихачевымъ, „Разр. дьяки“, прил., стр. 99—100.

²⁾ А. А. Э., II, № 18.

³⁾ А. А. Э., II, № 22.

⁴⁾ Лихачевъ, *op. cit.*, 514, пр. 1.

⁵⁾ Собственно, въ грамотѣ 1604 г. она названа *Новгородской*, по обыкновенію принимаютъ, что для начала XVII вѣка оба эти названія равнозначущи.

⁶⁾ Мы говоримъ, конечно, о четахъ конца XVI и начала XVII вѣка.

⁷⁾ А не центральныя учрежденія, съ восточно и строго опредѣленнымъ вѣдомствомъ.

называлась Галлицкая четь, а въ 1604 г.—Новгородская и составъ дьяковъ въ ней остался тотъ же самый.

Наконецъ. въ началѣ XVII в.—въ 1615 г.—встрѣчаемъ еще «четь думнаго дьяка Петра Третьякова», изъ которой идутъ грамоты въ Бѣжецкій Верхъ ¹⁾; впоследствии эта мѣстность вѣдалась въ Устюжской чети — въ 1637 г. ²⁾; первое упоминаніе Устюжской чети встрѣчается уже въ 1611 г. ³⁾, слѣдовательно, за четыре года до извѣстія о чети думнаго дьяка Третьякова; г. Лихачевъ думаетъ ⁴⁾, что Третьяковъ именно и управлялъ Устюжской четью въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича; будучи въ то же время дьякомъ Казанскаго Дворца и Посольскаго приказа. Въ такомъ случаѣ мы видимъ, что хотя во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка предѣлы вѣдомства четей уже обозначились и стали входить въ употребленіе областныя названія четей, однако продолжали употребляться и старыя обозначенія по именамъ дьяковъ,—значить чети еще и въ это время не потеряли вполне своего первоначальнаго характера личныхъ канцелярій—кассы для приѣма сборовъ съ извѣстной мѣстности—и не вполне еще приобрѣли характеръ финансовыхъ административно-судебно-сословныхъ оргнзаций, какой онѣ получили впоследствии.

Новая четь.

Иной характеръ, чѣмъ четверти съ областными названіями, имѣла *Новая четь*, впервые упоминаемая въ 1597 г. ⁵⁾. Въ 1602 г. встрѣчаемъ дьяка *Новой чети*,—Ивана Салманова,—того самаго, который въ 1601 г. сидѣлъ въ Новгородской чети ⁶⁾. Четь эта специально вѣдала извѣстный родъ косвенныхъ сборовъ,—именно кабацкія деньги; она же отдавала на откупъ кружечные двory, завѣдывала «върпой» продажей вина (выборомъ кабацкихъ головъ и цѣловальничковъ) и вообще вѣдала дѣла о продажѣ вина и корчемствѣ (а также—о запрещенной торговлѣ табакомъ). Сначала Новая четь вѣдала все эти дѣла и доходы только въ самой Москвѣ и ближайшихъ къ ней мѣстностямъ. По характеру своему эта четь больше всего подходила къ Большому приходу въ его *позднѣйшемъ* значеніи, когда онъ вѣдалъ преимущественно косвен-

¹⁾ А. А. Э., Т. III, №№ 65 и 74.

²⁾ Напр. Липно Данилевскій, *op. cit.*, стр. 546.

³⁾ С. Г. Гр. и Д., Т. II, № 219.

⁴⁾ *Op. cit.*, стр. 526, пр.

⁵⁾ Гавр. Успенскій, *op. cit.*, стр. 308, 316

⁶⁾ См. Лихачевъ, *op. cit.*, стр. 520.

ные доходы на пространствах всего государства. Эти два учреждения—Большой Приходъ и Новая четъ—раздѣлили между собой въ серединѣ XVII в. два важнѣйшихъ вида косвенныхъ сборовъ— кабацкія и таможенные деньги ¹⁾).

Приказы Счетныхъ дѣлъ и Доимочный.

Въ XVII в. возникло еще нѣсколько финансовыхъ приказовъ съ общимъ характеромъ. Въ половинѣ XVII в.—по справкѣ Разряднаго и Сенатскаго архивовъ—въ 1656 г. ²⁾, а по указанію Визляонки—въ 1657 г. ³⁾—былъ учрежденъ приказъ *Счетныхъ дѣлъ* ⁴⁾, какъ центральное контрольное учрежденіе. Онъ ревизовалъ счетоводство всѣхъ приказовъ, но не регулярно—каждый годъ,—а всякій разъ по особому царскому повелѣнію, такъ что ревизовать обыкновенно приходилось за нѣсколько (иногда за много) лѣтъ подъ рядъ.

Онъ же собиралъ недоимки и остатки за прошлые года, пока не былъ учрежденъ особый *Доимочный* приказъ, въ 70-хъ г.г. XVII стол. ⁵⁾ Приказъ Счетныхъ дѣлъ замѣнилъ собою прежнія счетныя (ревизіонныя) комиссіи, назначавшіяся ad hoc для провѣрки счетоводства какого-нибудь учрежденія,—обыкновенно изъ подъячпхъ того же учрежденія. Приказъ *Сбору ратныхъ людей и доимки* значитъ по дѣламъ Арх. Мин. Юстиціи между 1639 (7147) и 1650 (7158) г.г. Въ государственной росписи приходовъ и расходовъ на 1680 г. *Доимочный приказъ* стоитъ въ ряду другихъ центральныхъ учреждений съ указаніемъ ихъ доходовъ и расходовъ ⁶⁾).

Военно-финансовые приказы.

Къ финансовымъ же приказамъ надо отнести нѣкоторыя центральныя учрежденія для сбора *спеціальныхъ* доходовъ на военныя потребности—учрежденія, возникшія частью во время войны съ Польшей 1632—1634 г.г., частью во время войны 1654—56 г.г. Объ этихъ учрежденіяхъ мы говорили уже раньше, относя ихъ къ военно-финансовымъ (или интендантскимъ) приказамъ. Къ нимъ принадлежатъ: приказъ *Сбору пятивныхъ денегъ*, упоминаемый

¹⁾ О Новой четѣ см. Котошихинъ гл. VII, стр. 20.

²⁾ См. Лаппо-Давил., *op. cit.*, 491, пр. 2.

³⁾ Визл., гл. XX, стр. 412.

⁴⁾ Котошихинъ, гл. XII, ст. 36

⁵⁾ Визляонка говоритъ еще о приказѣ *столовыхъ и счетныхъ дѣлъ*, значащемся въ записныхъ книгахъ съ 1656 по 1667 г.

⁶⁾ См. Милюкова, „Госуд. Хоз.“, приложение, стр. 17—18.

въ актахъ между 1632 и 1635 г.г. ¹⁾. Этотъ приказъ назывался также «приказомъ сбору пятинныхъ и запросныхъ денегъ»; онъ, вѣроятно, являлся учрежденіемъ временнымъ, дѣйствовавшимъ только, пока продолжался сборъ пятинныхъ денегъ—подати экстренной, вызванной лишь чрезвычайными потребностями военнаго времени ²⁾. Олеарій говоритъ еще о приказѣ «Сбору десятой денги». Во время войны 1654 г. мѣсто приказа «Сбору пятинныхъ денегъ» занялъ приказъ «Денежнаго Сбору» ³⁾, существовавшій до 80-хъ г.г. XVII стол. (упоминается еще въ 1680 г.) ⁴⁾. Сюда же надо отнести и приказъ «Денежной раздачи», упомянутый въ записныхъ книгахъ, по свидѣтельству Вивлюэна, въ 1662—1663 г.г.

Денежный дворъ.

Наконецъ, къ финансовымъ надо отнести приказы, занимавшіеся чеканкой монеты и выпускомъ ея въ обращеніе: приказъ «Денежнаго двѣла», упомянутый—по Вивлюэну въ записныхъ книгахъ 1663 г., и «Денежный дворъ» ⁵⁾, находившійся въ вѣдомствѣ Большой Казны и упомянутый въ 1665 г. По свидѣтельству Котошихина, въ немъ слѣдѣли дворянинъ и дьякъ, наблюдавшіе за чеканомъ монеты, вѣдавшіе мастеровъ денежнаго двѣла и пресѣдовавшіе за поддѣлку; изъ этого видно, что вполне справедливо мнѣніе Невозина, полагавшаго, что при Денежномъ дворѣ состоялъ особый приказъ, особое административное учрежденіе, только подчиненное, «присудное» приказу Большой Казны.

Приказы судебные.

Общая причина ихъ возникновенія.

Переходя къ вопросу о времени возникновенія *судебныхъ приказовъ*, мы прежде всего замѣтимъ, что ихъ вѣдомство начало складываться задолго до реформъ 50-хъ г.г., хотя опредѣлилось оно окончательно только подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Особенно это относится къ *Разбойному приказу*. По мнѣнію Градов-

¹⁾ А. А. Э., Т. III, № 211; А. Юр., № 215, XI.

²⁾ Лалло-Данилевск. *op. cit.*, стр. 481.

³⁾ А. П., IV, № 93. По Вивл. (Т. XX стр., 305) этотъ приказъ значится въ книгахъ съ 1656 г.

⁴⁾ См. П. С. З., Т. II, № 799.

⁵⁾ Котошихинъ, гл. VII, ст. 9.

скаго ¹⁾), централизація московскаго управленія нигдѣ не выразилась такъ рано и такъ полно, какъ въ судебномъ вѣдомствѣ, такъ какъ княжеское право суда, лучше всѣхъ другихъ правъ князя выяснившееся въ удѣльный періодъ, легче всего было сосредоточить въ Москвѣ, перенести его осуществленіе изъ области въ центръ. Самое возникновеніе судебныхъ московскихъ приказовъ онъ объясняетъ такъ: «московскіе великіе князья, соединявъ въ своихъ рукахъ власть удѣльныхъ князей и высшаго правительства, не могли производить личный судъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ производили его князья удѣльные». Великій князь и боярская дума остались высшей инстанціей, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ—и первою. «Но другія дѣла должны были перейти, на основаніи порученія, въ подчиненныя учрежденія». Но не одво только объединеніе удѣловъ подъ властью московскаго государя способствовало образованію центральныхъ учреждений, являвшихся (по нѣкоторымъ дѣламъ) посредствующей инстанціей между областнымъ судомъ и судомъ великаго князя и его думы. Болѣе непосредственной причиной этого образованія было стремленіе центральной власти такъ или иначе ограничить власть областныхъ правителей и лицъ, пользовавшихся кормленіями. Судебная власть областныхъ органовъ ограничивалась двумя главными способами: во-первыхъ—установленіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ *обязательнаго доклада* высшей инстанціи, находившейся въ центрѣ,—и во-вторыхъ,—совершеннымъ *изъятіемъ* нѣкоторыхъ дѣлъ отъ суда областныхъ правителей, при чемъ мотивы его коренились или въ свойствахъ самихъ дѣлъ (разбойныя, помѣстные, холопья), или въ особомъ положеніи судящихся лицъ: въ принадлежности ихъ къ классу лицъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ (т. е. къ классу служилыхъ людей—наслѣдниковъ стараго правительственнаго класса), или въ подсудности ихъ двумъ различнымъ областнымъ органамъ (въ случаѣ проживанія истца и отвѣтчика въ различныхъ судебныхъ округахъ).

Первый способъ ограниченія судебной власти намѣстниковъ и волостелей—установленіе обязательнаго доклада—повелъ только къ расширенію компетенціи уже существовавшихъ приказовъ и личныхъ органовъ центральнаго управленія, дворецкихъ и особенно—казначеевъ, но не могъ вызвать учрежденія *новыхъ* приказовъ съ специально судебными функціями. Постепенное расширеніе случаевъ обязательнаго доклада можно замѣтить, сравнивая статьи обоихъ судебныхниковъ о «боярскомъ судѣ». Тѣ дѣла, по которымъ на основаніи перваго судебного доклада былъ обязательенъ

¹⁾ Т. II, ст. 840.

только для правителей, не имѣвшихъ права «боярскаго суда»¹⁾, по судебнику 1550 г. требуютъ доклада во всякомъ случаѣ, хотя бы органъ, разбиравшій дѣло, имѣлъ право «боярскаго суда». Докладъ по дѣламъ о холопствѣ производился казначаемъ²⁾ — и только впоследствии, послѣ того, какъ дѣла о холопствѣ были окончательно изъяты изъ вѣдѣнія намѣстниковъ, они были сосредоточены въ особомъ центральномъ учрежденіи—приказѣ Холопья Суда. По другимъ дѣламъ докладъ производился прямо думѣ³⁾ или—по терминологіи того времени—«великому князю» («судити судъ бояромъ и околнпчымъ... а котораго жалобника а непригоже управити,—и то сказать великому князю»—«на самомъ дѣлѣ великій князь судялъ эти дѣла всегда съ боярами; иногда судили даже один бояре»). Наконецъ докладъ производился и начальникамъ различныхъ центральныхъ учреждений, особенно такихъ, которые вѣдали извѣстный классъ населенія (...«или къ тому его послати, которому которые люди приказаны вѣдать»).

Изъятіе изъ-подъ судебной власти намѣстниковъ извѣстныхъ разрядовъ лицъ также не вызывало появленія новыхъ специально судебныхъ приказовъ. Иски между «иногородцами», т.-е. лицами, подсудными различнымъ судебнымъ органамъ, вѣдались казначаемъ⁴⁾. Различные разряды служилыхъ лицъ вѣдались судомъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, которымъ они вообще были подвѣдомственны (въ Разрядѣ, Стрѣльцовомъ, Пушкарскомъ и др. приказахъ). Лица, получившія жалованныя несудимыя грамоты, а также лица, стоявшія въ зависимости отъ церкви, судились дворецкимъ, а потомъ вѣдались судомъ въ приказѣ Большого Дворца.

Такимъ образомъ совершенно *новыя* центральныя учрежденія съ *специально* (или преимущественно) *судебными* функциями возникли только для рѣшенія дѣлъ, *совсемъ* изъятыхъ изъ вѣдѣнія областныхъ органовъ управленія и отчасти переданныхъ выборнымъ земскимъ органамъ, отчасти вполне перенесенныхъ въ центральныя учреждения. Такими дѣлами были дѣла разбойныя, помѣстные и холопья, изъятіе которыхъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ вмѣстѣ съ передачей разбойныхъ дѣлъ губнымъ старостамъ и сосредоточеніемъ холопныхъ и помѣстныхъ въ рукахъ думы—непосредственно вы-

¹⁾ А именно выдача правилъ и близкихъ грамотъ по дѣламъ о холопствѣ. I Суд.—ст. 20 и 43; II Суд., ст. 63 и 66. Проф. Ключевскій вообще отождествляетъ «боярскій судъ» съ судомъ по дѣламъ о холопствѣ. «Б. Дума», стр. 120—123.

²⁾ Указная книга вѣдомства казначеевъ, ст. ст. IV; VIII, XII—XIV; а, 6, XVI, а. Кроме дѣлъ о холопствѣ казначеевъ производился докладъ по дѣламъ о долгахъ. (ст. VII, IX, XXI.) о правехъ (ст. III), по искамъ о сносѣ (ст. IV).

³⁾ ст. 2. Суд. 1497 г.

⁴⁾ Ук. книга вѣд. казначеевъ, ст. XIV, в.—указъ 30 ноября 1559 г.

звало учрежденіе Разбойнаго и Помѣстнаго приказовъ и Холопья суда.

Этому нашему утвержденію не противорѣчитъ появленіе въ концѣ XVI стол. четырехъ судебныхъ приказовъ, — учреждений несомнѣнно новыхъ, съ спеціально судебными функціями — и въ то же время возникшими какъ будто въ силу *изгнтія служилою клас-са* изъ вѣдѣнія областныхъ органовъ. Но, во-первыхъ, эти прика-зы возникли значительно позже другихъ судебныхъ приказовъ, — въ такую эпоху, когда намѣстниковъ съ прежними широкими функціями почти не существовало въ Московскомъ государствѣ, а — во-вторыхъ — и въ этихъ приказахъ сословный принципъ под-судности господствовалъ далеко не безраздѣльно, но совмѣщался съ принципомъ реального раздѣленія дѣлъ. Какъ указали уже Ка-велянъ ¹⁾ и Градовскій ²⁾, областные судебные приказы судили слу-жилыхъ людей только въ тяжбахъ, возникшихъ изъ гражданскихъ правонарушеній, т. е. въ дѣлахъ, касающихся устройства эконо-мическаго быта служилого сословія, — а это устройство (къ кото-рому относились также дѣла помѣстныхъ и холопья) давно уже бы-ло изъято изъ вѣдѣнія органовъ областного управления и сосре-доточено въ рукахъ центрального правительства.

1. Разбойный приказъ.

Въ постановленіяхъ Судебника 1497 г. мы не встрѣчаемъ еще указаній на выдѣленіе разбойныхъ дѣлъ изъ вѣдомства на-мѣстниковъ съ «судомъ боярскимъ» и вообще на какое-либо огра-ниченіе ихъ власти по отношенію къ этому роду судебныхъ дѣлъ ³⁾.

Разбой не выдѣляется еще здѣсь изъ общей группы «лихихъ дѣлъ». Всѣ эти дѣла въ Москвѣ подлежатъ суду «боярина», т. е. лица, которому какіе нибудь люди «приказаны вѣдать» ⁴⁾, а въ области — суду «бояръ или дѣтей боярскихъ, за которыми кормле-нія съ судомъ боярскимъ» ⁵⁾. Наказываются лихія дѣла смертю, причемъ въ судѣ центральномъ приговоръ приводится въ исполне-ніе «тіуномъ великаго князя и дворскимъ»; а въ областномъ судѣ —

¹⁾ Т. I, стр. 72.

²⁾ Т. I, стр. 348.

³⁾ См. ст. VIII и XXXIX Суд. 1497 г. — здѣсь разбой еще поставленъ въ одной группѣ съ другими преступленіями: „татьбой, душегубствомъ, лобдичествомъ и инымъ ка-кимъ лихихъ дѣломъ“.

⁴⁾ Ст. VIII, Суд.

⁵⁾ Ст. 39. Суд. 1497

тіуномъ намѣстника. Намѣстники же и волостели, «которые держать кормленія безъ боярскаго суда» (ст. 44—«а татя и душегубца не пустити и всякаго лихоу человекѣа безъ доклада не продати, ни купити, ни отпустити») не имѣють права безъ доклада рѣшать «лихихъ дѣлъ». Кому именно дѣлался докладъ объ лихихъ дѣлахъ въ эпоху перваго Судебника—самому великому князю или особой боярской коллегіи, специально составленной для разбора этихъ дѣлъ во второй инстанціи ¹⁾, сказать трудно. Вѣрнѣе, что особой *постоянной* коллегіи еще не существовало, но возможно, что различныя дѣла по докладу областныхъ судей разбирались не всей думой *in corpore*, а лишь нѣкоторыми ея членами,—преимущественно, вѣроятно, начальниками приказовъ и казначеями, вообще—органами центрального управленія.

Однако, специальная боярская коллегія для разбора нѣкоторыхъ «лихихъ» дѣлъ, а именно дѣлъ о «вѣдомыхъ разбойникахъ» по докладу областныхъ судей, возникла немедленно вслѣдъ за появленіемъ въ области специальныхъ судебно-полицейскихъ органовъ по этимъ дѣламъ; иными словами—начало Разбойнаго приказа стоять въ непосредственной связи съ учрежденіемъ должности губныхъ старостъ. Первая изъ пзвѣстныхъ намъ губныхъ грамотъ—Бѣлозерская, 23 октября 1539 г. ²⁾, говоритъ о «боярахъ въ Москвѣ, которымъ разбойныя дѣла приказаны», князь Ив. Дан. Пѣнковъ съ товарищи. Бѣлозерцы должны прислать этимъ боярамъ списокъ избранныхъ ими «губныхъ головъ»; губные же головы отсылають въ Москву тѣмъ-же боярамъ списокъ, «что будетъ у исцовыхъ исковъ останется разбойничьихъ животовъ», т. е. списокъ имущества казенныхъ разбойниковъ, оставшагося въ наличности по удовлетвореніи изъ него всѣхъ потерпѣвшихъ («исцовъ»). Первая Бѣлозерская грамота 1539 г. еще ничего не говоритъ о *докладѣ* губныхъ органовъ боярамъ, «которымъ разбойныя дѣла приказаны», въ случаѣ невозможности почему-либо самимъ рѣшить дѣло. Но губная грамота селамъ Кириллова монастыря въ томъ же Бѣлозерскомъ уѣздѣ отъ 27 сентября 1549 г. ³⁾ уже прямо упоминаетъ о случаѣ невозможности «управы чинити», и велитъ въ этомъ случаѣ отписывать «къ бояромъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла», а бояре (являющіеся второй инстанціей)

¹⁾ Другими словами—существовали ли уже тогда *три* инстанціи по разбойнымъ дѣламъ (одна въ области и двѣ въ центрѣ) или только *одна* (намѣстникъ и великій князь съ думой).

²⁾ А. А. Э., т. I, № 187. Дословно сходна съ нею и издана того-же года, мѣсяца и числа Каргопольская губная грамота,—Д. А. И. I, № 81.

³⁾ А. А. Э., т. I, № 224.

докладаваютъ объ этихъ дѣлахъ великаго князя и сообщаютъ губнымъ органамъ рѣшеніе по этимъ дѣламъ ¹⁾).

Самое названіе «Разбойной избы» встрѣчается только въ 1571 г. въ «царскомъ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ» ²⁾), обыкновенно извѣстномъ подъ именемъ «второй Бѣлозерской губной грамоты».

Однако, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVI стол. существовало въ Москвѣ вполне сложившееся учрежденіе ³⁾—боярская коллегія съ прикомандированными къ ней нѣсколькими дьяками,—вѣдавшее въ качествѣ второй инстанціи (между областнымъ судомъ и судомъ государя съ думой) разбойныя дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были введены губныя учрежденія, и имѣвшее общій надзоръ за дѣятельностью этихъ учреждений и за личнымъ составомъ губныхъ органовъ. Шалфѣевъ въ своемъ изслѣдованіи объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа перечисляетъ слѣдующія функціи этого приказа въ XVI вѣкѣ:— 1) искорененіе «вѣдомыхъ лихихъ людей» ⁴⁾), т.-е. «облихovanýchъ» на повальномъ обыскѣ ⁵⁾), впоследствии также взятыя съ полиціей или по «язычной молкѣ»—по оговору пытаемаго «лихого человека»—въ отличіе отъ задержанныхъ по жалобѣ или по подозрѣнію, «безъ довода»; эти послѣдніе судились «судомъ», а не «розыскомъ», безъ примѣненія пытки, и не относились къ разряду «вѣдомыхъ лихихъ людей» ⁶⁾); прочіе лихіе люди не подлежали вѣдомству губныхъ учреждений, а вѣдались судомъ сначала у намѣстниковъ, а потомъ у замѣнившихъ ихъ земскихъ выборныхъ судей (высшей же инстанціей для разбора ихъ дѣлъ служилъ *Судный приказ*); 2) наблюденіе за службой губнаго начальства и судъ надъ нимъ: губные старосты цѣловальники и дьяки приводились въ Разбойномъ приказѣ къ крестному цѣлованію передъ вступленіемъ въ должность (впоследствии — по Уложенію — въ Москвѣ цѣловали крестъ только губные старосты, а прочіе чины—на мѣстѣ ⁷⁾); здѣсь

¹⁾ Судебникъ 1550 г. (ст. 60) говоритъ уже о губныхъ старостахъ, какъ объ учрежденіи повсемѣстномъ, независимомъ отъ намѣстниковъ.

²⁾ А. А. Э., т. I, № 281, дьяки Угрімъ Горсткнвъ и Станиславовъ.

³⁾ Именно къ этому времени—къ 1555 г.—наши изслѣдователи—Шалфѣевъ и пр. Владимірскій—Будановъ, относятъ первое изданіе Уставной книги Разбойнаго приказа за приписью дьяковъ Андрея Щелкалова и Мисоѣда Вислова. См. Уст. кн. *Земскаго приказа*, ст. IV, А. Ист., т. III, № 92;—здѣсь упомянута указная книга Разб. пр. 7064 г.

⁴⁾ См. губныя грамоты, напечатанныя въ А. А. Э., т. I, №№ 187, 192, 194, I и II, 224, 281, 330; т. IV, №№ 159 и 237; А. Ист. Довоз. т. I, № 81.

⁵⁾ См. Уст. книгу Разб. пр. ст. I—21.

⁶⁾ См. Уст. кн. Разб. пр. ст. 18.

⁷⁾ См. Уст. кн. Разб. пр. (А. Ист. т. III, № 167), ст. 59.

же они отвѣчали по предъявленнымъ на нихъ гражданскимъ искамъ¹⁾, отсюда получали, послѣ принесенія присяги, «наказъ», которымъ должны были руководиться въ своей судебной дѣятельности; 3) докладъ царю для рѣшенія дѣлъ, которыхъ губные старосты не могли разрѣшить сами (по недостатку закона или обычая); 4) окончательное (во второй инстанціи) рѣшеніе дѣлъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ (преимущественно такихъ дѣлъ, которыя должны были рѣшаться губными старостами разныхъ избъ), и наблюденіе за ихъ наказаніемъ. Введеніе губныхъ учрежденій произошло дѣтъ на пятнадцать раньше введенія въ большей части государства земскаго самоуправленія (1539 г. 1556 г.) и по характеру и значенію своему первая мѣра московскаго правительства имѣла мало общаго со второй, хотя обѣ онѣ клонились къ ограниченію власти памѣстниковъ. Прежде всего, является вопросъ, въ какой мѣрѣ оба эти института (губныхъ старостъ и земскихъ судей и цѣловальниковъ) являлись результатомъ самостоятельной инициативы московскаго правительства—и въ какой мѣрѣ онѣ являлись только удовлетвореніемъ желаній самихъ общинъ, неоднократно выражавшихся въ ихъ челобитіяхъ? Тотъ ли другой отвѣтъ на этотъ вопросъ заставитъ насъ признать эти институты простыми органами государственнаго управленія (на которые государство *sub sponte* возложило нѣкоторыя свои функціи),—какъ это дѣлаетъ г. Чичеринъ въ своемъ трудѣ: «Областные учрежденія Россіи въ XVII в.»—или же органами автономнаго управленія общинъ, основанными на старинномъ, исконномъ принципѣ земскаго самоуправления,—принципѣ болѣе древнемъ, чѣмъ само государство и потому независимомъ отъ государственной власти: въ такомъ случаѣ вся роль центральнаго правительства по введенію губныхъ и земскихъ учрежденій сведется къ уничтоженію позднѣйшихъ административныхъ наслоеній, прикрывшихъ собою автономную общину, и къ возвращенію общинамъ ихъ прежняго значенія. Возможны, конечно, отвѣты, примиряющіе эти два крайнихъ мнѣнія, допускающіе взаимодѣйствіе инициативы правительства и населенія во введеніи губныхъ и земскихъ учрежденій. Такой взглядъ на дѣло наиболее близокъ къ истинѣ и принятъ большинствомъ нашихъ изслѣдователей, но всетаки можно придавать сравнительно большее или меньшее значеніе тому или другому фактору въ дѣлѣ проведенія обѣихъ реформъ. По нашему мнѣнію, вопросъ о взаимодѣйствіи инициативы правительства и общинъ въ дѣлѣ введенія губныхъ учрежденій надо совершенно отдѣлить отъ

¹⁾ *Ib.*, стр. 60.

подобнаго же вопроса относительно земской реформы 1555—1556 гг.: отвѣты на оба вопроса будутъ совершенно различны.

Во введеніи губныхъ учреждений правительство играло гораздо болѣе активную роль, чѣмъ въ реформахъ 50-хъ г.г. Въ этихъ послѣднихъ реформахъ оно только пошло навстрѣчу желаніямъ общинъ, такъ какъ ихъ интересы вполнѣ совпадали съ его собственными. Финансовыя интересы правительства требовали *омдѣленія* сбора мѣстныхъ доходовъ отъ мѣстной администраціи и сосредоточенія первыхъ въ рукахъ приказныхъ органовъ, всецѣло подчиненныхъ центральному правительству (такими органами и являлись чети); того же требовали административныя интересы общинъ: хорошее мѣстное управленіе было невысказано, пока оно носило характеръ кормленія и являлось только источникомъ извлеченія доходовъ изъ управляемыхъ. Такимъ образомъ, *различные по существу* интересы правительства и общинъ здѣсь совпадали и требовали одной и той же мѣры—уничтоженія намѣстническаго правленія. И правительство провело эту мѣру, удовлетворяя безпрестаннымъ челобитіямъ общинъ и соблюдая въ то же время собственные весьма важныя интересы. Но интересы эти, какъ сказано, касались только *финансовой* стороны мѣстнаго управленія: административно-же судебная сторона его, мѣстное управленіе въ *тѣсномъ* смыслѣ слова мало интересовало правительство. Придавъ ему такую форму, которая не противорѣчила его финансовымъ интересамъ и въ то же время совпадала съ желаніями населенія (что, однако, для правительства было вопросомъ второстепеннымъ), московское правительство мало заботилось затѣмъ о ходѣ и внутреннемъ устройствѣ земскаго самоуправленія, о свойствахъ дѣятельности земскихъ судей и цѣловальниковъ. Оно предоставило ему сначала идти своимъ чередомъ, не создало никакихъ *особыхъ* центральныхъ органовъ для надзора надъ нимъ и для направленія его дѣятельности: чети были—первыя 20—25 лѣтъ своего существованія—исключительно финансовыми, фискальными учреждениями и приходили въ соприкосновеніе съ органами земскаго самоуправленія лишь по вопросамъ финансоваго управленія. Административное значеніе—надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ и право разрѣшенія различныхъ вопросовъ этого управленія—онѣ получали только съ теченіемъ времени, когда земское самоуправленіе пало подъ ударами внѣшнихъ войнъ и событій смутнаго времени, когда явилось сознаніе необходимости тѣсной связи центральнаго правительства съ областями, связи не только внѣшней, военно-финансовой, но и внутренней—административной. Четямъ, какъ органамъ для надзора за финансовымъ управленіемъ областей, всего легче и естественнѣе было принять на себя и общій надзоръ

за ходомъ мѣстнаго управленія. какъ земскаго, такъ и приказнаго, воеводскаго. Совѣмъ иное видѣтъ мы въ ходѣ развитія губныхъ учрежденій.

Эти учрежденія требовались односторонними интересами общинъ: правительство отъ нихъ ничего не выигрывало въ финансовомъ отношеніи. Если оно согласилось на ихъ введеніе, то, вѣроятно, потому только, что они ограничивали власть намѣстниковъ, а къ ограниченію этой власти правительство давно уже стремилось—скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; власть эту оно пока ограничивало исключительно частными мѣрами и разными пзятіями:—жалованными и несудимыми грамотами,—а не общими положеніями. Изъятіе губныхъ дѣлъ (вѣдомаго разбоя) изъ вѣдѣнія намѣстниковъ было сначала тоже частной мѣрой, почему правительство, вѣроятно, и не думало о распространеніи этой мѣры на все государство. Губныя грамоты въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ давались только по челобитьямъ отдѣльныхъ общинъ и распространеніе губныхъ учрежденій шло медленно и постепенно,—такъ сказать—естественнымъ путемъ. Они не были введены никакимъ общимъ законодательнымъ актомъ, но частными распоряженіями, особыми для каждой мѣстности грамотами. Не то было съ земскимъ самоуправленіемъ. Издавъ по челобитіямъ общинъ нѣсколько уставныхъ грамотъ¹⁾, правительство очень скоро—черезъ четыре года²⁾—пришло къ мысли о повсемѣстномъ упраздненіи намѣстничьяго управленія и привело эту мысль въ исполненіе въ большей части государства.

Губныя учрежденія по своему характеру и первоначальному значенію не представляли изъ себя чего либо существенно новаго по отношенію ко всѣмъ существовавшимъ раньше,—еще съ XIV в.—пзятіямъ изъ власти намѣстниковъ въ пользу общинъ или частныхъ владѣльцевъ,—пзятіямъ, опредѣлявшимся въ разныхъ жалованныхъ грамотахъ.

Поэтому развитіе ихъ шло сначала по тому же пути, какъ развитіе всѣхъ этихъ частныхъ пзятій, привилегій. Московское правительство, освобождая въ извѣстномъ отношеніи какую-нибудь территорію отъ подчиненія власти намѣстника, непременно ставило ее въ непосредственныя отношенія съ какимъ-нибудь центральнымъ органомъ управленія—лицомъ (дворецкимъ, казначеемъ) или учрежденіемъ, чтобы не порвать связи этой мѣстности съ

¹⁾ Древнѣйшая изъ нихъ—Плесская—отъ 28 февр. 1551 г. затѣмъ—Важская—21 марта 1552 г. А. А. Э., I, № 284.

²⁾ Въ Переяславской уставной грамотѣ 1555 г.—А. А. Э., I, № 242, потомъ въ актѣ, опечатанномъ Татищевымъ 20 сент. 1706 г. (1556 г.).

центромъ и съ верховной властью, той связи, которая раньше поддерживалась черезъ намѣстника. Такъ и теперь—мѣстности, освобожденныя отъ намѣстничья суда по губнымъ дѣламъ, были тотчасъ же подчинены суду центральному—«бояръ, которымъ разбойныя дѣла приказаны». Иначе не доставало бы посредствующей инстанціи между верховною властью и данной мѣстностью. Съ теченіемъ времени, когда губныя учрежденія, сдѣлавшись изъ частнаго явленія общимъ правиломъ, изъ привилегіи обратились въ органы центрального правительства, избраніе которыхъ стало обязательнымъ для населенія. эта посредствующая инстанція, имѣвшая вначалѣ характеръ личный и случайный (выразившійся въ самомъ ея наименованіи), преобразовывается въ постоянное центральное учрежденіе, съ строго опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства.

Въ эпоху второго Судебника губные старосты были явленіемъ общимъ и повсемѣстнымъ¹⁾: уже поэтому одному можно думать, что Разбойный приказъ, какъ учрежденіе, существовалъ около 1550 г. Упомянутое объ «уставной книгѣ Разбойнаго приказа» 7064 г. (1555 г.²⁾ окончательно утверждаетъ насъ въ этомъ мнѣніи.

Чѣмъ же однако обуславливалось различное отношеніе московскаго правительства къ дѣятельности губныхъ и земскихъ учреждений, его строгая опека и неуловный надзоръ за первыми и почти полное равнодушіе ко вторымъ, поскольку они не касались его финансовыхъ интересовъ?—Губное дѣло, какъ видно уже изъ первой губной грамоты—Вязозерской 1539 г.,—съ самаго начала признавалось не только правомъ, но и *обязанностью*, *новинностью* общины, за неисполненіе которой имъ грозятъ «казнь и продажа»; тутъ видимъ не только гражданскую круговую отвѣтственность членовъ общины за пмущественную безопасность въ ея предѣлахъ (эта отвѣтственность влечетъ за собой уплату исковъ «тѣхъ людей, «которыхъ въ вашей волости разобьютъ»—и даже двойныхъ исковъ), но и отвѣтственность уголовную за соблюденіе тишины и порядка. Правительство съ самаго начала смотритъ на губныхъ старостъ, какъ на органы, вполне замѣняющіе намѣстниковъ въ отправленіи нѣкоторыхъ ихъ функций. На намѣстникахъ же лежала *обязанность*, а не право только (какъ думаетъ Дмитріевъ) преслѣдовать и истреблять лихихъ людей.

Эта обязанность и перешла теперь на губныхъ старостъ, при чемъ финансовое значеніе уголовного суда по губнымъ дѣламъ для центрального правительства ни въ чемъ не измѣнилось: какъ

¹⁾ ст. 60 Суд. 1550 г.

²⁾ А. П. Ш., № 167 и А. А. Ш., П., № 225 (неполный списокъ).

раньше оно не получало от них никаких доходов, так не получало их и теперь. Именно, въ этомъ *финансовомъ безразличіи* губного дѣла для московскаго правительства и надо искать причину *болѣе активной* отношенія къ нему этого правительства, стремленія централизовать губное вѣдомство, подчинявъ его одному для всей территоріи государства учрежденію, стремленія превратить губныхъ старостъ въ приказные органы центральнаго правительства (именно этия стремленія объясняется требованіе, чтобы губные старосты избирались *непрерывно* изъ дѣтей боярскихъ).—Такой взглядъ можетъ показаться страннымъ, но эта странность исчезнетъ, если глубже всмотрѣться въ дѣло.

Въ губномъ дѣлѣ денежная, финансовая сторона не заслоняла собою въ глазахъ правительства стороны собственно административной,—интересовъ управленія,—какъ это случилось нѣсколько лѣтъ спустя съ земскимъ дѣломъ. Вводя губныя учрежденія, правительство имѣло въ виду только интересы мѣстной безопасности, т. е. интересы общинъ, а не свои собственные ¹⁾.

Приваивъ эти интересы подъ свою защиту, оно естественно стремилось сохранить за собою контроль надъ органами, которымъ оно поручило ихъ охраненіе. Что правительство, дѣйствительно, приняло подъ свою защиту охраненіе безопасности въ предѣлахъ общинъ, видно изъ того, что еще до учрежденія института губныхъ старостъ оно стало посылать въ волости «обыщиковъ» для поимки «вдомыхъ ляхихъ людей», «разбойниковъ»; эти обыщики были приказными органами въ строгомъ смыслѣ слова. Значитъ, правительство признало неудовлетворительной дѣятельность намѣстниковъ и волостелей по губнымъ дѣламъ. Исключая губное дѣло изъ ихъ вѣдѣнія, оно руководилось интересами населенія, между тѣмъ какъ, вводя земское самоуправленіе въ 50-хъ г.г., оно (несмотря на всѣ его увѣренія—въ Переяславской уст. грамотѣ и въ актѣ 1556 г.) заботилось только о своемъ финансовомъ интересѣ. Ему важно было не введеніе самоуправления, а уничтоженіе намѣстнической власти. Самоуправленіе явилось само собой, какъ необходимое слѣдствіе этого уничтоженія: верхній слой мѣстной администраціи былъ снятъ—открылся нижній. Правительство, конечно, предвидѣло этотъ результатъ, но нисколько не стремилось къ нему, какъ и не старалось его предотвратить. Онъ былъ для него безразличенъ. Правительству надо было только установить

¹⁾ При современныхъ взглядахъ на задачи государственной дѣятельности—такое различіе интересовъ государственныхъ и мѣстныхъ и отнесеніе къ послѣднимъ задачъ общественной безопасности и благоустройства, конечно, невозможно, но при тогдашнихъ понятіяхъ оно было вполне естественно.

непосредственныя отношенія съ плательщиками налоговъ, а какъ эти плательщики будутъ устривать свои внутреннїя дѣла—свой гражданскїй бытъ—это ему было безразлично. Правда, скоро оно сознало неудобство такого порядка вещей, и, придя къ этому сознанію, оно создало новые органы для надзора и опеки надъ земскимъ самоуправленіемъ,—органы, которые мало-по-малу совсѣмъ подавили его, подчинили его себѣ, вмѣсто того, чтобы только направлять его дѣятельность въ общихъ государственныхъ цѣляхъ.

Но въ XVI в.—при учрежденіи четей—правительство еще не включало въ кругъ своихъ задачъ заботу о гражданскомъ устройствѣ общинъ, о регулированіи многообразныхъ отношеній ихъ внутренней жизни, поскольку эти отношенія не затрагивали военныхъ и финансовыхъ интересовъ государства. Только заботу о личной и имущественной безопасности своихъ подданныхъ въ предѣлахъ общинъ правительство уже давно сознало и приняло на себя—правда, пока еще не въ полномъ ея объемѣ. Оно считало своей обязанностью пока только охрану населенія отъ «вѣдомыхъ лихихъ людей», всѣмъ извѣстныхъ нарушителей закона и общаго блага, которыхъ правительство ставило поэтому какъ бы *вне* закона, не давая имъ «суда»—обыкновеннаго, легальнаго обвинительнаго процесса, а сначала просто приказывая ловить и казнить ихъ, если только окажется, что пойманный—дѣйствительно «вѣдомый лихой человекъ», а потомъ, создавъ для нихъ особую форму слѣдственнаго процесса—«розыска». носившаго первое время характеръ экстраординарности, почему онъ и не допускалъ сначала доклада (о которомъ ничего не говорится въ губныхъ грамотахъ до 1571 г.). Вотъ почему правительство изъясло губное дѣло изъ вѣдѣній намѣстниковъ (такъ какъ не могло считать ихъ своими подчиненными органами въ полномъ смыслѣ слова), поручивъ его своимъ «обыщкамъ», а когда оказалось, что и эти «обыщники» не удовлетворяютъ возложенной на нихъ задачи и являются только тягостью для общинъ, правительство упразднило ихъ и передало губное дѣло въ руки *самого населенія*. До сихъ поръ, слѣдуя общепринятому словоупотребленію, мы, говоря о губныхъ учрежденіяхъ, всюду употребляли слово: «общинна», «общинные органы». Но это не точно: губные старосты (за исключеніемъ первыхъ лѣтъ своего существованія, когда они были сословными крестьянскими органами) были органами *всесословными*, а не общинными, такъ какъ *всесословной общины* у насъ никогда не существовало. Слово «общинный» примѣняется вполнѣ правильно въ земскому самоуправленію, введенному въ 50-хъ г.г.,

такъ какъ органы этого самоуправленія избирались только черными людьми (крестьянами и посадскими), которые одни входили въ составъ общинъ, и изъ своей же среды. Органы же губные избирались *всѣмъ* населеніемъ данной мѣстности, безъ различія сословій, и избирались именно изъ того класса, который никогда не входилъ въ составъ общинъ, изъ лицъ служилого класса.

Регулируя губное дѣло, правительство, конечно, заботилось о безопасности лицъ всѣхъ классовъ, а не однихъ только членовъ общинъ—черныхъ людей: поэтому оно и поручило губное дѣло всему населенію. Приказывая же избирать губныхъ старостъ изъ дѣтей боярскихъ, оно тѣмъ самымъ ясно показало, что не хочетъ придавать этимъ органамъ *земскаго* характера, который неминуемо придалъ бы имъ известную самостоятельность отъ контроля центральнаго правительства, а хочетъ сохранить за ними значеніе *своихъ мѣстныхъ* органовъ, поручивъ эти должности служилымъ людямъ низшаго класса, какъ разъ того класса, который наиболее крѣпко и неразрывно былъ связанъ съ Москвой и съ центральнымъ правительствомъ. Поручивъ губное дѣло выборнымъ органамъ, правительство смотрѣло на нихъ, какъ на *свои* органы, исполняющіе государственныя функціи; исполненіе этихъ функцій *возложено* на нихъ, какъ обязанность, а не *уступлено* имъ, какъ *право*. Правительство поэтому и не выпускало изъ своихъ рукъ контроля надъ дѣятельностью губныхъ учреждений, старалось централизовать ее, влить ее въ одинаковыя для всего государства формы. Объ этомъ стремленіи правительства свидѣтельствуетъ раннее изданіе «Разбойнаго устава» въ 1555 г.

Представителемъ только что высказаннаго взгляда на первоначальное значеніе губныхъ учреждений является въ нашей литературѣ Чичеринъ въ своемъ трудѣ: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ»¹⁾. Иной взглядъ выраженъ Градовскимъ. Онъ различаетъ *два* момента въ эволюціи губныхъ учреждений. Сначала они носили, по его мнѣнію, характеръ льготы, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ исключеніемъ, не имѣя общаго значенія; затѣмъ, получивъ такое общее значеніе, они получили вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ повинности, возложенной на крестьянъ²⁾. Превращеніе это произошло въ концѣ правленія Грознаго. Но и «короткій періодъ его существованія, какъ льготы, губное учрежденіе представляетъ *два* момента развитія». До 1550 г. губное дѣло не отличается исключительно земскимъ характеромъ, а сохраняетъ нѣкоторую долю приказнаго, служебнаго значенія. По-

¹⁾ См. стр. 449—500.

²⁾ Т. II, стр. 213—215.

слѣ 1550 г. (или около того времени (губное дѣло соединяется съ земскимъ самоуправленіемъ, изъ всесословнаго дѣлается крестьянскимъ, изъ обще-уѣзднаго-общиннымъ или волостнымъ ¹⁾). Такимъ образомъ, Градовскій, строго говоря, согласенъ съ Чичериннымъ въ его воззрѣніяхъ на первоначальный характеръ губныхъ учрежденій въ періодъ ихъ возникновенія; между прочимъ, опъ вмѣстѣ съ Чичериннымъ—(стр. 451) и вопреки Дмитріеву (op. cit., стр. 52) отрицаетъ первоначальную *повсемѣстность* губныхъ учрежденій—(стр. 212). Хотя онъ и отказывается признать возможность «установленія повинности по челобитію самихъ общинъ» и не хочетъ повтому согласиться съ мнѣніемъ Чичерина, что правительство видѣло въ губномъ управленіи... государственное дѣло и только по недостатку собственныхъ средствъ... возлагало это дѣло на общины», однако даже онъ самъ соглашается, что правительство, возлагая губное дѣло на крестьянство— «(на самомъ дѣлѣ—не на одно крестьянство, а на всѣ сословія)», —«оставило за нимъ нѣкоторую долю *приказнаго, служебнаго значенія*». Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что правительство возложило на общины повинность «по ихъ же челобитію»: оно, дѣйствительно считало губное дѣло *своимъ*, а не общиннымъ, имѣло для него и *свои* органы—недѣльщиковъ, обыщиковъ; но эти органы оказались несостоятельны, не удовлетворяли желаніямъ ни самого правительства, ни общинъ. Общины просятъ правительство освободить ихъ отъ этихъ неудачныхъ губныхъ органовъ, возложить губное дѣло на нихъ самихъ. Правительство, видя свою слабость, невозможность собственными средствами отправлять губное дѣло, соглашается исполнить просьбу общинъ и кладетъ на нихъ губное дѣло, но, конечно, не какъ право, не какъ привилегію, а какъ *обязанность*: оно не только позволяетъ населенію ловить и казнить преступниковъ, во *предписываетъ* ему это подѣ страхомъ отвѣтственности за неисполненіе предписанія. Гдѣ же тутъ льгота? Какая привилегія осуществляется подѣ страхомъ «продажи и казни»? Но мы видѣли, что самъ Градовскій готовъ признать «служебное», «приказное» значеніе первоначальныхъ губныхъ органовъ—этимъ онъ уже косвенно признаетъ, что губное дѣло было не привилегіей, а обязанностью общинъ.

Рѣшительно расходится Градовскій съ Чичериннымъ въ своихъ взглядахъ на отношеніе губныхъ учрежденій къ земскому самоуправленію 50-хъ г.г. По мнѣнію Градовскаго, правительство «соединило губное дѣло съ земскимъ крестьянскимъ управленіемъ», вмѣсто губныхъ старостъ стали дѣйствовать земскіе старосты,

¹⁾ id. стр. 214.

судьи, цѣловальники. Такой взгляд кажется намъ совершенно неправильнымъ. Правда, съ введеніемъ земскаго самоуправленія одни и тѣ же лица часто набирался и земскими старостами, и *губными* и, такимъ образомъ, соединяли въ своихъ рукахъ *местное управленіе* (я органически неразрывно связанный съ нѣмъ судъ по гражданскимъ дѣламъ ¹⁾) съ *губнымъ дѣломъ* (уголовнымъ судомъ по «вѣдомымъ личнымъ дѣламъ»). Но это было соединеніе двухъ совершенно разнородныхъ функций въ рукахъ одного лица, а не слитіе воедино двухъ различныхъ вѣдомствъ. Что правительство именно такъ смотрѣло на соединеніе въ рукахъ однихъ и тѣхъ же органовъ земскаго и губнаго дѣла, на это указываетъ то обстоятельство, что земскіе выборные органы, получившіе «губное право», по губнымъ дѣламъ сносились исключительно съ *Разбойнымъ приказомъ*, хотя вообще подлежали вѣдомству четей. Да и то надо замѣтить, что такое соединеніе земскаго и губнаго дѣла въ рукахъ одного органа имѣло мѣсто *только* въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше, до земской реформы, *вовсе не было* губныхъ учреждений.—Тамъ же, гдѣ губные старосты набирался уже до реформы 50-хъ г.г., они продолжали свою дѣятельность въ прежнемъ объемѣ. Земскіе органы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *совсѣмъ не имѣли права* вмѣшиваться въ губное дѣло (о чемъ прямо сказано въ уставныхъ грамотахъ); въ другихъ они только присутствовали на судѣ губныхъ старостъ въ качествѣ цѣловальниковъ, совершенно такъ же, какъ раньше выборные органы отъ общины присутствовали на судѣ намѣстниковъ. Вотъ это-то *присутствіе* земскихъ органовъ на судѣ губныхъ старостъ и указываетъ ясное всего на *приказный, государственныи*, а не земскій характеръ функций послѣднихъ. Если бы губные старосты были настоящими земскими органами, то какой смыслъ имѣло бы присутствіе на ихъ судѣ—въ видахъ контроля правосудія и обезпеченія земскихъ интересовъ—еще другихъ земскихъ органовъ? Именно потому и надо было сдать земскимъ цѣловальникамъ у суда губныхъ старостъ, что эти старосты, какъ люди служилые и настоящіе приказные органы правительства, оставались чужими интересамъ «земства», т.е. «черныхъ людей» (такъ какъ самоуправленіе дано было только чернымъ людямъ, а не всему населенію). Наконецъ, когда самостоятельность земства стала уже падать, правительство стало передавать губнымъ старостамъ—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—и гражданскій судъ, и надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ, пока

¹⁾ И по уголовнымъ, кромѣ «вѣдомыхъ личныхъ дѣлъ», которыя одни признавались публичными правонарушеніями, а всѣ прочія—частными—и преслѣдовались гражданскимъ порядкомъ—обвинительнымъ «судомъ», а не слѣдственнымъ «сыскомъ».

ему не удалось создать новых приказных органовъ съ сильной исполнительной и распорядительной властью для руководства всѣмъ ходомъ мѣстнаго управленія въ лицѣ «городовыхъ воеводъ». Передача губнымъ старостамъ всего мѣстнаго управленія или только надзора за дѣятельностью земства прямо указываетъ на то значеніе, которое московское правительство придавало этой должности. Оно всегда считало губныхъ старостъ *соими*, а не земскими органами, представителями интересовъ *служилого* сословія, а *следовательно*—и центрального правительства, такъ какъ интересы служилого класса (мы говоримъ не о боярахъ—*вотчинникахъ*, а о дѣтяхъ боярскихъ и дворянахъ—*помѣщикахъ*) въ XVI и XVII в.в. были тождественны съ интересами центрального правительства и наоборотъ. Введеніе губныхъ учрежденій въ XVI в. имѣетъ значеніе отдѣленія уголовного суда (въ его тогдашнемъ объемѣ) отъ администраціи и порученія его особымъ органамъ, избираемымъ *остимъ* населеніемъ изъ среды *присяжно* (служилого) класса, но дѣйствующимъ въ качествѣ органовъ правительства, а не населенія. Въ этомъ отношеніи губная реформа имѣетъ много общаго съ судебной реформой императрицы Екатерины II. Какъ тамъ, такъ и здѣсь судьи избираются лицами, имъ подсудными (въ XVI в.— всѣмъ населеніемъ губы, въ XVIII в.—соответствующимъ сословіемъ), но дѣйствуютъ, какъ правительственные чиновники и зависятъ *исключительно* отъ центрального правительства, которому обязаны самой строгой отвѣтственностью.

Тотъ фактъ, что въ XVII в. губные органы окончательно приобрѣли служебный, приказный (такъ что иногда правительство даже *прямо назначало* ихъ, безъ всякихъ выборовъ) характеръ и губное дѣло являлось уже обязанностью, а не правомъ общины—вполнѣ признаетъ и Градовскій: начало этого порядка онъ относитъ ко времени «второй Бѣлозерской грамоты», 1571 г. ¹⁾ Подобно этому и Дмитріевъ ²⁾ полагаетъ, что со времени Ивана IV губныя учрежденія распространились по всей территоріи государства и избраніе губныхъ старостъ сдѣлалось *обязанностью* общины, тогда какъ раньше это было ихъ правомъ. Этотъ взглядъ справедливъ въ томъ смыслѣ, что пока еще существовали правительственные органы для поимки и казни разбойниковъ—педѣльщики и обыщики—до тѣхъ поръ избраніе губныхъ старостъ общинами было, конечно, вполнѣ факультативнымъ и зависѣло отъ ихъ собственнаго желанія (которое правительство могло еще и не удовлетворить); но какъ только правительство, убѣдившись въ несостоятельности своихъ

¹⁾ То же мнѣніе высказываетъ и Шафферъ—*op. cit.*, стр. 71.

²⁾ *op. cit.*, стр. 52 в. 22.

приказныхъ органовъ по губному дѣлу, упразднило ихъ, такъ сейчасъ же и явилась необходимость *обязательнаго и повсемѣстнаго* избранія губныхъ старостъ самими общинами и губное дѣло легко теперь на само населеніе, независимо отъ его желанія или нежеланія. Относительно самаго характера власти губныхъ старостъ, г. Дмитріевъ дѣлитъ ихъ исторію на два періода: въ первомъ періодѣ—до царствованія Михаила Феодоровича—власть ихъ отличалась мѣстнымъ, общиннымъ характеромъ, не выходила за предѣлы «губы» (небольшого округа. «присуда»,—меньше уѣзда,—едва ли не равнявшася стану) ¹⁾; со времени же Михаила Феодоровича эта власть стала, по выраженію Дмитріева, «центральной», т.е. стала обнимать цѣлый уѣздъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получила приказный характеръ. Итакъ, приказный характеръ губныхъ учреждений въ XVII в. не подвергается сомнѣнію въ нашей литературѣ и споры идутъ только объ ихъ первоначальномъ значеніи. Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ, что Разбойный приказъ, какъ центральное учрежденіе для надзора за дѣятельностью губныхъ учреждений, долженъ былъ возникнуть, какъ только эти учрежденія, замѣнившія собою прежнихъ общинковъ (а не непосредственно на мѣстныхъ) ²⁾ потеряли характеръ исключительности (но не *люти* котораго у нихъ никогда и не было) и распространились, если не по всему государству, то по значительной части его территоріи. Поэтому въ эпоху первого Судебника мы не видимъ еще никакихъ слѣдовъ существованія Разбойнаго приказа, въ 40-хъ г.г. XVI ст. находимъ уже въ Москвѣ «бояръ, которымъ разбойныя дѣла приказаны», а въ эпоху царскаго Судебника, Разбойный приказъ уже очевидно существуетъ, какъ учрежденіе центральное съ *судебнымъ* характеромъ.

До конца 40-хъ г.г. коллегія «бояръ, которымъ разбойныя дѣла приказаны», еще не имѣла ясно выраженнаго *судебнаго* характера. да и не являлась, пожалуй, *постояннымъ учрежденіемъ* съ строго опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства, а скорѣе измѣнчивой по своему составу комиссіей, которой порученъ только общій надзоръ за извѣстной отраслью управленія. Причина этого намѣненія временной комиссіи съ функциями исключительно *административнаго* надзора въ постоянное судебное учрежденіе.—намѣненія, которое дѣлается очевиднымъ въ губной грамотѣ селамъ Кириллова мо-

¹⁾ Шафстевъ опровергаетъ это мнѣніе Дмитріева о первоначальномъ размѣрѣ губы.

²⁾ Что очень важно,—такъ какъ показывается, что правительство давно уже стало смотрѣть на губное дѣло, какъ на свое собственное, почему и взяло его изъ вѣдѣнія на мѣстныхъ, передавъ его своимъ органамъ—общинкамъ.

пастыря, — 1549 г. ¹⁾), заключается въ измѣненіи самаго характера власти губныхъ головъ и старость; раньше это была власть исключительно слѣдственная и полицейская: они только ловили лихихъ людей, удостовѣряли помощью «повального обыска» и другихъ, указанныхъ грамотамъ, средствъ ихъ принадлежность къ «вѣдомымъ лихимъ», — и затѣмъ казнили ихъ безъ всякаго суда; теперь (съ 1549 г., насколько намъ извѣстно, но, можетъ быть, и раньше ²⁾) ихъ власть получаетъ характеръ судебный: процессъ «вѣдомыхъ лихихъ людей» изъ экстраординарнаго дѣлается ordinarilyмъ (хотя сохраняетъ новую форму «розыска», а не возвращается къ старой, обычной формѣ «суда»), губные органы не только ловятъ и казнятъ разбойниковъ, но и судятъ ихъ, благодаря чему становится понятнымъ и возможнымъ «докладъ» дѣла высшей инстанціи, въ случаѣ невозможности или затруднительности его рѣшенія. Конечно, этотъ докладъ естественнѣе всего было дѣлать тѣмъ самымъ «боярамъ», которымъ разбойныя дѣла приказаны, которымъ уже посылались списки избранныхъ губныхъ головъ, за подписью избирателей, и списки оставшагося въ наличности имущества казенныхъ лихихъ людей. И какъ только мѣстные губные органы стали дѣлать «доклады» въ эту боярскую комиссію, она обратилась въ постоянное учрежденіе съ судебными функциями — «Разбойную губу», — «Разбойный приказъ» ³⁾: около 1555 г. это учрежденіе составляетъ уже «указную книгу» и разсматриваетъ ее для руководства губнымъ органамъ всего государства. Кругъ его вѣдомства обнималъ все государство, кромѣ Москвы и ея уѣзда, подчиненныхъ въ отношеніи суда и полиціи вообще (а не одного только губного дѣла) Земскому приказу. Впрочемъ, въ періодъ отъ 1681 г. по 1687 г. онъ вѣдалъ разбойныя дѣла и въ Москвѣ съ ея уѣдомомъ ⁴⁾. Въ 80-хъ г.г. XVII стол. Разбойный приказъ нѣсколько разъ перемѣнилъ свое названіе: въ 1682 г. онъ названъ «Разбойнымъ Сыскнымъ» ⁵⁾, въ 1683 г. — просто «Сыскнымъ» ⁶⁾, въ

¹⁾ А. А. Э., Т. I, № 224.

²⁾ Въ губной грамотѣ селамъ Троице-Сергіева монастыря 1541 г. о «докладѣ» губныхъ старость боярамъ ничего еще не говорится; за промежутокъ отъ 1541 г. до 1549 г. губныхъ грамотъ не сохранилось (по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не найдено).

³⁾ Сохранились, конечно, и административныя функціи — надзоръ за личнымъ составомъ губныхъ учреждений и за ихъ дѣятельностью, но функціи эти отступаютъ на второй планъ передъ чисто судебными: перерѣшеніемъ дѣлъ по докладу губныхъ органовъ.

⁴⁾ II. Собр. Зак., № 1345.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак. № 1052.

⁶⁾ id. № 1271.

1687 г.— «приказомъ сыскныхъ дѣлъ» ¹⁾), наконецъ въ 1689 г. ему возвращено старое названіе Разбойнаго приказа. Разбойнымъ онъ назывался по роду дѣлъ, ему подвѣдомственныхъ, Сыскнымъ—по характеру процесса, примѣнявшагося къ этимъ дѣламъ.

Приказъ холопьяго суда.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ той же причины, которая вызвала и реформы 50-хъ г.г., а именно: помѣщенія положенія стараго правительственнаго класса по отношенію къ князю и къ центральному правительству, и даже, можетъ быть, нѣсколько раньше реформъ 50-хъ г.г., возникъ и другой судебный приказъ середины XVI вѣка—приказъ Холопьяго суда.

Прямыя по характеру своихъ функцій, къ группѣ приказовъ судебныхъ, онъ въ то же время, вмѣстѣ съ Помѣстнымъ приказомъ можетъ быть выдѣленъ въ особую группу центральныхъ учреждений, регулировавшихъ земельныя (и вообще экономическія) отношенія служлагаго класса. Еще пр. Ключевскій ²⁾ обратилъ особенное вниманіе на раннее пзятіе изъ вѣдѣній мѣстныхъ властей—намістниковъ и волостелей—всего круга поземельныхъ отношеній служлагаго класса, въ виду ихъ чрезвычайной важности для молодого государства, такъ какъ они именно—добавимъ мы отъ себя—являлись лучшимъ средствомъ *закрѣпленія* служилыхъ людей въ службу князю, замѣны старыхъ договорныхъ отношеній новыми служебными. Вмѣстѣ съ дѣлами по землевладѣнію вотчинному и помѣстному) весьма рано выдѣляются изъ вѣдѣній областныхъ органовъ и тѣсно связанныя съ ними дѣла о холопствѣ, такъ какъ у насъ—въ противоположность Западной Европѣ, не право на землю давало право на людей, ее населяющихъ, а наоборотъ, право на людей давало право на землю, на которой они жили и которую обрабатывали ³⁾).

Пр. Ключевскій доказываетъ раннее выдѣленіе дѣлъ о холоп-

¹⁾ *ib.*, № 1345.

²⁾ „*В. Дума*“, стр. 120—124; (изд 18-3 г.) и 163—165. Онъ считаетъ эти дѣла однимъ изъ главнѣйшихъ занятій боярскаго думы начала XVI вѣка.

) Раздача вотчинъ, помѣстій и кормленій, по нашему мнѣнію, врядъ ли вообще когда нибудь могла быть въ числѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ намістникамъ; а также и дѣла, связанныя съ этой раздачей земель. (переходъ ихъ, укрѣпленія права владѣнія и т. д.).

³⁾ Этотъ взглядъ неоднократно высказанъ Градовскимъ и пр. Ключевскимъ. Последний говоритъ: „частное привилегированное землевладѣніе древней Руси развилось изъ *рабоулагоденія*“ („*В. Дума*“, стр. 12).

ствѣ изъ вѣдѣнія областныхъ органовъ разсужденіями о значеніи права «боярскаго суда», который онъ считаетъ именно судомъ по дѣламъ о холопствѣ¹⁾,—такъ что намѣстники и волостели, не имѣвшіе «суда боярскаго», не могли рѣшать дѣлъ о холопствѣ собственной властью, безъ доклада,—слѣдовательно, являлись по этимъ дѣламъ (такъ же какъ и по дѣламъ земельнымъ, напр. по размежеванію земель)²⁾ простыми орудіями центральной власти. Вѣдали эти дѣла уже не «на себя», а «на князя», подобно органамъ приказнаго управленія. Именно, благодаря вершенію этихъ дѣлъ намѣстники, по его мнѣнію, изъ «арендаторовъ великаго князя» сдѣлались его подчиненными органами³⁾.

Мы сказали выше, что находимъ возможнымъ выдѣлить приказы Помѣстный и Холопьяго Суда въ особую группу приказовъ, регулирующихъ экономическое положеніе служилого класса. Добавимъ къ этому еще, что Помѣстный приказъ составлялъ переходную ступень отъ приказовъ съ финансовыми функціями къ приказамъ *военно-сословнымъ*, такъ какъ на немъ лежало обезпеченіе служилому классу возможности отправлять службу,— а приказъ Холопья Суда составлялъ переходъ отъ тѣхъ же финансовыхъ приказовъ къ приказамъ *судебнымъ*, такъ какъ онъ регулировалъ юридическія отношенія правительственныхъ органовъ и рабовладѣльцевъ къ рабамъ и лицамъ, могущимъ сдѣлаться рабами. И по времени возникновенія эти два приказа стоятъ между Разрядомъ и Разбойнымъ приказомъ (возникшими въ 40-хъ г.г. XVI ст.)—съ одной стороны, и приказами финансовыми, создавшимися подъ вліяніемъ реформы 50-хъ г.г.

Различіе въ характерѣ функцій Помѣстнаго приказа и Холопья Суда заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что первый вѣдалъ отношенія *новья*, созданныя искусственно земельной

¹⁾ Основывался на ст. 63 Судебника 1555 г.: „А судъ боярскій то: которому намѣстнику дано съ судомъ съ боярскимъ и ему давати полныя и докладныя; а правила и бѣглыя давати съ докладу“—и на ст. 66: „а намѣстникамъ безъ боярскаго суда полныхъ и докладныхъ не давати, и холопа безъ доклада не видати, ни грамоты бѣглыя не дати, такожъ холопу на государя грамоты правыя безъ доклада не дати“. См. Ключевскаго, *op. cit.*, стр. 120—123.

²⁾ „В. Дума“, стр. 164—165.

³⁾ Мы не можемъ вполнѣ раздѣлять этотъ взглядъ, такъ какъ—съ одной стороны—по нашему мнѣнію—намѣстническая власть никогда не имѣла характера „аренды“, но коренилась въ старинныхъ правахъ дружинниковъ на участіе въ добычѣ и въ доходахъ съ занятой территоріи, такъ что право это не было производнымъ, но первоначальнымъ; а съ другой—намѣстники никогда не сдѣлались вполнѣ только подчиненными органами центрального правительства, всегда правили больше „на себя“, чѣмъ „на князя“. Но самое явленіе—измѣненіе характера намѣстнической власти по отношенію *именно* къ земельнымъ и холопскимъ дѣламъ—подмѣчено вполнѣ правильно.

политикой Москвы по отношенію къ служилому классу, тогда какъ второй регулировалъ бытовыя отношенія, складывавшіяся вѣками и созданныя самой жизнью, временемъ, предшествовавшимъ объединительной и централизационной политикѣ Москвы.

Вполнѣ признавая раннее выдѣленіе дѣлъ о холопствѣ изъ подъ вѣдѣнія областныхъ органовъ въ сферу непосредственнаго вѣдѣнія центральнаго правительства, мы однако не видимъ необходимости предполагать столь же раннее возникновеніе особаго учрежденія для рѣшенія этихъ дѣлъ. Судь по всякимъ дѣламъ, но преимущественно по дѣламъ о землѣ и о холопахъ, въ Москвѣ всегда былъ дѣломъ *бояръ*, лицъ служилого сословія, а не дьяковъ дьяки только присутствовали на судѣ бояръ,—сначала въ качествѣ секретарей, а затѣмъ—и въ качествѣ младшихъ товарищей. И Разбойный приказъ и Холопій Судъ, и областныя судныя приказы всегда были учрежденіями *боярскими* по преимуществу, въ противоположность «дьячьимъ канцеляріямъ»—Разряду и Четямъ. А раннее возникновеніе центральныхъ приказныхъ учрежденій мы замѣчаемъ *только* въ тѣхъ вѣдомствахъ, которыя по преимуществу и съ самаго своего возникновенія управлялись *дьяками*. Въ Москвѣ въ XVI в. существовало *два* типа центральнаго управленія тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ ¹⁾: посредствомъ *боярской комиссіи* или *дьячьей канцеляріи*. Съ постояннымъ «учрежденіемъ»—въ нынѣшнемъ смыслѣ слова—мы имѣемъ дѣло только во второмъ случаѣ. Боярскія же комиссіи, выдѣлявшіяся изъ общаго состава думы для завѣдыванія той или другой отраслью дѣлъ, восходившихъ на ея разрѣшеніе (каковы дѣла холопья, поземельныя, объ избраніи губныхъ органовъ),—долгое время не имѣли характера постоянства, отличались временнымъ и случайнымъ составомъ. Такъ и дѣла о холопствѣ, по всей вѣроятности, долго поручались великимъ княземъ отдѣльнымъ членамъ думы, ближнимъ людямъ и даже нѣкоторымъ намѣстникамъ, пользовавшимся довѣріемъ князя (намѣстники «съ судомъ боярскимъ»), не вызывая къ жизни никакихъ учрежденій, такъ что можно съ увѣренностью сказать, что особое центральное учрежденіе для рѣшенія дѣлъ о холопствѣ могло явиться никакъ не раньше царствованія Грознаго,—уже подъ вліяніемъ систематическаго ограниченія намѣстнической власти, вѣнцомъ котораго явилась реформа 1555—56 г.г.; но возможно, что приказъ Холопья Суда, какъ учрежденіе, возникъ нѣсколько раньше этой реформы. Первымъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ

¹⁾ Мы не говоримъ здѣсь о старомъ способѣ *личнаго порученія*, который еще принялся въ XVI в. въ дворцовыхъ вѣдомствахъ,—путяхъ,—не во всѣхъ однако.

его существованія является извѣстіе 1571 г., приведенное Карамзиннымъ ¹⁾). До этого года мы не найдемъ никакихъ указаній на его существованіе, кромѣ сообщенія Вивліонскъ ²⁾, что въ боярской книгѣ 1500 г. (до насъ не дошедшей) упоминается приказъ Холопья Суда. Но, какъ замѣтилъ уже г. Лихачевъ ³⁾, врядъ ли существовала на самомъ дѣлѣ такая книга: на основаніи его изслѣдованій можно сказать навѣрное, что боярскихъ книгъ въ началѣ XVI стол. еще не составлялось, хотя во второй половинѣ вѣка онѣ уже велись; древнѣйшей боярской книгой, которой пользовался авторъ статьи о приказахъ въ Вивліонскѣ, является боярская книга 1573 г., пропавшая во время московскаго пожара 1812 г. (еще старше отрывокъ списка кормленщиковъ 1556 г., изданный кн. Оболенскимъ,—но онъ составленъ, вѣроятно, по случаю реформы кормленій и не можетъ считаться обыкновеннымъ для того времени явленіемъ).—Поэтому мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что дата — «1500 г.»—въ паданіи Вивліонки 1791 г. является простою *опечаткой*—я число «1500 г.» стоитъ вмѣсто «1600 г.» ⁴⁾ (боярская книга за этотъ годъ—7108—дѣйствительно существовала ⁵⁾, но теперь утрачена; сю, вѣроятно, и пользовался авторъ статьи о приказахъ въ Вивліонскѣ).

Въ виду того, что до половины XVI стол. нѣтъ никакихъ указаній на существованіе приказа Холопья Суда—ни прямыхъ, ни косвенныхъ—мы не можемъ согласиться съ Успенскимъ, Неволниннымъ, Кавелинымъ и пр. Владимирскимъ - Будановымъ, принимающими это извѣстіе безъ оговорокъ. Впрочемъ, послѣдній «первымъ *несомнѣннымъ* свидѣтельствомъ существованія Холопья Суда» считаетъ только извѣстіе, приведенное Карамзиннымъ ⁶⁾, а Кавелинъ, въ одномъ мѣстѣ ⁷⁾ принимающій извѣстіе Вивліонки безъ всякихъ оговорокъ, въ другомъ ⁸⁾ замѣчаетъ, говоря о принципахъ распредѣленія дѣлъ между различными учрежденіями: «Управленіе по отраслямъ болѣе искусственно, нежели завѣдываніе цѣлою провинціей и потому, безъ сомнѣнія, относится къ позднѣйшему времени. Холопій Судъ, Большой Приходъ, Помѣстный приказъ и нѣкоторые другіе впервые упоминаются *въ концѣ XIII в. и началѣ*

¹⁾ Ист. Гос. Росс.; т. IX, прим. 370.

²⁾ Т. XX, стр. 407.

³⁾ *op. cit.*, стр. 284 з 22.

⁴⁾ Тѣмъ болѣе, что *опечатки* въ цифрахъ столѣтій довольно часто встрѣчаются въ изданіи 1791 г. (вмѣсто 16...г.г. часто напечатано 19...г.).

⁵⁾ См. Лихачева, *op. cit.*, стр. 441—442.

⁶⁾ См. Хрестоматія, ви. III, стр. 86.

⁷⁾ Собр. Соч., т. II, стр. 68.

⁸⁾ *ib.*, стр. 54.

XVII в.). Такимъ образомъ, принимая извѣстіе (или опечатку) Вивлюевки безъ критики, Кавелинъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

Хотя Холопій Судъ, какъ учрежденіе, существовалъ уже при Иванѣ Грозномъ, но многія дѣла о холопствѣ вѣдались въ 50-хъ и 60-хъ г.г. XVI стол. казначеями ¹⁾, такъ что свою дѣятельность въ полномъ объемѣ это учрежденіе начпнаетъ только при Феодорѣ Іоанновичѣ; къ послѣднимъ годамъ его царствованія — а именно къ 1596 г. (25 апрѣля 7105 г.) относится и начало «Указной книги приказа Холопья Суда» (память дьякамъ Мих. Внукову и Пятому Кокошкину ²⁾).

Земскіе Дворы.

Во второй половинѣ XVI в. возникло еще нѣсколько приказовъ съ судебными функциями, причемъ вѣдомство ихъ было ограничено предѣлами извѣстной территоріи. Въ этомъ отношеніи они имѣли сходство съ четьми, такъ какъ реальная система распредѣленія предметовъ вѣдомства соединялась въ нихъ съ территориальной: они вѣдаютъ *известную* отрасль управленія на протяженіи *известной* территоріи. Сюда относятся два земскихъ двора и четыре областныхъ судебныхъ приказа. Первые вѣдали «вѣдомыя лѣкія дѣла» (о разбоѣ.—потомъ также о душегубствѣ и татѣбѣ съ личнымъ) и полицію безопасности на протяженіи московскаго уѣзда: т. е. кругъ ихъ вѣдомства совпадалъ съ кругомъ вѣдомства Разбойнаго приказа (такъ какъ вѣдь на губныхъ старостахъ лежала не только обязанность суда по «вѣдомымъ лѣкимъ дѣламъ», но и обязанность предупрежденія такихъ дѣлъ: они должны были ловить «*вѣдомыхъ* лѣкихъ людей», какъ только тѣ появлялись въ предѣлахъ ихъ губы, раньше чѣмъ они успѣютъ совершить какое-нибудь преступленіе).

Сначала существовалъ одинъ только земскій дворъ или земскій приказъ; въ концѣ XVI в. мы встрѣчаемъ ихъ уже два (старый и новый); какъ распредѣлялся между ними кругъ ихъ вѣдомства, мы не знаемъ. Но кругъ вѣдомства земскаго приказа не ограничивался судебно-полицейскими функциями. Какъ показываетъ содержаніе многихъ статей «Указной книги земскаго при-

¹⁾ См. Указную книгу вѣдомства казначеевъ, статьи: V (1556 г.), VIII, XII, XIII (1558 г.), XVI (1560 г.).

²⁾ См. А. П. т. I, № 221.

каза»¹⁾, этотъ приказъ вѣдалъ въ XVII в. вообще городское тяглое населеніе Москвы, ея слободъ и посадовъ, подобно тому какъ чети вѣдали тяглое населеніе областей; главнымъ образомъ вѣдалъ онъ тяглыхъ торговыхъ и посадскихъ людей въ податномъ отношеніи, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они «тягла своего не избывали», а также заботился о равномерномъ его распредѣленіи: вотъ почему въ Указной книгѣ Земскаго приказа такъ часто встрѣчаются постановленія, воспрещающія бѣломѣстцамъ какими бы то ни было способами пріобрѣтать тяглые дворы и мѣста²⁾. Наконецъ Земскій приказъ вѣдалъ и *гражданскіе искы* членовъ черныхъ сотенъ и слободъ³⁾. По словамъ пр. Влад.-Буданова⁴⁾, Земскій приказъ *замѣнял* для Москвы и ея слободъ земскія губы областныхъ городовъ, такъ какъ Москва, «раздѣленная на сотни и слободы, съ отдѣльными органами самоуправленія для каждой», не имѣла одного общегородскаго органа самоуправленія. Но какъ могъ Земскій приказъ, центральное *правительственное* учрежденіе, не отличавшееся по своему типу и значенію отъ прочихъ приказовъ, «замѣнять» органъ городского самоуправленія, съ выборнымъ составомъ? Правда, пр. Владиміревскій - Будановъ говоритъ нѣсколько выше⁵⁾: «названіе «земскій» противопоставляетъ этотъ приказъ прочимъ: интересы, которые онъ вѣдаетъ, суть *земскіе*, а не *государевы*». Но это-то именно и кажется намъ неправильнымъ. Интересы, которые вѣдалъ земскій приказъ, суть именно *государевы* интересы: отправление повинности, сборъ и раскладка податей; губное дѣло правительственно тоже, какъ мы видѣли, считало всюду своимъ; остается, значить, только судъ по гражданскимъ дѣламъ: но онъ всегда принадлежалъ тому, кто управлялъ, т. е. собиралъ подати: такъ было при намѣстникахъ, такъ осталось и по введеніи въ областяхъ земскаго самоуправленія; въ Москвѣ, гдѣ такого самоуправления для всего города, какъ одного цѣлаго, введено не было, судъ по гражданскимъ дѣламъ остался въ вѣдѣніи приказа, непосредственно управлявшаго данной мѣстностью. Земскій приказъ по отношенію къ Москвѣ и ея уѣзду замѣнялъ въ одно и то же время и четверть (финансово административно-судебную)⁶⁾ и Разбойный приказъ, но никакъ не земскую губу. Все его отлп-

¹⁾ А. Ист., т. III, № 92 и т. IV, № 6. Первые ея статьи относятся къ 1623 г. Сюда относятся, напримѣръ статьи VII, XI, XIV, XVII, XVIII, XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXVIII, XXIX, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVIII, XLI.

²⁾ См. статьи VII, VIII и др.

³⁾ См. статьи I, V, X, XIII, XX, XXIV, XXXI, XXXII, XLII.

⁴⁾ Хрестоматія, вып. III, стр. 115, прим. 5.

⁵⁾ *ib.*, стр. 113, прим. 1.

⁶⁾ По гражданскимъ дѣламъ.

чіе отъ четвертей заключалось въ томъ, что онъ сносялся съ подвѣдомственнымъ ему населеніемъ безъ посредствующей инстанціи въ видѣ земскихъ старостъ, судей и цѣловальниковъ; въ такой инстанціи не ощущалось надобности въ виду того, что центральное учрежденіе въ данномъ случаѣ являлось въ то же время и мѣстнымъ, такъ какъ кругъ его вѣдѣнія распространялся только на столицу и ближайшія ея окрестности. По времени возникновенія Земскій приказъ относится, вѣроятно, къ серединамъ XVI стол. Александро-Невская лѣтопись, рассказывая объ удаленіи Грознаго въ Александровскую слободу, въ декабрь 1564 г.—говоритъ: «за подъемъ же свой приговорилъ царь и великій князь взять изъ земскаго приказа сто тысячъ рублей»¹⁾. Итакъ, названіе земскаго приказа встрѣчается даже раньше названія Разбойной Избы. Весьма вѣроятно, что онъ и дѣйствительно возникъ раньше Разбойнаго приказа, такъ какъ былъ учрежденіемъ *местнымъ*, московскимъ,—а такія учрежденія, какъ замѣтилъ еще Дмитріевъ, обыкновенно относятся къ очень раннему времени: большинство изъ нихъ—какъ напр. Большой Дворецъ, Разрядъ, Большая Казна—распространили со временемъ свою дѣятельность на всю территорію государства, но нѣкоторые (какъ Земскіе дворы, Каменный, Аптекарскій и Печатный приказы) навсегда сохранили мѣстное значеніе, ничуть не теряя отъ этого своего характера центральныхъ учрежденій, только съ кругомъ вѣдомства, ограниченнымъ извѣстной территоріей. Отрицая характеръ центрального учрежденія за Земскимъ приказомъ, мы должны будемъ не признавать его, въ такомъ случаѣ, и за четьямъ, такъ какъ вся разница между ними сводится къ тому, что чети вѣдали территорію, разбросанную по областямъ, а Земскій приказъ—территорію, лежавшую вокругъ столицы,—да еще въ число его функций входило губное дѣло, пзъятое въ областяхъ изъ вѣдѣнія четей и переданное Разбойному приказу.

Во всякомъ случаѣ, Земскому приказу можно приписывать болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ четьямъ или Разбойному, такъ какъ учрежденія, вѣдавшія какою-нибудь отрасль управленія въ самой Москвѣ, складывались раньше учреждений, вѣдавшихъ ту же отрасль на пространствѣ всего государства или извѣстной области. Несмотря на такое предположеніе, мы не рѣшаемся признать вмѣстѣ съ г. Лихачевымъ извѣстіе крымской посольской книги 1500 г. о «*дьякѣ земскомъ*», Никитѣ Нардукѣ²⁾, посланномъ къ волошскому воеводѣ Стефану, за указаніе—если не на существованіе, то на начало Земскаго приказа. Здѣсь «*дьякъ земскій*» мо-

¹⁾ Ист. Библ., т. III, стр. 257.

²⁾ См. Сб. И. Р. И. Общ., т. XII, стр. 316, 326, 338, 399, 407.

жетъ просто противоположаться «дьяку *дворцовому*» или «дьяку великаго князя» (т.-е. вообще приближенному, «введенному»); это— дьякъ, выдающій сборы не съ дворцовыхъ земель, а съ черныхъ,— съ «земства». Во всякомъ случаѣ между упоминаніемъ земскаго дьяка и первымъ упоминаніемъ Земскаго приказа лежитъ слишкомъ долгій, 64-хъ лѣтній срокъ, чтобы можно было думать, что оба извѣстія говорятъ объ одномъ и томъ же опредѣленномъ учрежденіи.

«Земскій дворъ» впервые упоминается въ разрядахъ 1579 г. ¹⁾, а оба двора вмѣстѣ— въ 1597 г. Въ первой половинѣ XVII стол. (до 1637 г.) въ записныхъ книгахъ говорится о двухъ земскихъ дворахъ, а съ этого года— о двухъ земскихъ приказахъ.

Земскій приказъ замѣнилъ, по всей вѣроятности, въ Москвѣ и ея уѣздахъ старое управленіе намѣстниковъ гораздо раньше, чѣмъ въ областяхъ это управленіе смѣнилось самоуправленіемъ общинъ. Дѣло въ томъ, что Москва—самый городъ, въ XV в. и, какъ кажется, еще въ началѣ XVI столѣтія была раздѣлена въ отношеніи взиманія доходовъ съ населенія на нѣсколько частей между великимъ княземъ и его младшими братьями; части эти назывались «третьми» или «четвертями», смотря по числу князей, дѣлившихъ между собой эти доходы. Каждый изъ этихъ князей держалъ въ своей части своего намѣстника съ дьяками; но, конечно, по своему значенію этотъ намѣстникъ не былъ похожъ на областныхъ намѣстниковъ; онъ собиралъ доходы не въ свою пользу, а въ пользу князя. Еще Дмитріевъ замѣтилъ, что московскіе князья управляли своими уѣздами болѣе «хозяйственно», чѣмъ князья другихъ отраслей Рюрикова рода, хотя, вообще говоря, управленіе всюду было построено по одному и тому же типу. Объ «намѣстникахъ трети московской» (вн. Рождановскомъ и Платовъ-Дашковѣ), выдающихъ «полныя» и «докладныя» (грамоты на холопство), которыя пишутъ дьяки земскіе, говорится еще въ началѣ княженія Василія III—въ 1516 г., въ разрядной книгѣ этого года ²⁾. Легенда о «третьяхъ», на которыя будто бы раздѣлилъ всю Россію Иванъ III. вѣроятно, и произошла изъ неправильно-понятаго извѣстія о третьяхъ, на которыя дѣйствительно дѣлился еще въ концѣ XV вѣка столичный городъ Московскаго великаго княженія; «трети» эти имѣли значеніе чисто фискальное, были учреждены для большаго удобства въ распредѣленіи доходовъ со столичнаго города между великимъ княземъ и его братьями и не стояли ни въ

¹⁾ Др. Р. Визл., т. XIV, стр. 366. —, на Земскомъ дворѣ князь Иванъ Гагаринъ-Лвовъ Науковъ.

²⁾ См. Лихачева, *op. cit.*, стр. 51.

какой связи съ позднѣйшими «четвертями» уже потому одному, что послѣднія были вызваны *новыми* государственными потребностями, какъ онѣ отразились на областномъ управленіи, тогда какъ «трети» являются позднимъ пережиткомъ старыхъ частно-хозяйственныхъ отношеній московскихъ князей.

Какъ сказано, Земскій приказъ, вѣроятно, замѣнилъ собою управление намѣстниковъ въ самой Москвѣ, а это могло произойти, какъ только *великій* князь сосредоточилъ въ своихъ рукахъ сборъ *всѣхъ* доходовъ со столяного города, что произошло уже при Василіи III; самое же учрежденіе явилось, по всей вѣроятности, не раньше времени Ивана Грознаго, въ 40-хъ или 50-хъ г.г. XVI стол.

Судные областные приказы.

Судные областные приказы имѣли тотъ общій признакъ съ Земскимъ, что ихъ вѣдомство тоже ограничивалось: 1)—извѣстной территоріей, 2)—извѣстнымъ кругомъ дѣлъ и 3)—извѣстнымъ классомъ общества. Они судили только *служилыхъ* людей и исключительно по тяжбамъ и спорамъ, возникавшимъ изъ договоровъ и гражданскихъ преступленій («*delicta privata*»¹⁾). Сначала этихъ приказовъ было четыре: Московскій, Володимірскій, Дмитровскій и Рязанскій (Кавелинъ упоминаетъ еще Новгородскій—въ концѣ XVI в. онъ не упоминается)—и каждый изъ нихъ вѣдалъ, вѣроятно, судомъ и расправой по гражданскимъ дѣламъ *всѣхъ* служилыхъ людей всякихъ чиновъ, жившихъ на подвѣдомственной ему территоріи. Но въ XVII в. территоріальное начало подсудности, дѣйствовавшее раньше на ряду съ сословнымъ, совсѣмъ отсутствуетъ на задній планъ. Приказы Дмитровскій и Рязанскій исчезаютъ, а два уцѣлѣвшіе дѣлятъ между собою судебную власть надъ служилымъ сословіемъ не по мѣсту жительства служилыхъ людей, а по принадлежности ихъ къ тому или другому «чину»: Московскій приказъ судитъ *всѣхъ* «Московскихъ чиновъ людей», т.-е. дворянъ, служившихъ по Московскому списку, а Володимірскій приказъ—городовыхъ дворянъ и низшіе разряды служилыхъ людей (въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ конкурировали приказы военно-сословные — стрѣльцкій, казачій и др.—и, вѣроятно, сильно ограничивали его компетенцію). Наконецъ въ 1699 г. оба приказа были окончательно соединены въ одно учрежденіе²⁾.

По времени происхожденія, четыре судныхъ приказа отно-

¹⁾ Кавелинъ, т. I, стр. 72, изд. 1859.

²⁾ П. С. З., № 1718.

сятся къ 90-мъ годамъ XVI стол. По словамъ Гавр. Успенскаго ¹⁾ въ разрядахъ конца XVI в. Рязанскій судный приказъ впервые упоминается въ 1591 г., Владимірскій—въ 1593 г., Дмитровскій—въ 1595 г. и, наконецъ, Московскій—въ 1598 г. Г. Лихачевъ сопоставляетъ это сообщеніе Успенскаго съ извѣстіемъ разрядной книги 1591 г. (разрядная книга Барсова, л. 569) о Рязанской и Дмитровской «избахъ» Большого Дворца и сближаетъ эти «пзбы»—учрежденія самостоятельныя (такъ какъ въ нихъ сидятъ именитые люди—Сабуровъ и кн. Туренинъ) и только «присудныя» Большому Дворцу—съ впервые появляющимися—какъ разъ въ это время—одноименными судными приказами. Такое сближеніе кажется намъ вполне основательнымъ: «пзбы», упомянутыя въ разрядной,—это старые областныя «дворцы», перенесенныя въ Москву и ставшія здѣсь отдѣленіями Большого; въ числу ихъ функций издавна принадлежалъ судъ надъ лицами привилегированными, изъятыми отъ суда намѣстниковъ.

По мѣрѣ того, какъ дворцовыя приказы—къ концу XVI в.—стали утрачивать свои функціи публично-правового характера и дѣятельность ихъ стала замыкаться въ болѣе узкій кругъ собственно дворцовыхъ дѣлъ, старые областныя дворцы, перенесенныя въ Москву и находившіеся уже на пути къ сліянью съ Большимъ Дворцомъ, окаячательно уступили ему свои функціи по дворцовому управленію и, сохранивъ за собой только судебныя функціи, преобразовались въ судебно-сословныя учрежденія и вмѣсто «дворцовъ» или «пзбъ» стали называться «судными приказами». Зато эти ихъ судебныя функціи значительно расширились, такъ какъ судебная власть этихъ «пзбъ» съ однихъ привилегированныхъ лицъ распространилась на все служилое сословіе,—причиной чего было упраздненіе намѣстниковъ, которые раньше судили служилыхъ людей по гражданскимъ дѣламъ; это же упраздненіе повлекло за собой уничтоженіе всякихъ судебныхъ пзвѣтій и привилегій.

Съ уничтоженіемъ намѣстническаго управленія въ области не осталось судебной инстанціи по гражданскимъ дѣламъ; тяглое населеніе стало судиться по этимъ дѣламъ въ земскихъ учрежденіяхъ, для которыхъ высшей инстанціей скоро стали чети; но служилое сословіе не имѣло никакого отношенія ни къ земскому самоуправленію, ни къ четямъ; и вотъ—первое время (до повсемѣстнаго введенія воеводскаго управленія) оно остается вовсе безъ судебной инстанціи на мѣстѣ и по всемъ гражданскимъ дѣламъ во всемъ своемъ составѣ вѣдается прямо въ московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ, какъ это было раньше только для при-

¹⁾ „Опытъ“., стр. 307—308.

вплегированныхъ лицъ, изъятыхъ изъ подъ вѣдѣнія мѣстныхъ судебныхъ властей. То, что было раньше исключеніемъ, теперь обращается въ правило,—впрочемъ несамо собой. Съ учрежденіемъ воеводъ областная инстанція для гражданскаго суда была восстановлена и судныя приказы получили значеніе второй инстанціи, стали рѣшать дѣла лишь по «докладу» самихъ воеводъ, затруднявшихся рѣшить дѣло, или «пересуживать» дѣло по жалобѣ стороны, вдовольной рѣшеніемъ воеводы. Количество дѣлъ, шедшихъ на разрѣшеніе судныхъ приказовъ, конечно, значительно уменьшилось, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что въ источникахъ середины XVII стол. уже не находимъ указаній на Рязанскій и Дмитровскій приказы, о которыхъ еще говоритъ записка 1610 г. «о всякихъ чиновъ людяхъ Московскаго государства»¹⁾. Судьба судныхъ приказовъ въ этомъ отношеніи представлятъ много сходства съ судьбою четей: такъ же, какъ и чети, они возникли вследствие исчезновенія областной инстанціи по соответствующей отрасли управленія, такъ что многія дѣла имъ приходилось рѣшать въ первой инстанціи (четямъ—во второй, если считать первой инстанціей земскія учрежденія); затѣмъ, однако же, въ области снова появляется эта посредствующая инстанція въ лицѣ воеводъ, и тогда областныя приказы—подобно четямъ—становятся высшей инстанціей: между ними и населеніемъ (для первыхъ—служилымъ, для вторыхъ—тиглымъ) становятся воеводы,—кругъ ихъ дѣлъ постепенно сужается и къ концу XVII в. правительство стремится соединить какъ тѣ, такъ и другія въ одно центральное учрежденіе (судебное—въ первомъ случаѣ, финансовое—во второмъ). Относительно судебныхъ приказовъ, число которыхъ уже въ серединѣ столѣтія сокращается до двухъ (а раньше ихъ было пять) это ему удается исполнить въ 1699 г.; впрочемъ опыты соединенія нѣсколькихъ судныхъ приказовъ воедино бывали и раньше: въ 1677 г. Челобитенный приказъ соединенъ съ Владимірскимъ, въ 1681 г. къ нимъ прибавленъ Холмовскій Судъ, а въ 1685 г.—Московскій судный приказъ. Что же касается до четей, то въ 1680 г. чети Владимірская, Новгородская и Галицкая были соединены въ одно учрежденіе съ приказомъ Большаго Прихода, а въ слѣдующемъ году эти же три чети подчинены Посольскому приказу, которому еще въ 1680 г. была подчинена Устюжская четь. Наконецъ, Костромская четь еще въ 1671 г. была приписана къ Большому Дворцу. Отдѣльные опыты соединенія нѣсколькихъ четей воедино или подчиненія ихъ другимъ учрежденіямъ бывали и рань-

¹⁾ А. Н. П., № 335.—Котошихинъ говоритъ только о Московскомъ и Владимірскомъ приказахъ,—см. гл. III, ст. 32.

ше, но эти соединенія носили временный характер (такъ напр. Костромская четъ съ середины XVII в. до 1671 г. и затѣмъ снова въ 1689 г. и въ 1698 г. была соединена съ Стрѣлецкимъ приказомъ). Такимъ образомъ, соединеніе четей въ одно центральное учрежденіе не было выполнено Московскимъ правительствомъ на старыхъ основахъ приказнаго управленія, и это соединеніе было осуществлено только въ 1699 г. учрежденіемъ Бурминстерской палаты, явившейся осуществленіемъ идеи центрального фискальнаго учрежденія для всего государства.

Челобитенный приказъ.

Къ судебнымъ учрежденіямъ, возникшимъ въ XVI в., можно еще отнести *Челобитенный приказъ*, о которомъ уже говорить «опись царскаго архива»¹⁾. относящаяся къ 70-мъ 80-мъ г. г. XVI стол.: «ящикъ 191, а въ немъ челобитная, безымянная, подали ее на Петрово имя Волинскаго».

Дмитріевъ видитъ начало Челобитнаго приказа въ известномъ порученіи Ивана Грознаго Адашеву въ 1550 г. принимать просьбы и жалобы «бѣдныхъ и обиженныхъ», разсматривать ихъ и докладывать о нихъ царю. Трудно, однако, сказать, имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ личнымъ порученіемъ, прекратившимся по удаленіи Адашева отъ дѣлъ и не имѣвшимъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или съ началомъ Челобитеннаго приказа, какъ постояннаго учрежденія. Челобитенный приказъ—съ одной стороны—уже въ XVI в. являлся комиссіей для приѣма прошеній на Высочайшее имя²⁾, а съ другой—тайной канцеляріей по политическимъ дѣламъ³⁾.

Въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ былъ замѣненъ въ 1619 г. «Приказомъ Приказныхъ Дѣлъ»⁴⁾, который позже сталъ называться *сыскнымъ* (а также «Приказомъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ») ⁵⁾, а при Азбесѣ Михайловичѣ—«Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ».

Въ качествѣ комиссіи для принятія прошеній Челобитенный приказъ сначала не имѣлъ никакой судебной власти: онъ только принималъ челобитныя на имя царя и распределялъ ихъ по по-

¹⁾ А. А. Э., Т. I, № 289, ящикъ 191.

²⁾ Котошквинъ, гл. VII, ст. 28.

³⁾ С. Г. Г. в Д., II, № 37. А. Ист., I, № 16.

⁴⁾ А. А. Э., II, № 317; т. III, №№ 251, 279 и т. д.

⁵⁾ Этому же приказу было поручено устройство разоренныхъ полянами городовъ.

лежащимъ учрежденіямъ или возвращалъ челобитчикамъ рѣшенія царя (или бояръ, которымъ царь поручилъ рассмотреть дѣло) на поданныя на его имя просьбы.

Впоследствии, однако, онъ самъ рѣшалъ— въ нѣкоторыхъ случаяхъ— дѣла по челобитнымъ, руководясь рѣшеніемъ царя или боярской думы въ аналогичныхъ случаяхъ, и сдѣлался— такимъ образомъ— апелляціоннымъ судилищемъ; къ этому-же времени онъ получилъ (къ срединѣ XVII в.) судебную власть надъ всеми приказными дѣлами и подьячими (кроме разрядныхъ подьячихъ, судившихся въ Разрядѣ). Значеніе личной канцеляріи царя, которое онъ имѣлъ въ XVI и началъ XVII в. ¹⁾, онъ потерялъ съ учрежденіемъ приказа «приказныхъ дѣлъ», который въ теченіе нѣкотораго времени исполнялъ на ряду съ функціями личной канцеляріи царя также обязанности чрезвычайной комиссіи прошеній, учрежденной въ 1619 году въ виду особыхъ обстоятельствъ, наступившихъ послѣ смутнаго времени; на это указываетъ самое названіе его: «Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ». Но потомъ единственнымъ мѣстомъ для принятія прошеній снова сталъ Челобитенный приказъ. Въ виду того судебного значенія, которое приобрѣлъ Челобитенный приказъ къ концу XVII стол., въ немъ сидятъ, уже во времена Котошихина ²⁾ *окольничій*, а уже при немъ состоятъ два дьяка. Въ качествѣ судебного приказа Челобитенный приказъ былъ соединенъ въ 1677 г. съ Владимірскимъ суднымъ,—когда московское правительство (при Феодорѣ Алексѣевичѣ) стало стремиться къ упрощенію центральной судебной администраціи. Въ 1681 г. къ этимъ двумъ приказамъ былъ присоединенъ Холодній Судъ, а въ 1685 г.—Московский судный приказъ. Впрочемъ, потомъ Московскій ³⁾ и Владимірскій приказы, очевидно, опять раздѣлились, такъ какъ въ 1699 г. Петру Великому снова пришлось издавать указъ объ ихъ соединеніи.

Приказъ Тайныхъ Дѣлъ.

Что касается до приказа Тайныхъ Дѣлъ, учрежденнаго въ 1658 г., то онъ явился прежде всего органомъ личнаго контроля государя надъ всѣмъ подчиненнымъ управленіемъ. По словамъ Котошихина: «устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ для

¹⁾ Когда онъ нерѣдко обязывалъ другимъ приказомъ различныя распоряженія царя.

²⁾ Стр. 125 (гл. VII, стр. 28).

³⁾ П. С. Зак., № 1108.

того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнились всѣ по его хотѣнію. а бояре бѣ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали» ¹⁾. (О роли этого приказа въ общей системѣ московскаго центральнаго управленія высказано въ литературѣ два мнѣнія. Авторъ изслѣдованія, специально посвященнаго приказу Тайныхъ Дѣлъ, г. Гурляндъ ²⁾ полагаетъ, что «Приказъ Тайныхъ Дѣлъ дѣлалъ рѣшительно всякія дѣла, ни одно изъ нихъ не считая своей специальностью»; «одной группой своихъ дѣлъ Тайный приказъ выступалъ въ качествѣ органа дворцоваго управленія» (онъ вѣдалъ царскую соколшную потѣху) и, слѣдовательно, былъ однимъ изъ приказовъ въ системѣ дворцовыхъ приказовъ. «Но, возникнувъ на дворцовой почвѣ, онъ быстро и круто повернулъ на иной путь: при помощи приказа царь началъ непосредственно разсматривать жалобы, просьбы, ходатайства» ³⁾. Иное—и, несомнѣнно, болѣе близкое къ истинѣ мнѣніе высказалъ пр. Самоквасовъ, основываясь на изученіи архивнаго матеріала, сохранившагося послѣ разбора дѣлъ Тайнаго приказа по его упраздненіи въ 1676 г., когда было велѣно вернуть эти дѣла въ соответствующіе приказы. По мнѣнію пр. Самоквасова, приказъ Тайныхъ дѣлъ имѣлъ строго опредѣленное назначеніе — онъ былъ учрежденъ въ качествѣ «царскаго контроля приказной службы». На его обязанности лежалъ двойной контроль дѣятельности приказовъ, пословъ и воеводъ: *тайный*, о которомъ подробно говоритъ Котошихинъ ⁴⁾, и *явный*: для осуществленія послѣдняго онъ имѣлъ право требовать изъ приказовъ дѣла для просмотра (и для доклада о нихъ царю) ex officio, независимо отъ какихъ-либо частныхъ жалобъ ⁵⁾. Въ этомъ своемъ качествѣ она являлась Канцеляріей Ближней или Тайной думы царя (почему Котошихинъ и говоритъ, что «въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя»), подобно тому, какъ Разрядъ исполнялъ обязанности канцеляріи при обидѣ Боярскаго думъ. По поминку этой главной обязанности приказа Тайныхъ Дѣлъ царь могъ, конечно, возлагать на него и другія побочныя обязанности: такъ онъ вѣдалъ гранатовое дѣло и царскую соколшную охоту ⁶⁾, а также управлялъ частными имѣніями государя (не входившими въ составъ дворцовыхъ земель). Это вполне естественно при томъ характерѣ личной

¹⁾ Котоших., гл. VII, ст. 1.

²⁾ Гурляндъ, «Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ», 1902, стр. 214.

³⁾ Op. cit., стр. 815.

⁴⁾ Гл. VII, ст. 1.

⁵⁾ Самоквасовъ, «Русскіе Архивы и Царскій контроль приказной службы въ XVII в.» 1902, стр. 22—23.

⁶⁾ Котошихинъ, гл. VII, стр. 1.

канцеляріи царя, какой несомнѣнно имѣлъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ и котораго не отрицаетъ за нимъ и г. Гурляндъ.

Приказъ этотъ прекратилъ свое существованіе со смертью Алексея Михайловича въ 1676 г. Дѣла его велѣно описать и разобрать по приказамъ, для чего была учреждена въ 1677 году комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Н. П. Одоевскаго, а вслѣдъ за пей (въ 1678 г.)—другая—подъ предсѣдательствомъ печатника Башмакова ¹⁾. Большая часть разобранныхъ дѣлъ состояла изъ дѣлопроизводства различныхъ приказовъ, вытребованнаго въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, и была теперь возвращена въ соответствующіе приказы. Только немногія дѣла принадлежали къ собственному вѣдомству Приказа Тайныхъ Дѣлъ. Это были документы о сыскѣ по важнѣйшимъ политическимъ преступленіямъ и по управленію частными дѣлами государя.

При Петрѣ Вел. Приказъ Тайныхъ Дѣлъ снова возродился въ 1701 г. подъ именемъ Преображенскаго приказа (потомъ—Тайная Канцелярія), но уже съ исключительнымъ характеромъ центральнаго учрежденія для тайнаго розыска по дѣламъ политическимъ. Собственной канцеляріей государя сдѣлался „Кабинетъ Его Императорскаго Величества“.

Судебно-сословные приказы XVII в.

Въ XVII в. возникло нѣсколько судебно-сословныхъ приказовъ, по образцу судебныхъ приказовъ конца XVI в., но съ компетенціею, распространявшеюся на всю территорію государства, а не ограниченной предѣлами пзвѣстной области. Вообще, въ XVII в. сословный принципъ разграниченія предѣловъ вѣдомства между центральными учрежденіями рѣшительно начинаетъ брать перевѣсъ надъ старымъ принципомъ раздѣленія по роду дѣлъ (или по роду доходовъ), соединеннымъ съ раздѣленіемъ по областямъ. Эта смѣна является слѣдствіемъ усилившагося воздѣйствія государства на бытовія, экономическія и юридическія отношенія различныхъ классовъ населенія; въ XVII в. государство окончательно закрѣпляетъ всѣ сословія въ свою „службу“ и въ свое „тягло“ ²⁾ и по-

¹⁾ Самый указъ Одоевскому напечатанъ во II томѣ „Записокъ Русск. Археологич. Общ. по русско-славянскому отдѣленію“ и перепечатанъ у пр. Самоквасова, *op. cit.*, стр. 31—32.

²⁾ Эту мысль подробно развилъ еще Градовскій; однакоже онъ (а за нимъ и многіе другіе исследователи) придерживался крайне искусственной и неоправданной изученіемъ фактовъ схемы послѣдовательной смѣны территоріально-сословнаго и *реального* принциповъ раздѣленія дѣлъ между центральными учрежденіями.

этому охватывает своимъ воздѣйствіемъ всѣ стороны пхъ жизни; органами такого всесторонняго воздѣйствія и являются вновь возникающіе сословные приказы, вѣдающіе извѣстный разрядъ населенія во всѣхъ отношеніяхъ. Государственная жизнь XVI в. не знала такого всеобъемлющаго воздѣйствія на жизненные отношенія населенія; поэтому и центральныя учрежденія XVI в. вѣдали обыкновенно населеніе какой-нибудь области (иногда не все населеніе, а только извѣстный классъ его—такъ чети вѣдали только черныхъ людей) или даже всего государства (напр. Б. Приходъ, Разрядъ, Разбойный приказъ), но только въ *одномъ* какомъ-нибудь отношеніи; въ сословныхъ учрежденіяхъ въ настоящемъ смыслѣ слова ¹⁾ въ XVI в. не было надобности, они появляются только въ концѣ вѣка—и то сначала для управленія новыми родами войска, раньше неизвѣстными Московскому государству—стрѣльцами, пушкарями, рейтарами и т. д.; эти разряды лицъ были вполнѣ и нераздѣльно прикрѣплены къ государственной службѣ, почему для управленія ими и понадобились учрежденія особаго, невпаданнаго дотолѣ типа.

А. Приказы по церковному управленію.

Къ сословно-судебнымъ приказамъ XVII относятся нѣсколько учреждений по церковному управленію съ судебными функціями. Въ записныхъ книгахъ 1626—27 гг. упоминаются: *Патріаршій Разрядъ* или *Патріаршій Духовный Приказъ* ²⁾ — судившій по преступленіямъ противъ вѣры, по дѣламъ о незаконныхъ бракахъ, свидѣтельствовавшій завѣщанія и разбиравшій неки по гражданскимъ дѣламъ на лицъ духовнаго вѣдомства; существовалъ этотъ приказъ, впрочемъ, уже въ эпоху смутнаго времени ³⁾—и вѣроятно, былъ основанъ вслѣдъ за учрежденіемъ патріаршества, такъ же какъ и *Патріаршій Дворъ* ⁴⁾ или *дворецъ* (съ дворецкимъ во главѣ), вѣдавшій судомъ всѣхъ лицъ, жившихъ на патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ, безъ различія сословій; *Приказъ Церковныхъ дѣлъ*, возникшій въ концѣ XVI в. подъ именемъ Тиунской губы для надзора за поведеніемъ духовенства и благочиніемъ церковнымъ и надѣленный судебно-полицейскими функціями, получилъ названіе При-

¹⁾ Т. е. вѣдавшихъ данное сословіе во всѣхъ отношеніяхъ.

²⁾ См. Вяз. т. XX. Въ 1635 г. и 1645 г. этотъ приказъ называется Патріаршимъ соборомъ, въ 1663 г. получаетъ старое названіе Патріаршаго Разряда.

³⁾ А. Ист. т. II, № 355 (1610 г.).

⁴⁾ Упомянуть въ 1625 г.—А. А. У., т. III, № 166. Въ записныхъ книгахъ 1625—26 г.

каза только въ концѣ XVII в., при патриархѣ Іоакимѣ (1674—1690). Наконецъ, въ 1649 г.—по просьбѣ членовъ земскаго собора—былъ учрежденъ *Монастырскій Приказъ*¹⁾, разбившій гражданскіе пски, вчиняемые противъ духовныхъ лицъ (исключая одного патриарха) и на всѣхъ свѣтскихъ лицъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ. Раньше гражданскіе пски противъ этихъ лицъ (какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, кромѣ жившихъ на патриаршихъ земляхъ)²⁾ вчинялись въ Большомъ Дворцѣ, но уже при Михаилѣ Феодоровичѣ существовалъ приказъ „Монастырскихъ и переносныхъ дѣлъ“, упоминаемый въ записныхъ книгахъ 1628, 29 и 30 гг.³⁾, и явившійся отдѣленіемъ Большого Дворца. Монастырскій приказъ упраздненъ въ 1677 г.⁴⁾, и функціи его (судебныя) снова перешли къ Большому Дворцу. *Патріаршій Судный приказъ* (значится онъ въ записныхъ книгахъ 1626—27 гг.), несмотря на свое названіе, являлся учрежденіемъ съ опскальнымъ характеромъ (вѣдалъ сборы съ раскольниковъ и др.), такъ же какъ и *Патріаршій Казенный приказъ*, существовавшій уже въ эпоху смутнаго времени⁵⁾, и вѣдавшій сборы, педшіе прямо въ патриаршую казну.

В. Сословно-судебные приказы для свѣтскихъ лицъ.

Кромѣ приказовъ по церковному управленію появились приказы съ судебно-сословнымъ характеромъ и по военному управленію (Казачій, Стрѣленкій, Пушкарскій, Рейтарскій, Пюземскій, Разрядный); такой же характеръ получили приказъ Большой Казны—для торговыхъ людей (гостей и членовъ гостиной и суконной сотни) многихъ городовъ; приказъ Большого Дворца передалъ свои судебныя функціи по отношенію къ дворцовымъ крестьянамъ Дворцовому Судному приказу—съ 1626 г.⁶⁾; другіе дворцовые приказы продолжали судить лицъ, имъ подвѣдомственныхъ; Посольскій приказъ судилъ иностранцевъ (кромѣ военныхъ, судившихся въ Пюземномъ приказѣ) и нѣкоторые другіе разряды лицъ; Ямской приказъ судилъ (по гражданскимъ дѣламъ) ямщиковъ, Аптекарскій—аптекарей и докторовъ (нѣкоторые приказы—какъ Разрядъ и Посольскій—сами судили своихъ подъячихъ; Челобит-

¹⁾ Уложение 1649 г., гл. XIII, ст. I.

²⁾ На которыхъ пски вчинялись въ Патриаршемъ Дворѣ.

³⁾ А также въ А. А. Э., IV, № 16; III, 277; А. Ист. III, № 65.

⁴⁾ II. Собр. Зак. № 711.

⁵⁾ А. Ист., II, № 355.

⁶⁾ Визл., т. XX (по записнымъ книгамъ съ 1665 г.).

тенный приказъ судилъ всѣхъ вообще приказныхъ дьяковъ и подъячихъ), и вообще каждый почти приказъ имѣлъ право гражданского суда по деламъ, предъявленнымъ къ тѣмъ или другимъ разрядамъ лицъ, подчиненныхъ этому приказу на томъ или другомъ основаніи (право суда, — особенно надъ лицами, изъятыми изъ подсудности мѣстнымъ властямъ, — имѣли и четверти).

Расправная Палата.

Къ концу XVII в. появилось еще одно центральное учрежденіе съ судебными функциями: это была *Расправная Палата* (или *Разрядная*), образовавшаяся изъ временной комиссіи думы (такъ называемой „малой думы“ изъ самыхъ близкихъ къ царю и доверенныхъ бояръ), которая со временъ Алексѣя Михайловича учреждалась всякій разъ на время отсутствія государя изъ Москвы ¹⁾.

Преобразование временной комиссіи съ функциями преимущественно административными (рѣшеніе текущихъ дѣлъ на время отсутствія царя) въ постоянное апелляціонное учрежденіе, рѣшавшее судебныя дѣла, поступившія изъ приказовъ въ думу, и затѣмъ уже вносившее ихъ въ думу, произошло, по мнѣнію пр. Ключевскаго ²⁾, въ началѣ 1681 г., при чемъ первымъ ея предсѣдателемъ былъ князь П. П. Одоевскій. Существовала эта палата до 1694 г.; въ этомъ году изданъ указъ, предписывавшій судныя дѣла по докладу изъ приказовъ слушать „у государей вверху“... бояромъ и думнымъ людямъ *осьмь* ³⁾. Расправная Палата въ 90 гг. XVII стол. изъ учрежденія съ самостоятельной судебной властью превратилась въ простую канцелярію для приема челобитныхъ отъ лицъ высшихъ чиновъ (прочіе, по прежнему, подавали въ Челобитенный приказъ) на имя государей; челобитныя припимаютъ думные дьяки, которые одни теперь остались въ Расправной Палатѣ, такъ какъ судебного присутствія тамъ уже не было — и вносятъ ихъ въ общее присутствіе боярской думы.

Въ 1700 году велѣно разобрать всѣ дѣла, поступившія въ Расправную Палату изъ приказовъ по частнымъ челобитіямъ, и разослать эти дѣла по приказамъ. Такимъ образомъ, исторія Расправной Палаты представляетъ намъ какъ разъ обратный ходъ развитія по сравненію съ исторіей Челобитеннаго приказа, кото-

¹⁾ См. Ключевскій, *op. cit.*, стр. 425—428.

²⁾ Пр. Ключевскій считаетъ Расправную Палату посредствующей судебной инстанціей между думой и приказами.

³⁾ П. С. З., № 1491.

рый пзъ простой канцелярн для пріема прошеній превратился по-степенно въ высшее апелляціонное судилище для разбора дѣлъ, уже рѣшенныхъ приказами, личнымъ судомъ царя (или лица, кому царь поручитъ), помимо думы.

III. Приказы территоріальные.

Теперь намъ остается рассмотреть происхожденіе еще одной группы приказовъ, возникшихъ независимо отъ внутренней эволюціи московскаго управленія въ XVI вѣкѣ и отъ реформъ Ивана Грознаго; это—группа приказовъ *территоріальныхъ*, появленіемъ своимъ обязанная вышней полтикѣ только-что объединеннаго Московскаго государства.

Полтика эта не была по существу завоевательной: однако, силой обстоятельствъ Москва принуждена была, отражая непрерывный напоръ сосѣдей съ востока, юга и запада на ея границы, сама переходить въ наступленіе, выдвигать ради безопасности собственныхъ предѣловъ линіи своихъ „городковъ“ далеко къ югу и къ востоку,—въ крымскія и поволжскія степи,—или даже, смотря по обстоятельствамъ, присоединять къ своимъ владѣніямъ цѣлыя области и государства, сосѣдство которыхъ—при независимомъ ихъ существованіи—грозило ей непрестанной опасностью: такъ были присоединены царства Казанское, Астраханское, Сибирское и земли уральскихъ и сибирскихъ инородцевъ. Только по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ—Литвѣ и Ливонскому ордену, которые замѣнила потомъ Швеція—полтика Москвы уже со времени Ивана III приобрѣла нѣсколько иной характеръ, особенно рѣзко обнаружившійся въ эпоху Ливонской войны, при Грозномъ. Почти инстинктивно стремясь добыть себѣ свободный выходъ къ морю Москва вступаетъ въ борьбу съ ослабѣвшимъ орденомъ; но когда на мѣсто его стала сильная Швеція, борьба съ нею скоро по необходимости приняла оборонительный для Москвы характеръ. Въ наступательную борьбу съ Литвой Москва вступаетъ въ концѣ XV в., отчасти просто, чтобы дать отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ Литвы, ея „*Draug nach Osten*“, такъ рѣзко обозначившемуся при Витовтѣ, отчасти же подъ вліяніемъ новыхъ (или вновь ожившихъ) идей объ единствѣ русской земли, о наследственныхъ правахъ Московскихъ государей, какъ потомковъ св. Владиміра, на западно-русскія области, попавшія подъ власть Литвы,—идей, особенно усердно пропагандируемыхъ духовенствомъ изаѣзжими греками ¹⁾.

¹⁾ См. Мазюкова „Очерки русской культуры“, вып. III.

Присоединяя къ своимъ владѣнiямъ ту или другую область, Московское правительство не вводило ее обыкновенно въ общiй составъ своихъ земель, не подчинило ее дѣйствию центральныхъ учреждений, вѣдавшихъ великорусскiя земли, старую область поволжскихъ великихъ княженiй. Эти учрежденiя, будучи естественнымъ порожденiемъ весьма сложныхъ историческихъ и бытовыхъ условiй, дѣйствовавшихъ въ земляхъ волжско-окскаго района, и были вполне и до мельчайшихъ подробностей приспособлены именно къ этимъ условiямъ, такъ что оказались бы по меньшей мѣрѣ неудобными для дѣятельности во всякой иной обстановкѣ (особенно это можно сказать о четахъ, специфическiй характеръ коихъ необходимо обусловливался той паразитической территориальной и административной раздробленностью, которая господствовала въ бассейнѣ Оки и Верхней Волги). Московское правительство хорошо понимало это и, несмотря на свое исконное стремленiе къ централизаци, даже не помышляло о распространенiи дѣйствiя старыхъ московскихъ приваговъ не только на области съ чисто инородческимъ населенiемъ, какъ Казань или Сибирь, но даже чисто русскую Новгородскую область долго не рѣшалось въ полномъ объемѣ подчинить дѣйствию этихъ учреждений и вполне уравниять ее въ административномъ отношенiи со старыми московскими владѣнiями.

Впрочемъ, въ отношенiяхъ Московскаго правительства къ Новгородской области и къ другимъ окраинамъ замѣтна большая разница. Новгородская область, хотя и отличалась отъ московскаго центра условiями экономическаго быта и своимъ историческимъ прошлымъ, все же была исконно русскою областью. Московское правительство видѣло, что условiя быта въ Новгородской области (и бывшихъ Новгородскихъ земляхъ — Пермь, Вятку и другихъ) иные, чѣмъ въ низовыхъ земляхъ, но эти условiя были ему все же понятны, хоть и несправедливы, поддавались его изученiю. Иное положенiе было въ земляхъ восточныхъ инородцевъ, присоединенныхъ къ Москвѣ одною силою оружiя (чего нельзя сказать про присоединенiе Новгорода, такъ какъ тутъ кромѣ оружiя дѣйствовали и другiе факторы, пожалуй, даже болѣе важные): здѣсь — въ этихъ восточныхъ земляхъ — всѣ условiя жизни населенiя были чужды и непонятны московскому правительству. Оно не имѣло ни желанiя, ни времени изучать ихъ. Изъ вѣдѣтго различiя самою положенiемъ московскаго правительства относительно вновь присоединенныхъ земель на Западѣ и на Востокѣ вытекаетъ и различiе системъ управленiя, принятыхъ правительствомъ для тѣхъ и другихъ земель.

А. Территориальные приказы по западной окраинѣ.

Въ Новгородской области, вскорѣ послѣ ея присоединенія, мы встрѣчаемъ такія же учрежденія для завѣдыванія различными отраслями управленія, какія существовали тогда въ Москвѣ: Новгородскій Разрядъ ¹⁾, Новгородскій Дворецъ ²⁾, при чемъ эти учрежденія дѣйствовали не изъ Москвы, а изъ Новгорода. Въ Новгородѣ образовалось подобіе Московскаго центральнаго правительства, съ намѣстникомъ во главѣ; намѣстникъ этотъ имѣлъ весьма обширныя полномочія, которыхъ не коснулись даже оба Судебника (ему принадлежалъ даже уголовный судъ по всемъ дѣламъ безъ доклада) и по характеру своей власти мало походилъ на обыкновенныхъ московскихъ намѣстниковъ; это былъ, скорѣе, вице-король *sui generis*. Затѣмъ, правда, власть его въ значительной мѣрѣ была ограничена дьяками—изъ соображеній политическихъ и финансовыхъ, но самыя эти дьяки, раздѣлившіе его власть, получили также весьма широкія полномочія. Характеръ и значеніе этого мѣстнаго Новгородскаго управленія прекрасно иллюстрируется дѣлымъ рядомъ грамотъ, посланныхъ изъ Москвы въ Новгородъ въ 1554—1556 г.г. ³⁾.

Въ Смоленской области, присоединенной позже, но находившейся, приблизительно, въ такихъ же условіяхъ, какъ и Новгородская, тоже встрѣчаемъ на мѣстѣ учрежденія, подобныя Московскимъ центральнымъ: въ XVI в. уже говорится о Смоленскомъ Разрядѣ ⁴⁾. Певозинъ относитъ его къ 1564 г. Изъ этого мы видимъ, что Московское правительство, не считая возможнымъ прямо распространить дѣйствіе московскихъ центральныхъ учреждений на вновь присоединенныя на Западѣ земли, постепенно подготовляло однако такое подчиненіе, основывая во вновь присоединенныхъ областяхъ учрежденія, совершенно аналогичныя съ Московскими по своему характеру и кругу вѣдомства. Но въ дѣятельности своей эти учрежденія, разумѣется, должны были приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ чего не могли бы дѣлать старыя приказы, дѣйствовавшіе изъ Москвы и слишкомъ привыкшіе къ Московскимъ условіямъ; но въ то же время эти мѣстныя учрежденія должны были приучать населеніе къ порядкамъ московской администраціи, готовить край къ

¹⁾ См. А. Ист., II, № 355; затѣмъ въ зависимыхъ книгахъ 1659.

²⁾ О Новгородскихъ дворцовыхъ дьякахъ говорится въ 1518 г. (II. Собр. Лѣт., VI, 280—281.

³⁾ Изъ нихъ отпечатано только 133 грамоты—въ Д. А. Ист., т. I, № 47, 49,—112.

⁴⁾ А. А. Э., I, № 289, лд. 1-1; затѣмъ А. Ист., II, № 355.

полному административному слиянію съ центромъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ: Новгородскій и Смоленскій разряды, такъ же какъ и Новгородскій дворець, имѣли только временное значеніе и къ срединѣ XVII в. они исчезаютъ уже: дворцовый приказъ въ Новгородѣ упоминается еще въ 1636 г. ¹⁾, и нѣсколько раньше— въ 1619—21 г.г., но уже въ качествѣ мѣстнаго отдѣленія Московскаго Большаго Дворца; Разрядъ Новгородскій встрѣчается въ записныхъ книгахъ 1659 г., но это, должно быть, временно открытое въ Новгородѣ—по случаю войны со Швеціей—отдѣленіе Московскаго разряда, нѣчто въ родѣ главнаго штаба дѣйствующей арміи.

Сразу послѣ присоединенія какъ Новгорода, такъ и Смоленска мы не замѣчаемъ слѣдовъ существованія особыхъ территориальныхъ приказовъ, которые изъ Москвы вѣдали бы весь отрасль управленія присоединенныхъ областей. «Новгородскій приказъ Новгороду Нижняго», вѣдающій также Новгородъ Великій и Псковъ, упоминается только въ извѣстной «описи царскаго архива» ²⁾, такъ что грамоты, присланные изъ этого приказа, о которомъ здѣсь говорится, относятся, вѣроятно, къ 60-мъ или 70-мъ г.г. XVI стол. Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы упомянутый здѣсь Новгородскій приказъ «Новгорода Нижняго» былъ настоящимъ территориальнымъ приказомъ, учрежденнымъ специально для управленія Новгородской областью вскорѣ по ея присоединеніи. Сомнѣніе возбуждаетъ уже самое названіе приказа: «Новгородскій приказъ Новгорода Нижняго»; при чемъ тутъ Новгородъ Нижній, если бы здѣсь, дѣйствительно, говорилось о территориальномъ Новгородскомъ приказѣ? Скорѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло съ началомъ Нижегородской четверти.

Особаго территориальнаго приказа для управленія Новгородской областью въ XVI в., кажется, и вовсе не было. Все мѣстное управленіе сосредоточивалось сначала въ рукахъ намѣстника, сносившагося прямо съ великимъ княземъ и съ думой. Затѣмъ финансовое управленіе было изъято изъ рукъ намѣстниковъ и вѣдалось (тутъ же на мѣстѣ) особыми «дьяками Новгородскими», нѣкоторые изъ которыхъ были «дворцовыми» (напр. дьякъ Арцыбашевъ, сидѣвшій въ Новгородскомъ Дворцѣ въ 1588 г.); съ теченіемъ времени въ Москвѣ создалась центральная канцелярія—четырь ³⁾ для приѣма доходовъ, собранныхъ Новгородскими дьяками. По дѣ-

¹⁾ А. А. Э., III, № 259 и Милокова, „Гос. Хоз.“, стр. 31, пр. 3.

²⁾ А. А. Э., I, № 289, ящ. 108.

³⁾ Сначала Андрея Щелкалова, затѣмъ дьяковъ Нормаскаго, Вахрамѣева и т. д.—впоследствии Нижегородская.

ламъ же, собственно административнымъ, относившимся еще въ 60-хъ и 70-хъ г.г. къ вѣдомству намѣстника, высшей инстанціей въ ряду московскихъ центральныхъ учрежденій сдѣлался *Посольскій приказъ*, который, какъ кажется, съ самаго основанія своего получилъ высшій надзоръ за ходомъ управленія во вновь присоединяемыхъ земляхъ по западной границѣ Московскаго государства, стоявшихъ внѣ общаго порядка земскаго управленія, господствовавшаго въ центральной области четьей, подчиненной административному надзору Разряда.

Къ самому концу XVI в. (приблизительно около 1597 г.) областное управленіе Новгородской области слилось воедино съ финансовымъ, такъ что Новгородская (Нижегородская) четь сдѣлалась общимъ центральнымъ учрежденіемъ для всего управленія областью и приобрѣла территориальный характеръ, но зато подчинилась высшему надзору Посольскаго приказа. Поэтому, правильнѣе всего будетъ отнести начало территориальнаго *Новгородскаго* приказа къ самому концу XVI стол., между 1597 и 1601 г. ¹⁾ Для управленія Смоленскою областью сначала тоже, вѣроятно, не существовало особаго центрального учрежденія съ территориальнымъ характеромъ, а дѣлами ея завѣдывалъ Посольскій приказъ. Особый *Смоленскій приказъ* является только въ XVII в., послѣ завоеванія Смоленска въ 1654 г. (въ записныхъ книгахъ онъ значится только съ 1671 г., но по дѣламъ Посольскаго приказа—уже съ 1657 г.), опять таки, какъ учрежденіе, подчиненное Посольскому приказу. Въ XVII в. возникаетъ цѣлый рядъ областныхъ приказовъ для управленія землями, отнятыми отъ Польши въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 50-хъ и 60-хъ г.г. этого столѣтія. Всѣ эти приказы, за исключеніемъ Малороссійскаго, носили временной характеръ, такъ какъ области, которыя они вѣдали, послѣ Андрусовскаго мира 1667 г. были возвращены Польшѣ.

Всѣ эти приказы за время своего существованія находились въ вѣдѣніи Посольскаго приказа, который въ XVI в. приобрѣлъ выдающееся значеніе въ ряду другихъ московскихъ приказовъ, которое перевѣсило, подъ конецъ, значеніе Разряда. Конечно, Посольскій приказъ этимъ своимъ возвышеніемъ въ значительной степени былъ обязанъ личному значенію государственныхъ дѣятелей, стоявшихъ во главѣ его во второй половинѣ XVII в.—Ордина-Нащокина, Матвѣева и кн. В. В. Голицына, но еще большее вліяніе на этотъ подъемъ его значенія имѣло то важное обстоятельство, что въ его рукахъ мало-по-малу сосредоточилось высшее руководство не только дипломатическими, но и военными

¹⁾ А. А. Э., II, № 18.

отношениями съ нашими западными сосѣдами—Польшей и Швеціей, тогда какъ на долю Разряда осталась охрана южной степной границы отъ набѣговъ крымцевъ.

Основаніе же такого раздѣленія дѣла національной обороны между двумя центральными учрежденіями можно видѣть въ измѣненіи самыхъ условій веденія войны въ XVII в. по сравненію съ XVI в. Старая дворянская копница, сопровождаемая пѣхотой изъ холопей и дворовыхъ людей, плохо обученная, недостаточно организованная и съ устарѣлымъ вооруженіемъ, не годилась больше въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ европейскаго войска поляковъ и шведовъ, такъ что старое дворянское ополченіе приходилось употреблять преимущественно противъ татаръ, на борьбу съ которыми и была собственно рассчитана вѣками сложившаяся организція нашего служилого сословія и его ополченія; въ войнахъ же съ Польшей и Швеціей ядро русской арміи въ XVII в. составляли уже новые роды войска, отчасти организованные подъ вліяніемъ западныхъ взглядовъ на военное дѣло (стрѣльцы), отчасти прямо обученные по европейскому образцу (пушкарни, рейтары; рядомъ съ этимъ войскомъ сражались и наемные отряды изъ западныхъ европейцевъ). Всѣ эти роды войска не были подчинены уже Разряду, а вѣдались каждый въ своемъ особомъ приказѣ. Но нужно было поручить какому-нибудь центральному учрежденію общее руководство въ борьбѣ съ западными сосѣдами, борьбѣ тяжелой и опасной: такимъ учрежденіемъ не могъ быть ни Разрядъ, — т.-е. его организція не отвѣчала новымъ условіямъ борьбы, — ни какой-нибудь изъ многочисленныхъ военныхъ приказовъ — ихъ кругъ вѣдомства былъ слишкомъ узокъ для такой широкой задачи. Всего естественнѣе было поручать это руководство Посольскому приказу, такъ какъ ему лучше, чѣмъ всякому иному учрежденію, были извѣстны политическія, военныя и бытовыя условія нашихъ западныхъ сосѣдей, равно какъ и пограничныхъ съ ними московскихъ окраинъ.

Въ XVII в. центр тяжести нашей вѣшней политики переносится съ востока на западъ: татарскія орды изъ-за Урала и Волги перестали грозить самому существованію Московскаго государства; Казань и Астрахань были покорены, московская колонизація распространилась вглубь Сибири. Осталась одна Крымская орда, сильно еще беспокоившая московскіе предѣлы, но не представлявшая уже сама по себѣ серьезной опасности. На западѣ же тѣмъ временемъ ярко обозначились двѣ важныя задачи, которыя предстояло рѣшить Московскому государству: объединеніе *ослыхъ* русскихъ земель подъ скипетромъ московскаго государя (другими словами — завоеваніе Литовско-русскихъ земель) и завоеваніе себѣ

выхода къ Балтійскому морю. Непосредственнымъ орудіемъ правительства при разрѣшеніи той и другой задачи явился Посольскій приказъ, тогда какъ на долю Разряда досталось завершеніе старой исторической «борьбы со степью», охрана тыла Московскаго государства, которое повернулось теперь лицомъ къ Западу. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ руководящая роль въ ряду московскихъ приказовъ должна была перейти отъ Разряда къ Посольскому приказу, въ вѣдѣніе котораго, въ 80-хъ г. г. XVI стол., попадаютъ даже великорусскія чети, съ самаго возникновенія своего всегда стоявшія въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Разряду; впрочемъ, до известной степени эта связь сохранилась и въ 80-хъ г. г.: Разрядъ продолжаетъ назначать воеводъ въ города, подчиненные четямъ. Но за то вся западная окраина государства, особенно со времени польской войны 1654—1667 г. г. вполне и неразрывно была подчинена вѣдѣнію Посольскаго приказа. Съ начала столѣтія, какъ уже сказано, въ связи съ Посольскимъ приказомъ стояло только одно-полу-финансовое, полу-административное учрежденіе — Новгородская четь; но изъ земель, которыя она вѣдала, далеко не всѣ находились въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ низовымъ землямъ, попавшимъ въ вѣдомство этой чети по чисто финансовымъ соображеніямъ и не стоявшимъ ни въ какой исторической связи съ Вел. Новгородомъ. Напр. къ Нижнему-Новгороду, Арзамасу и др. Посольскій приказъ не имѣлъ, кажется, никакого отношенія, такъ же какъ и къ большей части бывшихъ Новгородскихъ земель (Двиня, Вагъ и т. д.); нѣсколько городовъ, — какъ въ вѣдомствѣ Новгородской чети, такъ и въ областяхъ другихъ приказовъ (напр. Чердынь, Соликамскъ, Вязьма, Елатьма, Касимовъ, Романовъ) были приписаны къ Посольскому приказу нѣкоторыми сборами, изъ чисто финансовыхъ соображеній; собственно административную связь Посольскій приказъ сохранялъ только съ самимъ Новгородомъ и окружавшей его, пограничной со Швеціей, областью. Связь эта дѣлается болѣе опредѣленной ко времени Шведской войны 1657—1661 г.; въ 1657 г. Новгородская четь была прямо подчинена Посольскому приказу, а въ 1670 г. она получила названіе *Новгородскаго приказа*, болѣе соответствующее приобрѣтенному ею въ XVII в. областному, территориальному характеру, чѣмъ старое названіе *чети* — центральной кассы для сбора доходовъ. Польская война 1654-67 г. г. вызвала къ жизни цѣлый рядъ территориальныхъ приказовъ для управленія областями, отторгнутыми отъ Польши. Изъ нихъ по заключеніи мира сохранили существованіе только Смоленскій ¹⁾ и Малороссійскій. По дѣламъ

¹⁾ По дѣламъ Посольскаго приказа — съ 1657 г.

Посольскаго приказа послѣдній значится съ 1649 г., но въ это время самаго учрежденія еще не могло существовать, а начались только переговоры съ Хмельницкимъ, къ которому Московское правительство отправило посла съ дарами послѣ побѣды его надъ поляками при Пилявѣ; весьма вѣроятно, что этими переговорами завѣдывалъ особый столъ Посольскаго приказа и что именно изъ этого стола и образовался потомъ—послѣ Переяславской рады 8-го января 1654 г.—Малороссійскій приказъ (по разряднымъ книгамъ онъ значится только съ 1663 г.). Функции его носили вначалѣ главнымъ образомъ дипломатическій характеръ; онъ отправлялъ къ гетману гонцовъ, отпускалъ воеводъ въ Малороссію, вѣдалъ переписку съ гетманомъ по иностраннымъ дѣламъ,—о сношеніяхъ Малороссіи съ сосѣдними государствами, принималъ малороссійскихъ должностныхъ лицъ,—свѣтскихъ и духовныхъ, прѣѣзжавшихъ въ Москву. Но мѣрѣ сѣрбіленія узъ, связывавшихъ Малороссію съ Москвою, Малороссійскій приказъ все болѣе влѣивался во внутреннія дѣла Малороссіи, которыхъ по условіямъ Переяславскаго договора онъ вовсе не долженъ былъ касаться, и подъ конецъ приобрѣлъ отчасти характеръ центрального учрежденія для высшаго надзора за управленіемъ подчиненной ему области.

Кромѣ Малороссійскаго и Смоленскаго приказовъ Польская война 1654—57 г.г. вызвала учрежденіе приказовъ: *Литовскаго*, вѣдаващаго Вильну, Полоцкъ, Могилевъ и другіе города, завоеванные русскими; приказъ этотъ, учрежденный въ 1656 г. былъ формально упраздненъ въ 1667 г. по Андрусовскому перемирію, когда онъ и прекратилъ свою дѣятельность и дѣла его были отосланы въ Разрядъ; (въ записныхъ книгахъ значится съ 1663 г. по 1669 г.); и приказъ *Лифляндскихъ дѣлъ*, упоминаемый въ записныхъ книгахъ съ 1660 по 1666 г.,— для управленія отнятыми отъ Швеціи Ливонскими городами; онъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность въ 1661 г., послѣ Кардисскаго мира.—Въ началѣ XVII в. былъ еще одинъ приказъ, возникшій изъ военно-дипломатическихъ отношеній къ Польшѣ, приказъ этотъ, называвшійся *Панскимъ*, упоминается въ документахъ всего одинъ разъ, въ 1620 г., въ грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю о выдачѣ двухъ пѣнныхъ нѣмцевъ, содержащихся въ немъ, для отправки ихъ въ Тобольскъ: отписку объ исполненіи приказанія велѣно отдать въ Панскомъ приказѣ ¹⁾. Можно думать, что приказъ этотъ вѣдалъ многочисленныхъ литовскихъ пѣнныхъ воеводъ, оставшихся въ Москвѣ послѣ смутнаго времени. Уже въ царствованіе Петра и Иоанна Алексѣевичей возникъ еще одинъ приказъ военно-территориальнаго характера,—но этотъ при-

¹⁾ А. А. Э., т. III, № 113.

казь былъ подчиненъ уже не Посольскому приказу, а Разряду, такъ какъ въ его вѣдомствѣ находилась область такъ называемой «слободской украины», расположенная по южной, степной границѣ Московскаго государства. Мы говоримъ о *Великороссійскомъ приказѣ*, вѣдавшимъ полки Изюмскій, Ахтырскій, Харьковскій и Сумскій съ ихъ территоріей и учрежденный въ 1688 г. Раньше эти области вѣданы въ военномъ и административномъ отношеніи въ Бѣлгородскомъ столѣ¹⁾ Большаго Разряда. Въ 1676 г. города Бѣлгородскаго полка, вѣдавшася въ этомъ столѣ, были распределены между двумя разрядами²⁾, — Бѣлгородскимъ и Тамбовскимъ, причемъ Ахтырскъ, Изюмъ, Харьковъ и Сумы вошли въ составъ перваго. Они принадлежали къ нему еще въ 1683 г., какъ видно изъ переписной книги Бѣлгородскаго стола этого года³⁾, но вскоре стали вѣдаться въ особомъ учрежденіи подчиненномъ однако же Разряду. Учрежденіе это было похоже на старинныя областныя «разряды», дѣйствовавшіе изъ Москвы, но функціи его не были исключительно военными, что обуславливалось мѣстными особенностями: въ Слободской Украинѣ, также какъ и въ Малороссіи, полки были не только военнымъ, но и территориальнымъ дѣленіемъ, такъ какъ въ составъ «полка» входило все привилегированное «казачье» населеніе, которое одно только и принималось въ расчетъ при дѣленіи страны на административныя округа (не считая, впрочемъ, городского «мѣщанскаго» населенія, имѣвшаго особое управленіе).

В. Территориальные приказы по восточной окраинѣ.

Мы кончили съ военно-территориальными приказами, созданными въ XVII в. для управленія пограничными областями по западной и по южной границѣ. Перейдемъ теперь къ тѣмъ— въ полномъ смыслѣ слова—территориальнымъ приказамъ, которые вѣдали *во всякъ отношеніи* восточныя области Московскаго государства, съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ.

Какъ мы уже сказали, Московское правительство держалось по отношенію къ этимъ землямъ совершенно иной политики, чѣмъ

¹⁾ См. Загоскина „столи разряднаго приказа“ стр. 24—25.

²⁾ „Разрядами называлась въ это время совокупность нѣсколькихъ городовъ воеводы которыхъ были подчинены воеводѣ главнаго города въ военномъ (а вслѣдствіе этого—отчасти и въ административномъ) отношеніи. Проф. Загоскинъ сблизжаетъ ихъ съ позднѣйшими корпусами, но значеніе ихъ не было исключительно военнымъ.

³⁾ Арх. Мин. Юст., № 121.

та, которой оно слѣдовало по отношенію къ западнымъ окраинамъ. Если провести параллель между политикой Москвы и Рима по отношенію къ завоеваннымъ территориямъ, то можно подмѣтить аналогію между отношеніями Рима къ *cives latini* и къ «союзникамъ» (особенно къ жителямъ Италіи) и отношеніями Москвы къ жителямъ Новгородской области, Смоленска и Малороссіи—съ одной стороны—и отношеніямъ Рима къ обыкновеннымъ «провинціаламъ» и отношеніямъ Москвы къ восточнымъ инородцамъ турецкаго и финнскаго происхожденія—съ другой. Москва, чувствуя себя совершенно чуждой всему жнзненному укладу и понятіямъ этихъ инородцевъ, не вмѣшивалась въ ихъ внутреннюю жизнь, не пыталась измѣнять тѣ условія—бытовыя, экономическія и юридическія—въ которыхъ они издавна жили. Москва только облагала ихъ ясакомъ (деньгами или натурой), иногда воинскою повинностью (обязанностью выставять вспомогательныя отряды). Сборомъ ясака и надзоромъ за отправленіемъ воинскою повинности завѣдывало центральное московское учрежденіе: «дворецъ» или «приказъ», сносившееся съ бояриномъ—наместникомъ или воеводой данной области, пользовавшимся очень широкими полномочіями, напмн-навшими полномочія римскихъ проконсуловъ въ провинціяхъ, отдаленныхъ отъ Рима. Невозможъ совершенно правъ, когда говорятъ, что эти воеводы (въ Казани, Астрахани и Сибири) завѣдывали своимъ областямъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ бояре въ Москвѣ завѣдывали порученнымъ имъ приказами (съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ Градовскій, полагающій, что воеводы «великихъ городовъ» немногимъ превосходили по власти обыкновенныхъ городовыхъ воеводъ)¹⁾. Они вѣдали порученную имъ территорию во всѣхъ отношеніяхъ, отправляя въ ней заразъ функціи Дворца, Разряда, финансовой чети и Помѣстнаго приказа. По тѣмъ же дѣламъ, которыя они не имѣли право рѣшать собственной властью, они сносились съ верховной властью черезъ посредство территориальныхъ приказовъ, которые носили, такимъ образомъ, характеръ центральныхъ канцелярій для сношеній царя и думы съ областными воеводами восточныхъ окраинъ.

Такихъ приказовъ въ Москвѣ было, собственно, только *два*: Казанскій (и Мещерскій) Дворецъ и Сибирскій приказъ. Казань была завоевана Грознымъ въ 1552 г., а уже въ 1553 г. встрѣчаемъ «Казанскаго дворцоваго»—Данила Романовича Юрьева²⁾. Должно быть, прежде всего въ непосредственное вѣдѣніе центрального правительства во вновь покоренныхъ земляхъ были взяты территоріи, прици-

¹⁾ Т. II, стр. 321.

²⁾ Сб. П. Р. И. Общ. т. LIX, стр. 374.

санныя въ дворцовому вѣдомству, — вѣриѣ, ставшіе государственнымъ имуществомъ, домами, такъ какъ эти территоріи не были подчинены Большому Дворцу, приспособленному къ дѣятельности въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ; для управленія ими было создано новое учрежденіе; такъ возникъ, по нашему мнѣнію, Казанскій и Мещерскій Дворецъ, упомянутый въ записныхъ книгахъ 1599 г. и въ памяти Тавренскимъ волостнымъ судейкамъ ¹⁾ 1607 г. Но уже начиная съ 1565 г. упоминается неоднократно въ актахъ *Казанская Изба* ²⁾. Въ 80-хъ и 90-хъ г.г. XVI стол. въ Казанской палѣ сидѣлъ дьякъ Дружина Петелинъ, упоминаемый Флетчеромъ въ 1588 г. ³⁾; въ 1599 г. — дьяки Аван. Власевъ и Печай Ѳедоровъ ⁴⁾. Астрахань также вѣдалась сначала въ Казанскомъ Дворцѣ (еще въ 1662 г.), но во второй половинѣ XVII в. перешла въ Посольскій приказъ, который еще въ 1623 г. вѣдалъ донскихъ казаковъ. Наоборотъ, Сибирь, подчиненная сейчасъ по ея завоеваніи Посольскому приказу (еще въ 1595 г. Сибирь вѣдалъ Василій Щельгаловъ, въ качествѣ дьяка этого приказа), а потомъ, вѣдавшаяся особой четвертью Ивана Вахромеева ⁵⁾ — въ 1596—97 г.г., — въ 1599 г. перешла въ вѣдніе Казанскаго Дворца, въ которомъ и оставалась до 1637 г., когда въ записныхъ книгахъ впервые является *Сибирскій приказъ* ⁶⁾.

Въ вопросѣ о территоріальныхъ приказахъ въ нашей историко-юридической литературѣ, къ сожалѣнію, издавна господствуетъ воззрѣніе, смѣшивающее ихъ съ финансовыми четами въ одну группу «областныхъ приказовъ». Это смѣшеніе — ближайшимъ, хотя и чисто вѣишимъ поводомъ къ которому послужили областныя названія четей въ XVII в., — весьма пагубно повліяло на разъясненіе характера и значенія приказовъ той и другой группы, такъ какъ не давало возможности выдѣлить характерныя признаки каждой группы; г.г. Милюковъ и Середонинъ первые ясно указали на невозможность смѣшенія четей съ областными (территоріальными) приказами, хотя, правильный путь въ этомъ вопросѣ былъ достаточно ясно еще указанъ Певолинымъ, но послѣдующіе историки — юристы (какъ напр. Градовскій) не обратили вниманія на это указаніе или даже прямо отвергли его.

Говоря объ отношеніяхъ между общимъ приказами и осо-

А. Юр. № 337.

¹⁾ А. А. Д., I, № 289, лнц. 153 — дьяки Истома Кузьминъ и Михайло Вороной — въ 70-хъ г.г. XVI в. — и др., — см. также Лихачева, *op. cit.*, стр. 79, прим.

²⁾ Лихачевъ, *ib.*, стр. 493. — Др. Петелинъ и Захарій Свѣзевъ — въ Казанск. Дв. въ 1589—91 г.г. и снова Петелинъ въ 1595 г.

³⁾ Лихачевъ, *ib.*, стр. 514.

⁴⁾ Лихачевъ, *op. cit.*, стр. 97, приложение.

⁵⁾ Визл., т. XX.

бевными, Неволитъ, высказавъ предположеніе, что *особенные* (иначе территоріальныя) приказы вѣдали сначала извѣстныя области во всѣхъ отношеніяхъ, а затѣмъ уже нѣкоторыя предметы выдѣлились изъ ихъ вѣдѣнія въ вѣдѣніе общихъ приказовъ,—говоритъ далѣе, что области *отдаленныя, непохожія* на центръ по своимъ условіямъ, и впоследствии—для большаго удобства и сплы—управлялись однимъ приказомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Оставивъ въ сторонѣ первое предположеніе Неволитина, не подтвердившееся позднѣйшими изслѣдованіями ¹⁾, мы видимъ, что далѣе онъ уже достаточно ясно указываетъ существенный и характерный признакъ московскихъ территоріальныхъ приказовъ—ихъ *«особенность»*, то обстоятельство, что они дѣйствовали только на окраинахъ, въ мѣстностяхъ, *изъятыхъ* изъ подѣ дѣйствія общихъ началъ московскаго управленія; это были, дѣйствительно, *«особенные»* приказы, *исключеніе*, а не правило въ общемъ порядкѣ мѣстнаго управленія. На этотъ признакъ *«особенности»* *«экстраординарности»* и слѣдовало бы обратить вниманіе послѣдующимъ ученымъ: только такимъ путемъ они избавили бы себя отъ смѣшенія двухъ совершенно различныхъ вопросовъ:—вопроса о четахъ, связаннаго съ финансовою и сословною политикою Московскаго государства, и вопроса объ областныхъ приказахъ, связаннаго съ его внѣшней и территоріальною политикою (въ частности—съ его борьбой съ сепаратизмомъ въ пограничныхъ областяхъ но никакъ не въ области четей, гдѣ его и быть никогда не могло но гдѣ его ищетъ Градовскій и въ немъ видитъ причину раздробленности территоріей четей); смѣшеніе это породило страшную запутанность вопроса, которая только теперь начинаетъ мало по малу проясняться.

Особенно способствовалъ этому смѣшенію Градовскій. Нѣкоторые изслѣдователи до него (Кавелинъ ²⁾, Троцива) просто смѣшали въ одну группу чети и настоящіе областные приказы, не дѣлая изъ этого дальнѣйшихъ выводовъ. Впрочемъ, Кавелинъ въ одномъ мѣстѣ ³⁾ говоритъ совершенно правильно, что областные приказы возникли по присоединеніи къ Москвѣ различныхъ областей и цѣлыхъ царствъ и княженій; на такое происхожденіе областныхъ приказовъ указываетъ, по мнѣнію Кавелина, ихъ позднѣйшее подчиненіе Посольскому приказу; при этомъ Кавелинъ ссылается на Сибирскій и Смоленскій приказы. Любо-

¹⁾ Древнѣйшими приказами были именно приказы, вѣдавшіе *известную область* управленія—на всей ли территоріи государства, или первоначально въ одномъ только Московскомъ уѣздѣ—это безразлично,—а никакъ не областные приказы.

²⁾ Кавелинъ, т. I, стр. 68.

³⁾ *ib.*, стр. 68.

пытно однако, что онъ ничего не говоритъ при этомъ о четахъ: относитъ ли онъ и чети къ областнымъ приказамъ, одинаковаго происхожденія съ Смоленскимъ и Сибирскимъ приказами, или нѣтъ? Правда, и чети (кромя Костромской) были подчинены въ 1681 г. Посольскому приказу, но, конечно, это подчиненіе не можетъ стоять ни въ какой преемственной связи съ событіями XIV—XV в. в., повлекшими за собой присоединеніе области четей къ Москвѣ, и не имѣетъ ничего общаго съ постояннымъ подчиненіемъ Посольскому приказу настоящихъ областныхъ приказовъ. Однако, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ Кавелинъ прямо относитъ чети къ одной группѣ съ собственно территориальными приказами ²⁾, то надо думать, что и въ данномъ случаѣ онъ предполагаетъ тоже самое.

Градовскій обратилъ особенное вниманіе на указанное Неволнскимъ различіе въ порядкѣ отношеній мѣстныхъ правительственныхъ органовъ управленія другъ къ другу въ различныхъ мѣстностяхъ и совершенно основательно отрицаетъ ³⁾ существованіе рѣзкаго различія между отношеніемъ воеводъ Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани, Астрахани и Сибири къ воеводамъ «пригородовъ», менѣе значительныхъ городовъ ихъ области—съ одной стороны,—и отношеніемъ воеводы какого нибудь значительнаго центральнаго города къ воеводамъ сосѣднихъ мелкихъ городовъ—съ другой. Но дѣло не въ этомъ различіи: если и отбросить его, все-таки остается фактъ существованія въ московскомъ государствѣ XVI (да и XVII) в. двухъ различныхъ типовъ мѣстнаго управленія, изъ которыхъ одинъ преобладалъ въ центрѣ, а другой—на окраинахъ, и эти два типа уже были вѣрно указаны Неволнскимъ. Центральныя мѣстности ⁴⁾—по различнымъ дѣламъ сплелъ съ различными московскими приказами, тогда какъ окраины по всѣмъ (или почти по всѣмъ) дѣламъ вѣдались въ одномъ центральномъ учрежденіи; чѣмъ дальше отъ Москвы лежала мѣстность, чѣмъ менѣе ея условія похожи были на условія Великой Руси (напр. Терки, Сибирь, донскіе казаки, Калмыки), тѣмъ шире и полнѣе примѣнялся къ ней этотъ принципъ сосредоточенія всѣхъ дѣлъ по ея управленію въ одномъ приказѣ, принципъ территориальности. Все это подтверждается такимъ множествомъ фактовъ, что Градовскій въ сущности не споритъ противъ этого; но онъ не даетъ освѣщенія этому несомнѣнному факту, оставляетъ его въ

¹⁾ стр. 69.

²⁾ И тоже говоритъ о подчиненіи ихъ Посольскому пр.

³⁾ Градовскій, т. II, стр. 321—322.

⁴⁾ Такъ называемая «область четей».

тѣня, и ополчаясь противъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ послѣдствій, выведенныхъ Неволпнымъ изъ факта существованія *доузъ тинновъ* мѣстнаго управленія, онъ какъ бы молча отрицаетъ самое существованіе различія между этими двумя типами. Благодаря этому, ему никакъ не удается ясно и опредѣленно формулировать характеръ и значеніе четей въ ряду Московскихъ приказовъ и въ исторіи московской центральной администраціи, именно потому, что онъ смѣшиваетъ ихъ въ одну группу съ областными приказами и не различаетъ двухъ періодовъ въ исторіи ихъ развитія—перваго—когда онѣ были исключительно финансовыми учрежденіями, и второго (съ царствованія Михаила Феодоровича), когда онѣ стали пріобрѣтать нѣкоторыя административныя функціи. Впрочемъ, и отъ этого чети не сдѣлались областными, территоріальными приказами въ настоящемъ смыслѣ слова: онѣ имѣли только надзоръ за мѣстной администраціей, воеводской, земской,—исполняли по отношенію къ велико-русскимъ мѣстностямъ функціи (далеко не всѣ, однако) нынѣшняго министерства внутреннихъ дѣлъ (а отчасти и нисшей инстанціи—нынѣшнихъ губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій); вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сохранили и нѣкоторыя функціи по финансовому управленію,—но имъ далеко было до той полноты власти и разносторонности, которыми отличались настоящіе областные приказы, особенно управлявшіе мѣстностями по восточной окраинѣ.

Западные областные приказы, какъ мы уже сказали, какъ бы подготавливали подчиненныя имъ мѣстности къ включенію въ общій строй и порядокъ Московскаго управленія, почему въ этихъ мѣстностяхъ—съ теченіемъ времени—все распирется кругъ вѣдѣнія общихъ московскихъ приказовъ. Приказы же Казанскій и Сибирскій, правившіе землями, населенными инородцами и повѣрцами (язычниками и магометанами), отчасти даже полудикими кочевниками и звѣроловами, пользовались весьма широкой властью по отношенію именно къ *тому* инородческому населенію,—безъ всякаго вмѣшательства приказовъ по общему управленію (въ такомъ же положеніи былъ Посольскій приказъ по отношенію къ Астрахани, къ донскимъ казакамъ и къ калмыкамъ).

Въ послѣдующей нашей юридической литературѣ изученіе территоріальныхъ приказовъ было тѣсно связано съ изученіемъ четей и, хотя многіе изслѣдователи указывали на болѣе широкую компетенцію областныхъ органовъ (воеводъ) въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ, отмѣчали и фактъ подчиненія этихъ воеводъ *одному* московскому приказу во всѣхъ (или почти во всѣхъ) отношеніяхъ,—однако всѣ эти вѣрно подмѣченные въ отдѣльности признаки, не могли повести къ точ-

ному и ясному опредѣленію понятія «областного территориальнаго приказа», пока это понятіе не было самымъ рѣшительнымъ образомъ разграничено отъ понятія «чети», — а это разграниченіе могло произойти не раньше, какъ послѣ детальной разработки и правильнаго освѣщенія вопроса о четвертяхъ; и дѣйствительно, какъ только — въ послѣднее время разработка эта была предпринята г.г. Милюковымъ, Середоннымъ и пр. Платоновымъ, такъ сейчасъ же и выяснилось — въ работахъ этихъ самыхъ ученыхъ — истинное значеніе, которое слѣдуетъ придавать термину «областной приказъ», а также то, какія именно учрежденія слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ терминомъ и какія цѣли подводить подъ него.

Въ сущности опредѣленіе областныхъ приказовъ осталось то самое, которое далъ еще Неволпитъ, только у него оно затемнялось разными сопутствующими соображеніями, неправильность которыхъ обнаруживается впоследствии, напр. утверженіемъ, что Новгородъ, Псковъ и нѣкоторыя другія мѣстности «имѣли центральное управленіе на мѣстѣ», и что власть воеводъ этихъ городовъ, равная власти Московскихъ приказовъ, распространялась на множество подчиненныхъ городовъ, воеводы которыхъ сносились съ Москвой *только* черезъ ихъ посредство. Замѣчаніе относительно *характера* власти воеводъ городовъ, отдаленныхъ отъ центра, вполнѣ правильно: она распространялась на всѣ отрасли управленія и замѣняла собою власть приказовъ; но замѣчаніе относительно области ея распространенія на «пригороды» неточно, — какъ указалъ уже Градовскій: въ *этомъ* отношеніи власть воеводъ Новгорода, Пскова, Казани и т. д. мало отличалась отъ власти воеводъ брусныхъ центральныхъ городовъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разграниченіи понятій чети и областного приказа, выдвинутомъ въ нашей новѣйшей литературѣ, такъ какъ уже должны были сдѣлать это, говоря о происхожденіи четей; скажемъ только еще разъ: чети были результатомъ внутренней, финансово — сословной политики Московскаго государства, въ то время, какъ областные приказы были всецѣло результатомъ его вѣдшей политики.

Заканчивая нашъ обзоръ возникновенія системы московскихъ приказовъ, сведемъ все сказанное къ немногимъ словамъ. Приказное управленіе въ древнѣйшемъ смыслѣ, существовавшее еще въ XI вѣкѣ, не вызывало сначала къ жизни никакихъ учрежденій. Лишь въ началѣ XVI вѣка появляются первыя *учрежденія*, осно-

ванныя на приказной системѣ, съ центральнымъ значеніемъ для всей государственной территоріи или значительной ея части.

Ихъ появленіе непосредственно вызвано объединеніемъ сѣверо-восточной Руси подъ властью Москвы: значительное расширеніе государственной территоріи привело къ необходимости образованія посредствующей инстанціи между верховной властью и мѣстными ея органами. Къ тому же измѣнилось и самое отношеніе верховной власти къ ея мѣстнымъ органамъ, все настойчивѣе стала сказываться необходимость ограниченія власти и доходовъ намѣстниковъ.

Наряду съ этой основной причиной дѣйствовали и другія, болѣе частнаго характера, повліявшія на возникновеніе той или другой группы приказовъ.

Такъ, измѣненіе международнаго положенія Москвы и признанная имъ необходимость реорганизации военныхъ силъ привело къ созданію Разряда, Посольскаго и Помѣстнаго приказовъ.—Значительное увеличеніе количества дворцовыхъ земель, въ связи съ измѣненіемъ отношеній вел. князя къ «вольнымъ слугамъ», вызвало измѣненіе характера придворныхъ должностей, а въ связи съ нимъ—и появленіе группы дворцовыхъ приказовъ. Ограниченіе судебной власти намѣстниковъ способствуетъ возникновенію приказовъ Разбойнаго и Холопьяго, а окончательное упраздненіе этой власти на значительной части государственной территоріи вызываетъ появленіе четей. Наконецъ, присоединеніе къ Московскому государству новыхъ обширныхъ земель ведетъ къ соединенію ряда территориальныхъ приказовъ по обѣимъ окраинамъ, восточной и западной. Что касается до послѣдовательности возникновенія отдѣльныхъ группъ приказовъ, то—несмотря на большія колебанія въ предѣлахъ каждой группы—въ общемъ можно утверждать, что группа дворцовыхъ приказовъ старше группы приказовъ по общему управленію. Изъ послѣднихъ старѣйшимъ, несомнѣнно, является Разрядъ, и по своему центральному положенію въ системѣ московскаго приказнаго управленія занимающій безусловно первое мѣсто въ ряду другихъ приказовъ.

Непосредственно вслѣдъ за Разрядомъ, какъ центральнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ высшій классъ населенія службою, появляется Помѣстный приказъ, вѣдающій тотъ же классъ земель, устранившаго его поземельныя отношенія, обеспечивавшія для него самую возможность вести службу.

Одновременно съ процессомъ выдѣленія помѣстнаго вѣдомства, захватывающимъ 40-е и 50-е годы XVI столѣтія, выдѣляются вѣдомства посольское, разбойное и холопье: выдѣленіе двухъ по-

слѣднихъ являются результатомъ политики московскаго правительства въ эпоху между первымъ и вторымъ Судебниками, клонившейся къ ограниченію судебной власти намѣстниковъ. Необходимость выдѣленія Посольскаго вѣдомства прямо вытекаетъ изъ измѣнившагося международнаго положенія Москвы.

Ко времени реформы 1555 г. несомнѣнно существовали уже слѣдующія центральныя учрежденія: Разрядъ, Посольскій, Помѣстный и Разбойный приказы и приказъ Холопьяго Суда.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформы 1555 г. возникаютъ въ 60—70 хъ г. г. XVI столѣтія Б. Приходъ, Б. Казна и чети, оловцовыя учрежденія, замѣнившія собою отчасти прежнее вѣдомство казначеевъ, отчасти—упраздненное намѣстниче управление, причемъ чети играютъ первое время роль центральныхъ кассъ для сбора оброчныхъ денегъ («за намѣстничъ и за волостелинъ доходъ») и только впоследствии (съ 90-хъ г.г. XVI столѣтія) получаютъ значеніе территориальныхъ приказовъ съ административно—судебными функциями. Въ это же время складывается и вѣдомство Земскаго приказа, замѣнившаго собой для Москвы и ея уѣзда какъ территориальную четъ (въ ея позднѣйшемъ значеніи), такъ и губныя учрежденія, дѣйствовавшія въ областяхъ. Наконецъ, въ самомъ концѣ XVI в. появляются судныя областныя приказы, какъ отголосокъ той-же реформы, упразднившей намѣстниче управление, которой были обязаны своимъ существованіемъ и чети. Одновременно съ ними, а можетъ быть—и нѣсколько раньше—возникаетъ и Челобитный приказъ, какъ передаточная инстанція между центральными судебными мѣстами подчиненнаго управленія и царемъ съ думою.

Внѣ этой общей послѣдовательности возникновенія Московскихъ приказовъ XVI вѣка стоитъ образованіе областныхъ территориальныхъ приказовъ, возникавшихъ по мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ новыхъ областей, отличавшихся отъ нея болѣе или менѣе рѣзко по своимъ бытовымъ условіямъ.

По своему внутреннему устройству огромное большинство московскихъ приказовъ XVI в. (за исключеніемъ дворцовыхъ) можетъ быть подведено подъ два основныхъ типа: дьячьей канцеляріи—съ функциями административными (Разрядъ), финансовыми или дипломатическими—и боярскаго коллегіи—съ судебными функциями. Характеръ *постояннаго* учрежденія первые получаютъ—вообще говоря—раньше вторыхъ. Принципъ коллегіальности въ рѣшенія дѣлъ примѣнялся въ XVI вѣкѣ только въ послѣднихъ, тогда какъ учрежденія, подобныя Разряду, Посольскому приказу или четямъ, управлялись нераздѣльно тѣмъ дьякомъ, которому они были поручены великимъ княземъ.

Наконецъ, что касается до тѣхъ основаній, по которымъ распредѣлялись дѣла между приказами XVI столѣтія, то, повидимому, принципъ | азграниченія компетенцій по роду дѣлъ еще рѣшительно господствовалъ въ эту эпоху надъ принципомъ сословнымъ, выступившимъ на первый планъ въ XVII стол., но зато неоднократно вступалъ въ различныя комбинаціи съ принципомъ территориальнымъ (областные дворцы, чети, судные приказы и земскіе дворы).

